

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

Василий Звягинцев
Вихри Валгаллы
Серия «Одиссей
покидает Итаку», книга 5

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120372

Вихри Валгаллы: Эксмо; 2006

ISBN 5-699-05483-9

Аннотация

Борьба двух сверхцивилизаций за господство во Вселенной зашла в тупик. Оба соперника использовали весь имеющийся в их распоряжении военный и интеллектуальный потенциал. И тут одна из противоборствующих сторон делает неожиданный и смелый шаг – приглашает всеюзнки пятерку отчаянных землян. Не желая быть послушными пешками в чужой игре и взяв на вооружение невероятные достижения инопланетной науки и техники, Андрей Новиков и его друзья заставляют считаться с собой даже могущественных Властелинов Космоса. А для начала они слегка изменяют ход земной истории...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Пролог-1	4
Пролог-2	33
ГЛАВА 1	55
ГЛАВА 2	95
ГЛАВА 3	133
ГЛАВА 4	173
ГЛАВА 5	196
Конец ознакомительного фрагмента.	210

Василий Звягинцев

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

Вечность оказалась совсем не страшной и гораздо более доступной пониманию, чем мы предполагали прежде.

В. Катаев, «Святой колодец»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕРЖАТЕЛИ МИРА

*Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны.*

Н. Гумилев

Пролог-1

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Теперь об этом вспоминать можно почти спокойно. А тогда... В промежутке между двумя действительно подлинными событиями я не осознавал себя собою. И память моя там, внутри сюжета, была какая-то спутанная, лоскутно-рваная. Возможно, так чувствуют и воспринимают мир больные зло-

качественной шизофренией в период обострения.

Мне даже сейчас трудно отчетливо сообразить, что было на самом деле, что пригрезилось в странном полубреду-полусне, а что я реконструировал гораздо позже из обрывков собственных впечатлений, ранее читанного и слышанного. Или просто мне показалось, будто кое-что из случившегося должно было выглядеть именно так.

Но все-таки происходило это именно со мной, а уж в реальном мире или воображаемом – не столь важно. Поэтому я здесь сохраняю форму повествования от первого лица, хотя, строго говоря, полного права на это не имею.

...Сильвия направила мне в лицо свой пресловутый, тускло блеснувший старым золотом портсигар.

– Так что, пойдём в неизведанные миры?

– Пойдем, май бьютифул леди, – ответил я, успел еще уловить на ее лице улыбку, в которой мне почудилось сочувствие и даже нечто похожее на нежность, потом рубиновая кнопка под ее пальцем вспыхнула, как сверхновая звезда.

Когда я очнулся... Если это я очнулся... Помещение было длиной сажени в пятьдесят. Ширина – соответственная. Двери – три сажени по длинной стороне и по одной в торцах, сбитые из толстых брусьев в елку, перехваченные железными коваными полосами, замки – снаружи. Высота дверей, а точнее ворот, – аршин по шесть, а то и больше. Это мог быть железнодорожный пакгауз, склад лесоторговой базы, армей-

ский арсенал.

Откуда я знал такие слова – непонятно. Они всплывали в памяти сами собой, применительно к обстановке.

Загнали сюда людей тысяч около трех, а то и все четыре. Считать не было нужды, я хорошо представлял и так, что армейский полк четырехбатальонного состава штатной численностью две тысячи восемьсот человек занимал несколько меньше места, будучи построены в ротные колонны.

В россыпь – требовалась большая площадь. В центре барака (это слово тоже вспомнилось внезапно) от пола до двухскатной крыши громоздились четырехэтажные настилы из плохо оструганных досок, закрепленные на столбах из совсем неошкуренных бревен, на которых жители этого странного места проводили большую часть времени в неглубоком тревожном сне, разговорах, карточных играх, ловле вшей и в прочих позволяющих коротать тягучее бессмысленное время занятиях. Эти настилы были сделаны отнюдь не для удобства обитателей, а исключительно в целях экономии площади. И еще – для облегчения труда охранников, поскольку обитатели были определенным образом структурированы, разбиты на примерно равные по численности группы, а широкие проходы вдоль стен и между секциями позволяли видеть все в них, секциях, происходящее.

Я понимал, что пребывание здесь, во-первых, совершенно для меня неуместно, а во-вторых, таит постоянную смертельную опасность. Но отчего так – сообразить не мог, хотя

и старался.

Я кружил как заведенный (вот именно) по длинным «улицам и переулкам» между «вагонками» – так назывались эти многоэтажные спальные места, – заложив руки за спину и морщась от непереносимо густого запаха, по сравнению с которым атмосфера солдатской казармы (а я помнил, что это такое и как там пахнет) была почти так же свежа, как сосновый воздух Кисловодска.

Начальной и конечной точкой моего маршрута были две огромные ржавые железные параша, установленные у торцов барака, которые наполнялись так быстро, что их выносили каждые два часа.

А кроме параш, свою парфюмерную ноту добавляли прогнившие портянки, месяцами не стиранные рубахи и кальсоны, кишечные газы, выделяемые всеми и постоянно, даже и помимо физиологических отправлений, махорочный дым бесчисленных самокруток.

Я знал и помнил удивительно много, за исключением того, кем являюсь в этой жизни, как и когда сюда попал и что будет дальше.

Можно было предположить, что в стране идет какая-то война и часть обитателей барака – военнопленные и интернированные, еще часть – заложники, дезертиры, а также перебежчики и мародеры. Присутствовали здесь и обычные, «штатские» преступники, которых кто-то и зачем-то поместил в это же узилище.

Я догадывался, что являюсь врагом тех, кто создал это место – концлагерь, пересыльную тюрьму, сортировочный пункт... Был в состоянии вспомнить, что нечто подобное уже когда-то видел или читал о похожем, а главное – не испытывал удивления от того, что оказался здесь. В голове, слишком пустой для нормального человека, наряду с еще несколькими мыслями крутилась и такая: «от сумы и тюрьмы не зарекайся».

Невозможность вспомнить, как меня зовут и по какой причине я здесь, а не в ином, более приятном месте, меня тревожила, но не слишком. А вот то, что спрашивать об этом окружающих нельзя, я понимал четко. Вообще, нельзя ни с кем и ни о чем говорить, кроме, может быть, самых элементарных вещей. По-настоящему важным казалось лишь одно – необходимость выжить. А лучше – убежать отсюда. Я сознавал, что являюсь кандидатом на какой-нибудь из видов практикуемых здесь способов убийства, но знал и то, что обладаю способностями этого избежать.

А что я образован и куда более умен, чем большинство и узников, и охранников, сообразить было не так уж трудно даже в тогдашнем моем полурастительном состоянии.

Кажется, в первую же ночь моего здесь пребывания – на дощатом настиле четвертого этажа (я туда забрался, чтобы сверху не сыпался всякий мусор и чтобы с пола нельзя было походя дотянуться), рядом оказался профессор университета, так он представился.

Разговаривали мы шепотом и на какие-то серьезные темы, чуть ли не о Шопенгауэре. При этом я зубами перекусывал и выдергивал толстую вощеную дратву, которой намертво были пришиты к моей шинели мятые замусоленные погоны. Какому чину они соответствовали, я забыл сразу же, как только затолкал их в щель между потолочными досками. И, направляемый звериным инстинктом, на следующую ночевку устроился совсем в другом конце барака. Просто подошел, отодвинул лежащего на понравившемся мне месте человека и лег сам, подложив под голову довольно еще приличные сапоги, чтобы удобнее было и чтобы не украли промышлявшие этим жалкие, но юркие личности.

Однако какая-то мысль, мелькнувшая в момент, когда я прятал погоны, в глубине памяти засела.

Исходя из представлений о нормальной реальности, жить здесь было нельзя, однако жизнь тем не менее продолжалась. Особенно ночью. Барак освещался несколькими железнодорожными ацетиленовыми фонарями, подвешенными на балках, но, за исключением десятка ближайших к ним квадратных метров, где можно было даже и читать, если бы нашлось что, остальное пространство заполнял мутно-сизый, слабо светящийся туман, позволявший разве что не наткнуться на столбы и бродящих между ними узников.

В бараке наряду с мужчинами содержались и женщины, пусть и в значительно меньшем количестве. Для них был отведен левый дальний угол с собственной парашей и подобии-

ем дощатого забора, преграждавшего путь «искателям приключений». Для охраны границы имелось нечто вроде отряда самообороны из вооруженных обломками досок дюжих, зверовидного облика баб, которые неизвестно что и обороняли – вполне возможно, свои собственные права на попавших под их власть более приличных женщин.

Оказавшиеся же случайно вне этой охраняемой зоны или вновь загоняемые в барак с очередным этапом женщины, не успевшие добежать до «заставы», почти независимо от внешности становились легкой добычей жаждущих развлечений обитателей этого странного мира, и из темноты то и дело доносились отчаянные крики, гогот, матерная ругань и прочие соответствующие происходящему на нарах и асфальтовом полу между ними звуки.

Бывало даже, что на нейтральной полосе вспыхивали ожесточенные и кровопролитные схватки между охотниками за живым товаром и злобными, нечесаными «брунгильдами» за право обладания какой-нибудь особенно привлекательной узницей.

Мне тогда все эти местные страсти были почти совершенно безразличны. Каждый живет и умирает в одиночку, так я считал. А вот в том, что именно мне выжить необходимо, я был уверен. И знал, что в состоянии сделать это. Такое знание было дано мне имманентно. А иногда даже казалось, что вот сейчас я вспомню (он вспомнит) название книги, в которой было описано именно вот это непосредственно со мной

сейчас происходящее.

Но ничего не получалось, мысли расползались, как утренний туман под лучами поднявшегося над горизонтом солнца.

К примеру, я отчетливо понимал, что следует делать, когда открывались те или другие ворота, в них входили вооруженные винтовками и револьверами люди в кожаных куртках и длиннополых шинелях и начинали выкрикивать фамилии, заглядывая в толстые амбарные книги.

Своей фамилии я, конечно, не помнил, хотя и надеялся, что если она прозвучит, то я ее узнаю.

Откуда-то было известно, что те, которых вызывают, никогда больше не вернутся обратно, скорее всего их убьют совсем рядом с бараком, и я решил не откликаться, когда очередь дойдет до меня. Но потребность услышать свое имя была мучительно сильна, и я всегда пробирался к самым воротам в то время, когда все остальные арестованные инстинктивно старались держаться от них подальше.

Слишком уж плохо мне здесь не было. К физическим тяготам жизни в заключении я относился равнодушно, а ощутить истинное отчаяние от своей непонятной амнезии мешала та же самая амнезия плюс эмоциональная тупость.

Каким-то образом я знал, что успел стать в бараке личностью легендарной. Слишком отличался от других. Натурам примитивным я казался опасным в силу непонятности своего поведения, а более развитым и образованным – либо сумасшедшим, либо разыгрывающим какой-то тщательно про-

думанный сценарий.

Однажды, проходя мимо ограждения женской секции барака, я увидел на одной из верхних вагонок лицо, показавшееся странно знакомым. Тем более что и молодая эта дама, очевидно, красивая, несмотря на грязные разводы на щеках (или просто свет так падал) и низко надвинутый на брови платок, смотрела на меня неотрывным пронзительным взглядом.

В тоскливом свете сползающего к закату дождливого, туманного дня, едва пробивающемся вдобавок сквозь грязные стекла забранных решетками окон под потолком, мне показалось, что она делает мне какие-то знаки руками и мимикой лица пытается что-то сказать. Заинтересовавшись, я хотел подойти поближе, спросить, что ей нужно. Однако толстая баба с бульдожьим лицом направила мне в грудь длинную палку с торчащим из нее кованым ржавым гвоздем, прошипев что-то матерно-угрожающее. Я пожал плечами и отвернулся. И тут же забыл о привлекшей внимание женщине. Мало ли о чем я забывал каждую минуту и каждый час! Хотя, когда я уже уходил, в мозгу вдруг отозвалось эхом странное слово, непонятное и одновременно знакомое. Может быть, так она позвала меня?

Вновь я увидел эту же женщину на следующий день или недель позже. Время для меня тогда не имело систематической протяженности. Иногда оно отмерялось кормежками – вдруг открывались ворота, люди, похожие на прочих оби-

тателей барака, вкатывали тачку с корзинами грязной, ломаной, начинающей протухать селедки или невымытой полусырой картошки, а бывало, что и плесневелый ячменно-гороховый хлеб выдавали по какой-то непонятной схеме. Узники становились в очередь, получали еду, потом ее делили. Мне тоже доставалось – человек, каждый раз новый, дергал за рукав, совал в руку кусок чего-то, что можно было есть, я жевал, не ощущая вкуса, и забывал об этом до следующего раза.

Были здесь и другие люди – их не интересовали жалкие подачки охранников. Сидя на нарах, они играли в карты, нарочито громко хохотали и разговаривали, пили спирт и самогон, рвали руками караваи белого хлеба, ломали круги домашней колбасы, запихивали в волосатые рты крутые яйца. Громко рыгали после еды. Места, в которых они обитали, освещались собственными коптилками или толстыми церковными свечами, потому что карточная игра, происходившая здесь непрерывно, требовала яркого света. Иногда я останавливался возле них, смотрел в упор, пытаюсь понять, почему так...

Интересно, что меня не прогоняли. Или старательно делали вид, что не замечают, или спрашивали:

– Ну, генерал, жрать хочешь?

Я не знал, что такое генерал, вернее, знал, но с собой не соотносил, потому что именем это слово не являлось, а на вторую часть вопроса не отвечал, подчиняясь не зависящему

от моей воли внутреннему импульсу. Но если отвратительного вида существо протягивало мне кусок колбасы, а то и жестяную кружку с дурно пахнувшей хмельной жидкостью, я не отказывался. Выпивал, закусывал, коротко кивал, благодаря, и вновь уходил в свое бесконечное путешествие по улицам и переулкам таинственного барака.

... Однажды, обернувшись, увидел, что рядом семенит бородатый человечек в пенсне, вместе с мятой шляпой едва достающий мне до плеча. И мы с ним оживленно обсуждаем диалог Платона «Пир».

– Здесь вы не совсем правильно толкуете мысль Сократа, господин генерал, – сказал собеседник.

– Да, кстати, я давно хотел спросить, почему вы называете меня генералом?

– Ну как же, все вас так называют. И шинель ваша... По возрасту вы, наверное, скорее должны бы быть капитаном или подполковником, а то и прапорщиком запаса. Кадровые офицеры в философии куда меньше сведущи, однако чего в гражданских войнах не бывает...

– Гражданская война, вы сказали? – Я наморщил лоб, соображая. – Это какая же? Какую войну вообще можно считать гражданской? Восстание Пугачева так ведь не называлось?

Мой спутник нахохлился, помолчал, выгребая из кармана смешанные со всяким мусором табачные крошки. Подул на ладонь, чтобы как-то их очистить, удивительно ловко для че-

ловека его внешности свернул козью ножку. Пыхнул дымом.

– Хотите затянуться?

Я поморщился, ощутив испускаемый самокруткой мерзкий запах.

– Благодарю. Я больше люблю сигары.

– Кубинские? – заинтересовался собеседник.

– Всякие, но как раз кубинские при Кастро много хуже стали. Мы их только студентами курили, по причине дешевизны. А вот из Гватемалы...

– Вас, наверное, на фронте сильно контузило? – сочувственно спросил собеседник и добавил после продолжительной паузы: – А я экстраординарный профессор Петербургского университета Самарин Лев Кириллович. Мы с вами на соседних нарах недавно спали. Я латинист, историк, филолог. Тексты знаю. А вы, позволю отметить, ни разу не сбились. Как по-писаному цитируете. И, что удивительно, крайне остроумно каждую мысль Платона комментируете. С весьма оригинальных позиций. Попробуйте вспомнить, где вы учились? В каком году? Не могли же вы совершенно все забыть, раз качество личности в полном объеме сохранили... У вас же классическое образование. И вы, безусловно, дворянин...

– Не помню. Какое образование – не помню. Но если вы специалист, то не скажете ли, что это за место и что мы здесь делаем? А потом, если хотите, побеседуем о Камю и Сартре. Мне кажется, у них было что-то подходящее именно к тепе-

решному нашему положению.

Профессор испуганно обернулся.

– Подождите, генерал, мне кажется, за нами следят. Уже давно. Какая-то тень все время позади мелькает. Идет следом, а стоит нам приостановиться – прячется в темноте...

Я тоже посмотрел назад, в ту сторону, где и мне помешалось за стойками нар смутное шевеление. А в голове опять зазвучал голос, кажется, женский. Но как издалека, в лесу – тональность улавливается, а слов не разобрать.

– Да кому здесь за нами следить и зачем?

– Чекистам... – страшным шепотом произнес профессор. – Они везде. Улики собирают. Я лучше пойду, пожалуй... – И неожиданно ловко метнулся в ближайший проход. Как летучая мышь.

Я удивленно пожал плечами, и тут же по ушам, перекрывая ставший уже привычным постоянный гул заполненного тысячами людей барака, ударил пронзительный крик:

– Андрей, помоги! Помоги, скорее!

Наконец-то! Я услышал свое имя и сразу узнал его. И тут же вспомнил еще многое, хотя далеко не все. Не хватало самого главного. Но как теперь поступать, я знал! Крутнулся на каблуках, лоя направление. Крик несся как раз оттуда, где нам с профессором почудилась колеблющаяся тень. И стал еще пронзительнее, только теперь уже нельзя было разобрать слов – бессвязный вопль ярости, страха и отчаяния.

Повинуясь вновь обретенному знанию, я сбросил с плеч

шинель и, чувствуя в себе пробудившуюся звериную силу и точность движений, бросился на зов.

В проходе между нарами клубилась куча тел. Света было достаточно, чтобы я увидел: четыре или пять тех самых, гнусного вида обитателей барака, что постоянно жрали, пили и играли в карты, пытались затащить на угловые нижние нары женщину, которая когда-то привлекла мое внимание.

Самое удивительное, что пока еще ей удавалось оказывать насильникам достойное сопротивление. Хотя с нее уже содрали черное полупальто, оторвали рукав бархатного жакета, пытались заломить ей за спину руки и повалить на кучу вонючего тряпья.

Раз за разом странная женщина вырывалась, наносила иногда резкие, почти профессиональные удары, но озверевшие мужики, словно бультерьеры, обладали таким низким порогом чувствительности, что бить их следовало сразу кувалдой, а не легким женским кулаком.

Я, вспомнивший, что меня зовут Андреем, разбросал в стороны загораживающих проход любопытных и сочувствующих той или иной стороне и оказался один посередине вдруг очистившейся площадки.

– Всем стоять! – рявкнул голосом, которым привык командовать на огромном, заполненном войсками плацу.

В первый момент это подействовало. Цепкие руки опустились, женщина отскочила в сторону, прижалась спиной к стене, судорожно, со всхлипами дыша и рефлекторно пыта-

ьясь прикрыть обрывками рубашки полуобнаженную грудь.

– А кто это тут такой смелый нашелся? – прогудел сиплым баритоном заросший клочковатой бородой монстр в короткой грязно-белой бекеше нараспашку. – Никак ихнее превосходительство? А ну катись отсюда, убогий, пока рога не обломали!..

За ним возникли, тупо ухмыляясь щербатыми ртами, еще три таких же звероподобных троглодита.

В наступившей тишине слышались только вздохи-стоны загадочной женщины.

А меня охватила вдруг злая, окрыляющая радость. Теперь я знал, что делать дальше.

Ситуация даже не требовала каких-то чрезвычайных мер и методов. Правой рукой я изобразил не очень быстрый замах, направленный в челюсть ближайшему противнику, и, когда тот попытался его парировать, хлестко, словно по мячу с одиннадцатиметрового, ударил его носком сапога в промежность. Удар сопровождался хрустом, будто лопнул арбуз. Похоже, кроме прочего, я перебил ему тазовые кости. Даже не вскрикнув, мужик кулем повалился на заплеванный пол. Ребром ладони, снизу вверх, под угол челюсти, тому, что мельтешил рядом, и тут же, с поворотом, третьему по прикрытому бородой кадыку.

– Во дает! Силен, однако! – восторженно вскрикнул кто-то из теснившихся вокруг. Четвертый отступал, что-то бормоча и выставив перед собой кривой сапожный ножик. На-

ткнулся спиной на женщину. Она брезгливо отстранилась и неожиданно для всех, отпустив ворот своей рубашки, с невероятной быстротой и силой ударила его острым локтем в переносицу.

Хрюкнув, мгновенно залившись черной кровью, хлынувшей из ноздрей и рта, насильник сполз по столбу и замер, обхватив ладонями харю. Если он и не потерял сознания, то всеми силами пытался это изобразить.

Толпа вокруг замерла. Подобного им еще видеть не приходилось. То ли дело сельские драки стенка на стенку, где после ударов пудовых кулаков бойцы матерились, выплевывали зубы, сморкались кровью, но продолжали героически сражаться.

Я схватил женщину за руку. Еще немного, и вспомню, как ее зовут и что нас друг с другом связывает. А пока ясно только, что пора уходить. И с этого места, и вообще.

Строили эту тюрьму и охраняли ее явные дураки. Словно вообще не предполагали, что найдутся желающие из нее убежать.

Одним словом, отнюдь не замок Иф. В дальнем углу барака, там, где я провел первую ночь, не составило труда, уперевшись спиной в низкий потолок, оторвать от стропил две широкие доски. Только протяжно заскрипели ржавые гвозди. Соседи по вагонке делали вид, что ничего не замечают. В пахнущем пылью треугольном пространстве между чердачным настилом и крышей я на ошупь вывернул несколь-

ко черепиц, просунул голову наружу. Вдохнул сырой туманный воздух с тем же чувством, что и подводники, открывшие рубочный люк после двухмесячной автономки. Помог выбраться на крышу женщине. Она молча подчинялась всем моим командам.

Только когда мы спустились вниз по кованым крючьям водосточной трубы, пересекли обширный пустой двор, слабо освещенный несколькими фонарями по углам забора, пролезли между редкими, нерадиво натянутыми нитками колючей проволоки и оказались на дне глубокого оврага, заросшего кустарником, стало ясно, что вырвались, спасены. Хотя бы до утра, когда можно будет выяснить, куда нас занесло и что делать дальше. А пока надо уходить отсюда подальше.

Я взял женщину за руку выше локтя, потянул к себе, собираясь наконец спросить, кто же она такая и что нас с ней связывает. И ощутил вдруг волной накатившийся страх, острый приступ головокружения и невыносимую боль под левой лопаткой. Что это? Посланная вдогон пуля охранника? Тогда почему я не слышал выстрела?

Цепляясь руками за гибкие колючие прутья и чувствуя, как подо мной скользит и переворачивается земля, я еще услышал, как женщина, обхватив меня за плечи, кричит срывающимся голосом:

– Андрей, ты здесь? Ты меня видишь? Что случилось? Андрей, ну отзовись же...

Наверное, в этот момент я умер, так и не поняв, что происходит.

...В покрытое толстым слоем льда маленькое оконце ударил луч встающего из-за сопки солнца. Оконное стекло превратилось в подобие облизанного до бритвенной тонкости красного леденцового петушка.

Радужным огнем вспыхнула граненая пробка стоявшего на сколоченном из толстых досок столе графина.

Медово засветились свежеструганные, с потеками абрикосовой смолы бревна стен.

Донесся запах трещащих и стреляющих в печи дров. И жарящихся на подсолнечном масле пирожков с капустой, картошкой и печенкой. Совсем как в далеком уже детстве, когда с подобной цветовой гаммы, звуков и запахов начиналось предпраздничное утро тридцать первого декабря пятьдесят какого-то года...

Если сейчас медленно, предвкушая удовольствие, открыть глаза, то в углу комнаты увидишь украшенную сверкающими шарами и игрушками, разноцветными флажками и бумажными цепями елку, а за окном густо-синее безоблачное небо и верхушки покрытых сахарным инеем кленов.

Днем ждет новогодний спектакль с возбуждающей процедурой раздачи подарков в старинном здании драмтеатра, потом единственная в году ночь, когда родители не запрещают читать «Тайну двух океанов» до самой полуночи, а впереди

целых десять дней зимних каникул.

Подобного ощущения абсолютного счастья я не испытывал больше никогда.

Улыбнувшись, я так и сделал – медленно открыл глаза. Увидел низкий деревянный потолок над широким топчаном, на котором лежал, совсем маленькую комнату, где только и помещались стол, табурет да домотканый коврик на полу, малиново светящееся оконце со стаканом крупной серой соли между рамами (чтобы не запотевали стекла). Полуоткрытая, сколоченная из лиственничных брусьев дверь вела в соседнее помещение – очевидно, кухню, откуда и доносились напомнившие о детстве запахи пирогов и еще приятный женский голос, напевающий «Песню без слов» из кинофильма «Мой младший брат».

Мелодию я узнал сразу, а вот где нахожусь, что это за охотничья избушка (так воспринималось это помещение) – сообразить не мог. Но постель была мягкая, обстановка – уютная, женский голос – волнующий и как бы намекающий на другие достоинства его обладательницы. Вставать не хотелось, да вроде и необходимости такой не было. А что я не помню ничего о себе и обстоятельствах, приведших в этот гостеприимный дом, так какая, в сущности, разница, кем себя считать и где находиться?..

Так человек в момент пробуждения забывает сон – остается лишь ощущение чего-то яркого, увлекательного, внутренне логичного, а попытка вспомнить его содержание сразу

рвет в клочья эту невесомую радужную ткань, превращает ее в клубящийся серый туман...

И вся моя предыдущая жизнь представлялась сейчас долгим сном, содержание которого растворилось в этом тумане.

Только, кажется, не все в моем сне было так уж красиво и безоблачно, скорее наоборот... По мере того как происходил переход от сна к яви, чувство тревоги нарастало, я погружался в нее, как в холодную воду, от только что владевшей мною эйфории не оставалось и следа.

Откинув одеяло, я резко сел, поискал глазами одежду. Дверь в кухню открылась, на пороге появилась высокая тонкая женщина с распущенными по плечам, отливающими светлой медью волосами. Молодая, наверное, нет и тридцати, с лицом заграничной кинозвезды... Как звали ту, в фильме про первобытных людей и динозавров? Тоже странно, название фильма я вспомнить не смог, а имя актрисы память услужливо подсказала: Рэчел (или Ракель?) Велч. Тогда мы все ею восхищались. Действительно похожа. Самое интересное – женщина была совершенно голая. Если не считать золотистых меховых сапожек из шкуры нерпы. Нет, я ошибся – на ней были совсем узенькие трусики телесного цвета...

Увидев, что я проснулся, женщина широко улыбнулась большим, но все равно красивым ртом.

– С добрым утром. Вставай, завтрак уже готов...

Видимо, мы были с ней достаточно близки, раз она позволяла себе разгуливать в таком виде, нимало этим не сму-

щаясь.

Первым побуждением было протянуть руку, поманить к себе, обнять... Очевидно, подобный поступок соответствовал бы логике наших отношений. Да и ее тело, настолько утрированно сексуальное, что больше напоминало рисунок Бидструпа, нежели реально существующий объект, не позволяло думать ни о чем другом...

Но я этого не сделал, более того – непонятный страх усилился. Словно была это не просто красивая, влекущая и, наверное, доступная женщина, а какая-нибудь гоголевская панночка... Мне захотелось вскочить, выхватить из-под подушки пистолет, который наверняка должен был там лежать со вчерашнего вечера, щелкнуть затвором. Отчего вдруг? Какие стертые из памяти, но сохраненные подсознанием события внушили вдруг такую мысль?

Наверное, я не совладал со своим лицом, потому что женщина вскинула перед собой руки испуганным жестом. Улыбка исчезла, сменилась растеряннo-жалкой гримасой.

– Андрей, что ты, что ты?.. Почему ты так смотришь? Это же я... Тебе снова приснилось что-то? Ляг, успокойся, сейчас все пройдет. Подожди, я принесу тебе воды или, может быть, кофе? – Продолжая говорить, она пятилась назад, отступила за порог и только там остановилась, положив ладонь на дверную ручку, готовая при первом моем движении захлопнуть тяжелое полотнище.

Чем я ее смог так напугать? А она меня? Что вообще про-

исходило между нами накануне днем? Или ночью?

Отчего она в таком виде? Мы что, спали с ней вместе? Судя по солнцу, сейчас раннее утро, значит, совсем недавно она лежала рядом, а я это напрочь забыл?

Андрей? Она назвала меня Андреем? Так меня зовут? Странно, но почему бы и нет?

Чтобы успокоить женщину, я откинулся на подушку и даже спрятал руки под одеяло.

– Я ничего не понимаю. Я не знаю, почему ты меня боишься. Как тебя зовут? Где мы находимся? Объясни. Я заболел? У меня что-то с головой? Если мне нужно лекарство – принеси. Обещаю вести себя спокойно... – Слова легко возникали у меня в голове и слетали с губ, но одновременно мне казалось, что произносит их кто-то другой. Значение каждого слова по отдельности я вроде бы понимал, но фразы звучали словно на чужом языке.

Женщина слушала меня, чуть наклонив голову, лицо ее постепенно вновь принимало обычное выражение.

Она подняла с пола, грациозно присев, лежавшую под вешалкой скомканную мужскую рубашку, надела в рукава и застегнула две нижние пуговицы. Прикрыла свои прелести, но стала от этого еще более привлекательной.

Кажется, я действительно уже видел ее раньше. Так знакомы эти длинные загорелые ноги каких-то особенно плавных очертаний, гладкий подтянутый живот, характерный поворот головы, необычный, изумрудный оттенок глаз... Имя,

еще бы услышать ее имя, тогда я, наверное, вспомню и все остальное...

Приподнявшись на подушке, я собрался повторить свой вопрос и увидел, как женщина, воспользовавшись моментом моей слабости или промедления, отскочив за порог, потянувшись рукой, подняла стоящую в кухне у стены короткую винтовку незнакомой системы и неуклюжим движением, оттопырив локти, направила мне в глаза черное колечко дула.

Не помню, успел я дернуться навстречу, был ли вообще выстрел, только постель подо мной качнулась, завертелась, стремительно набирая обороты, веселый золотисто-розовый свет померк. Секунду еще я различал в накатывающейся мгле словно вырезанный из черной бумаги женский силуэт, потом он растворился в визжащей, как циркулярная пила, вязкой темноте...

Выходит, что я умер вторично.

...Серый, вспененный, предштормовой океан. Под ногами дергается и раскачивается узкая палуба. Низко летят клочковатые, почти черные тучи. Грудами валяются, со звоном перекачиваются от борта к борту гильзы малокалиберных пушек. И я, цепляясь руками за тонкие леера, бегу по этой палубе вперед, на полубак, где в кресле наводчика скорострельного орудия косо висит женщина в ярко-алом комбинезоне, касаясь мокрых досок настила длинными золотисты-

ми волосами.

Я вижу, как справа по курсу, в полукилометре или чуть дальше, бледным бензиновым пламенем горит низкий торпедный катер.

Но мне на него сейчас совершенно наплевать. Рискуя сорваться в кипящие волны, я наконец добрался до лафета, упал возле женщины на колени, увидел вспоротый осколком спасательный костюм и развороченную, с торчащими обломками ребер рану под правой грудью.

Немедленно надо что-то делать, но вот что? Под руками нет даже индивидуального пакета. Еще минута, две – и женщина умрет. А может быть, уже?.. Разве живут с такими ранами? Но что же тогда будет со мной?

Настолько непереносим был охвативший меня ужас, что я рванулся вон из этого кошмара. И – проснулся? Или...

Рванувшись вон из этого кошмара, я вырвался не только из него, а вообще отовсюду, где был и не был. И увидел Вселенную. Как уже видел раньше: будто бы извне, хотя и не понимал, как это возможно. Если она бесконечна во времени и пространстве, значит, по определению не могло существовать никакого «извне».

Однако так было, и это не противоречило каким-то специальным, высшим законам мироустройства.

Более того, вселенных было много, занимающих одно и то же место «пространства», как бы вложенных друг в друга,

отличающихся «фактурой» и «цветом». Это означало, что некоторые существуют сейчас, другие в «прошлом» и «будущем», если принимать за точку отсчета то место и время, где находился «сейчас» я сам. Были такие, что существовали до Большого взрыва, и такие, что возникнут после всеобщего гравитационного коллапса. Все вместе можно было бы назвать Метавселенной. Та часть моего сознания, которая сохраняла связь с исходной личностью, умела оперировать земными понятиями и знала, что видимая мной картина охватывает примерно десять в семидесятой степени лет и полсотни миллиардов парсеков. Дальше все сливалось в слабо фосфоресцирующую дымку.

Я ощущал себя локализованным в известных размерах физическом объеме и одновременно размазанным вдоль пронзающих десятки измерений волновых каналов и струн, словно был невообразимых размеров мыслящей амебой с триллионами псевдоподий и бесконечной скоростью передачи нервных импульсов.

Я понимал, если вообще уместен этот термин, не передающий и доли процента смысла моей нынешней мыслительной деятельности, что сейчас происходит очередная попытка контакта с Держателями Мира или пока еще только подключения к созданной и контролируемой ими Великой Сети.

В тот момент я знал – этот контакт был произвольно инициирован Сильвией, включившей свой универблок, ко-

торый пробил канал внепространственного перехода и тем самым вынес меня за пределы исходной реальности. А там вступили в действие уже другие законы. Мой мозг уподобился компьютеру, долго работавшему в «замкнутом режиме» и вдруг подключенному к сетям Интернета.

Я снова стал если и не равен Держателям по силе и возможностям, то вышел, выражаясь по-футбольному, в одну с ними лигу. А там уж как получится.

Это был наш очередной контакт, по-прежнему односторонний, но куда более глубокий, чем предыдущие. Мне открылся механизм взаимодействия с Сетью, и я даже стал догадываться, каким образом возможно ею управлять. То есть, в идеале, приобрести неограниченную власть над Вселенной, возможность (или даже обязанность) поучаствовать в Игре реальностями в качестве союзника одной из сторон, а как-нибудь позже и в качестве независимой третьей силы.

Нужно было постичь самое главное – как выходить в Гиперсеть самостоятельно, без чьего-либо разрешения или поддержки. Пока что меня в нее «допускали».

Только зачем? И кто? Тот игрок, кто рассчитывает сделать меня своим союзником и потихоньку, оберегая от перенапряжения и срыва, вводит в курс дела или, наоборот, заведомый противник, решивший сжечь мой слабый пока еще, слишком человеческий мозг запредельной перегрузкой?

Сверхспособности Держателей заключались в том, что они постоянно пребывали вне времени и пространства, то

есть не принадлежали даже и к Метавселенной, при этом постоянно воспроизводя в своем «сознании» ее полную информационно-динамическую копию. Выходило так, что они существовали уже тогда, когда не было еще и самого времени. Они создали его сами, для собственного удовольствия.

И, по доступной мне логике, они должны были держать «в памяти» не только реально существующую Метавселенную, но и все ее реализованные и даже гипотетические варианты.

Невообразимо вроде бы. А с другой стороны, даже я сам, прожив на Земле какие-то тридцать с небольшим лет, ухитрюсь держать в полутора тысячах кубосантиметров своего мозга объем информации, достаточный для того, чтобы участвовать в моделировании альтернативных историй и довольно полно представлять схему всех знаний, накопленных человечеством, ну и, наконец, чтобы выступать в качестве партнера этих самых Держателей. При том что физический объем их личностей и срок существования отличаются от моих на миллиард порядков. Так что не в количественных соотношениях тут дело...

Надо возвращаться, понял я, запомнив то, что удалось постичь. Где-то там, в бесконечно далеком и исчезающе маленьком рукаве одной из галактик, затерялось мое человеческое тело, и если я не успею его разыскать, то окажусь пленником Гиперсети навсегда, постепенно развоплощаясь. Заманчивая перспектива для буддиста, но для меня пока преждевременная. Неизвестно почему, но мне, уже приобщивше-

муся к Гиперразуму, хотелось обратно, как ребенку домой из пионерского лагеря. Хоть там и интересно, и море, и походы с кострами, и новые друзья, а дома провинциальный пыльный городок и неизбежная надоевшая школа, а вот тянет, иногда до слез. (Кстати, а это откуда, почему – провинциальный? Ведь я родился и всю жизнь прожил в Москве.)

Я начал стягивать свою бесконечно протяженную личность к единой точке и реконструировать алгоритм возвращения. Задача осложнялась тем, что существовало несколько равновероятных реальностей, возникших в результате не слишком компетентного и корректного вмешательства в игру Высших сил, и попасть в нужную, туда, где осталось единственно подходящее для бессмертной души смертное тело, было куда труднее, чем посадить реактивный истребитель на палубу авианосца в штормовом океане.

Совмещаясь с подходящей по характеристикам нейронной структурой, неведомым чувством я мгновенно понимал, что промахнулся, и «уходил на второй круг».

Тогда и возникали тревожные «звонки» несоответствия, которые включающийся мозг преобразовывал в кошмарные видения.

Себя настоящего я нашел лишь с четвертой попытки. Продолжая все ту же авиационную аналогию (с чего бы пришла на ум именно такая, ведь я никогда не был летчиком?), я понял, что посадка удалась, колеса схватили палубу и крюк

зацепился за трос финишера. Обессиленно откинулся на спинку сиденья, разжал пальцы на мокрой от пота ручке...

До сих пор не могу сообразить, отчего именно из таких вариантов иных реальностей мне пришлось выбирать? Откуда в кошмаре появлялись демонические, угрожающие смертью или сулящие смерть роковые женщины? Не оттого ли, что в момент моего «ухода» с Земли последнее, что я видел, была как раз похожая, пугающе красивая Сильвия? И электронная эманация моей личности инстинктивно выхватывала из параллельных миров нечто сопоставимое? И что ж это за судьбы выпали моим аналогам в неведомых мирах? Не позавидуешь, пожалуй.

Однако то, что я увидел, очнувшись и открыв глаза, меня тоже отнюдь не обрадовало...

Пролог-2

...Пронесясь ураганом над Россией, заканчивался двадцатый год. И ураган, следует признать, был неслабый. Смешавший и перепутавший исторические реальности, геополитические закономерности, предположения и надежды одних и страхи других, коммерческие расчеты и прекраснородушные мечтания, а главное – миллионы и миллионы людских судеб во всех концах света, иногда настолько удаленных от центра событий, что там и слово такое – «Россия» мало кто слышал.

Начинался год если и не для всех приятно, то хотя бы объяснимо. Красные наступали на всех фронтах. Белое движение в Сибири, потеряв своего вождя, практически перестало существовать, лишь в Забайкалье пока держался атаман Семенов. Деникин еще сражался за Северный Кавказ, но положение его было почти безнадежным.

С точки зрения исторического материализма все происходило закономерно и единственно правильным образом.

И как-то сразу трогательное совпадение теории с практикой оказалось вдруг разрушено.

Зажатые в Крыму и не имевшие, казалось, ни малейших шансов не только победить, но хотя бы продержаться до зимы врангелевские дивизии внезапно перешли в наступление и за несколько недель нанесли Красной Армии поражение, сравнимое с тем, что она же потерпела двумя месяцами рань-

ше на польском фронте. А как там все здорово начиналось! «Даешь Варшаву, даешь Берлин!» Еще бы чуть-чуть, и встал вопрос о советизации Парижа, Копенгагена и Амстердама. Однако – сорвалось. Поляки отчего-то вдруг оказали сокрушительный отпор, обратив в бегство одну и разгромив вторую половину армии вторжения. Возможно, именно там и начался очередной зигзаг истории. А вслед за этим и белый фронт от Каховки и Перекопа внезапно докатился до Тамбова, Курска и Смоленска.

Чудовищная, пятисполовиноймиллионная Красная Армия, состоявшая на две трети из насильно мобилизованных крестьян, военнопленных, профессиональных мародеров и отловленных заградотрядами дезертиров, кое-как стянутая обручами жестоких репрессий и вдохновляемая надеждой доделить наконец то, что еще оставалось в руках законных хозяев, бывшая как-то пригодной для наступления на вдесятеро слабейшего противника, после первых же нокаутирующих ударов стала разваливаться, как армия Спартака под ударами легионов Красса и Лукулла.

В недрах самой РКП, деморализованной не столько военными поражениями, сколько неясностью вопроса, кто за них должен отвечать, образовалось нечто вроде заговора, послужившего удобным поводом для первой в истории партии капитальной чистки, не идеологической, а самой что ни на есть физической, с массовыми арестами и не подлежащими обжалованию расстрелами, без учета заслуг и личностей, до

членов Политбюро включительно.

Историкам еще долго предстоит выяснять, что чему предшествовало – заговор в партии удавшемуся покушению на Дзержинского или наоборот. Как бы там ни было, «железный Феликс» был убит выстрелом из снайперской винтовки в тот момент, когда он ехал из Кремля на Лубянку, сжимая в руках портфель с только что подписанными Лениным проскрипционными списками.

Как известно, на смену романтикам революции всегда и повсеместно приходят прагматики. Через двадцать лет или через несколько месяцев, в зависимости от обстановки.

Нашлась замена и рыцарю революции из числа его соратников, молодых, но уже вполне осознающих неразрывную связь интересов ведомства со своими личными интересами. Расширить согласованные с председателем Совнаркома списки подлежащих изъятию делегатов X съезда партии на сотню-другую фамилий не составило труда, и к исходу следующего дня партийно-государственный переворот можно было бы считать свершившимся.

Тем более что нервные перегрузки и треволения последних месяцев, угроза неизбежной гибели первого в мире государства рабочих и крестьян, а также полная неопределенность собственной судьбы сыграли роковую роль. Вождь мирового пролетариата скорострительно скончался от инсульта дождливой октябрьской ночью.

Вся полнота власти, партийной, государственной и воен-

ной, сосредоточилась – так уж все сошлось – в руках товарища Л. Д. Троцкого, верного друга и соратника усопшего вождя, нестигаемого борца за... Ну, за какое-то там интересное всем участникам предприятия дело. А кому еще и наследовать? Не Зиновьеву же...

Со свойственной ему мудростью и решительностью, а также опираясь на творчески переосмысленные идеи основоположников, товарищ Троцкий в первые же дни своего правления сделал невозможное. Он сумел сохранить нерушимое единство партии и уже готового впасть в смуту народа, начал переговоры с правительством юга России о заключении почетного харьковского мира, разработал и стал железной рукой проводить в жизнь новую экономическую политику, опубликовал Октябрьские тезисы о возможности мирного сосуществования двух политических и экономических систем на территории одной, отдельно взятой (за горло!) страны, и это не считая ряда менее исторических, но не менее оригинальных и эффектных акций.

Потерявший было за шесть лет империалистической и гражданской войн не только ощущение реальности, но и инстинкт самосохранения народ начал медленно приходить в себя. Словно бы наутро после затянувшегося на неделю престольного праздника. Потряс раскалывающейся с похмелья головой, пощупал языком острые обломки незнамо кем выбитых зубов, оглядел в мутном зеркальце опухшую, в синяках и ссадинах физиономию: «Это что ж оно такое было, ба-

тюшки-светы? Ну, погуля-я-л-и-и...»

...Отвлекаясь даже от несколько ернического тона изложения новейшей истории, придется все же подчеркнуть, что описанные выше события произошли по совершенно случайной причине.

Просто человек, которого звали Андрей Новиков, родившийся на три десятилетия позже описываемых событий, возвращаясь из гостей летней московской ночью, не захотел спускаться в мраморно-бронзовые подземелья метрополитена, а пошел пешком. Переходя Большой Устьинский мост, остановился над серединой реки, охваченный вдруг непонятной, беспричинной печалью, закурил толстую иностранную сигарету без фильтра, включил редкий по тем временам кассетный «Грюндиг». Плескалась внизу черная, пахнущая мазутом вода, тащила против течения, постукивая мотором, самоходная баржа, выводил тоскливые, подходящие к настроению пассажи «Сент-Луис блюза» альт-саксофон.

Кто жил в те времена, тот должен помнить, как оно было. После двадцати трех часов, тем более не в центре, по улицам мелькали только редкие такси, а частных машин, считай, и вовсе не было, вероятность встретиться с бандитом или хулиганами не слишком превышала шанс по трезвому делу попасть под поезд. Оттого Андрей почти не удивился, когда в виртуозное сплетение джазовых квадратов добавился вдруг четкий отзванивающий стук металлических набоек по бето-

ну и через пару минут с ним поравнялась высокая девушка в белом плаще – воротник поднят, руки в карманах.

Хотя в слабом свете редко расставленных фонарей трудно было рассмотреть черты ее лица, по неуловимым, но очевидным признакам он догадался, что девушка весьма хороша собой. Не удержался и окликнул:

– Вы не хотите постоять со мной немного?

Она остановилась. Глянула внимательно, чуть наклонив голову. Он тоже молча ждал, что ответит незнакомка.

– Тоска? – спросила девушка, выдержав долгую паузу. Голос у нее был приятного, даже волнующего тембра. – Подруга не пришла?

– Не в подруге дело, – ответил Новиков. Факт, что элегантная, совсем не рядового типа девушка не испугалась, не пробежала мимо, а с ходу включилась в разговор и ответила психологически точной фразой, показался ему сулящим нечто нетривиальное.

– Тогда хуже. Тоска без причины. Это мне знакомо. – Она подошла к парапету, тоже взглянула на дрожащие в воде отблески огня.

– Что вы курите? – спросила девушка, тем самым дав понять, что знакомство состоялось.

– «Вавель».

– Не слышала. Судя по названию – польские?

– Да, краковские. Сугубо неплохие. Составите компанию? Девушка взяла сигарету из протянутой белой коробки,

прикурила, несколько раз, не затягиваясь, выпустила дым.

Несколько минут они стояли, перебрасываясь короткими, малозначительными якобы фразами, словно разыгрывая сцену из неснятого фильма Антониони.

Потом парень сказал:

– Конечно, нет.

– Что – нет? – удивилась девушка.

– Я прокрутил до конца наш возможный диалог и ответил на вашу последнюю реплику. Вы должны были сказать: «Как я понимаю, нам сегодня не следует знакомиться...» Я с вами согласился.

Девушка посмотрела на него с подлинным интересом и уважением. Действительно, нечто подобное она имела в виду сказать в заключение их необычной встречи, и не так уж на поверхности это лежало.

– Вы ученик Вольфа Мессинга?

– Нет, я только профессиональный психолог. Довольно редкая, бессмысленная здесь специальность. Чем-то даже оскорбительная для советской власти, которая считает, что чтение в душах лишь ее прерогатива. Поэтому считаю, нам нужно перейти на «ты» и не знакомиться как можно дольше. Мы с тобой люди одной серии...

– Вы не боитесь откровенничать с незнакомками, о странный юноша?

– Представьте, нет. Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут...

– Что в таком случае значит – люди одной серии? И почему обязательно необходимо переходить на «ты»?

– Тебе это показалось неприятным?

– Ты знаешь, удивительно, но нет.

– О'кей, я не ошибся. – И объяснил, что он имел в виду.

Незаметно для обоих они уже оказались на правом берегу и поднимались вверх, к площади Ногина. И еще часа два бродили по улицам, оживленно беседуя и старательно избегая всего, что могло показаться банальностью в словах и поступках. И даже когда время далеко перевалило за полночь и он, забывшись, предложил проводить ее, она со смехом отказалась:

– Нет, прямо сейчас расстанемся. Я направо, ты налево. А если хочешь, встретимся через три дня в то же время на том же месте. Будет хоть что-то необычное в жизни...

Они действительно встретились через три дня, потом еще и еще.

Если бы знал тогда Андрей, почти вполне обычный аспирант-психолог и начинающий журналист, что им сулит это романтическое знакомство...

С первых минут он понял, что ему попалась невзначай самая красивая и умная девушка из всех, что он когда-либо знал и видел, но никак не мог вообразить остального. Инопланетные разведчицы в патриархальные брежневские годы на улицах Москвы встречались крайне редко.

Да и она, агент-координатор аггрианской суперцивилиза-

ции, носящая здесь псевдоним Ирина Седова, уж тем более не могла представить, что заинтересовавший ее в чисто профессиональных целях землянин вскоре заставит ее забыть о служебном долге, более того – перейти на сторону «врага» и вместе с Андреем и его друзьями включиться в грандиозные и непонятные даже ей «звездные войны».

И вот теперь, восемью годами позже встречи, случившейся, хочу заметить, в далеком семьдесят шестом году и не сулившей поначалу ничего, кроме приятной связи очаровавших друг друга девушки и парня, которая могла бы завершиться свадьбой, но точно так же и вообще ничем, клонился к своему закату девятьсот двадцатый год.

XX век начался, как известно, вопреки формальной хронологии, шесть лет назад, в августе девятьсот четырнадцатого. Но в лондонском «Хантер-клубе» тщательно и истово, как русскими старообрядцами дониконианский канон, соблюдались нравы и обычаи доброго, старого, викторианского XIX века.

Промозглым осенним вечером в нем собрались поужинать несколько весьма приличных джентльменов. Безусловно имеющих членские карточки, проверить которые, впрочем, не пришло бы в голову ни одному лакею и даже самому метрдотелю, если бы он даже и не знал половины гостей в лицо.

Двое из них были депутатами палаты общин, один – палаты лордов, а остальные выглядели не менее солидно.

Иначе и не могло быть: стать членом привилегированного клуба в те далекие времена было куда труднее, чем сегодня академиком. Тем более одного из тех, что составляли славу аристократического Лондона. И существовали двести и более лет с неизменным уставом и почти неизменным фамильным составом своих членов, где джентльмены времен Питта и Дизраэли вполне могли бы соседствовать за столиками с джентльменами из окружения Ллойд-Джорджа и Чемберлена.

Однако хоть и крайне затруднен был путь соискателей к заветной карточке, но ведь отнюдь не невозможен. Однажды клановый барьер преодолел даже какой-то русский князь, в присутствии двух «непременных членов» взявший на рога тину сорокапудового медведя и тут же лично снявший с него шкуру. И теперь, сумев с все той же, не утраченной с годами ловкостью оставить в дураках всеильную ЧК, князь через три границы добрался до Лондона и обрел здесь пожизненный покой. Он появлялся в клубе ежедневно в девять утра и проводил там время до полуночи, завтракая, обедая, ужиная, играя в бильярд и бридж, а все остальное время читал газеты в кресле под картиной с изображением собственного подвига, имевшего место быть в 1897 году несколько южнее Костромы.

Величественное трехэтажное здание клуба на Пэлл-Мэлл

украшало этот исторический район и стоило, как говорили, со всем своим содержимым не менее трех миллионов полновесных викторианских гиней. И, пожалуй, не зря.

Клубный ресторан, правой застекленной стеной выходящий в ухоженный зимний сад, кроме двадцати столиков общего зала, имел еще и несколько отдельных кабинетов, предоставлявших своим посетителям приятное или нужное уединение.

Один из них (последняя дверь направо по коридору) и был приготовлен для описываемой нами встречи.

Овальный стол, обтянутый тщательно выдубленной и выскобленной шкурой африканского слона, подстреленного полковником Флэнаганом в 1839 году в Родезии, окружали двенадцать кресел, изготовленных из тысячетлетнего баобаба, пораженного молнией в 1851 году в Кении. Стены были увешаны коврами, привезенными сэром Эндрью Стюартом в 1880 году из Афганистана, на них красовалась коллекция мечей и кинжалов, собранная еще каким-то членом клуба в Бирме.

Слева от входа, разоженный слугами за полчаса до прихода гостей, пылал камин.

Ужин, поданный по общей карте, был неплох, хотя и не представлял из себя чего-то исключительного. Клубная кухня славилась не столько изощренностью, сколько свежестью продуктов и квалификацией поваров.

Закуски, отварная рыба, приправленная острым соусом,

внушающий уважение своими размерами ростбиф, пирог с олениной, ирландский пудинг, три сорта сыра, варенье из крыжовника, в меру поджаренные тосты. Ну и для начала, конечно, устрицы. Напитки тоже обычные – джин, виски, грог, содовая вода и вода хинная, ваза с колотым льдом шотландских озер и несколько видов крепких ликеров к кофе.

Только вот собравшихся господ ужин интересовал не так сильно, как этого хотелось шеф-повару.

Похоже, они лишь отдавали дань традиционной процедуре, а не утоляли голод. Пили тоже мало. По преимуществу шотландское виски с большим количеством льда, а непривычные к этому напитку – мадеру и херес.

За едой говорили на предписанные этикетом темы, попытки же сей этикет нарушить пресекались даже не словами – взглядом.

Наконец председательствующий за столом джентльмен отложил нож и вилку, промокнул губы льняной салфеткой.

– Не перейти ли к сути собравшего нас здесь вопроса, джентльмены?

Пока похожие на вице-премьеров правительства слуги убирали со стола, господа передвинули свои кресла ближе к камину.

Лишь двое достали из кожаных футляров трубки, к услугам остальных клуб предоставил лучшие сорта сигар. Зеленовато-бурые гаванские, бледно-зеленые и тонкие трихинопольские, черные панамские, завернутые в кукурузные ли-

стья пахитосы из Мексики. Их извлекали из коробок со всеми предписанными ритуалами, обнюхивали, обрезали и раскуривали, смаковали первые, самые вкусные после ужина порции дыма.

Казалось, сейчас бы и начаться главному, неторопливому и волнующему разговору – о качествах патронов и стволов, о способах прицеливания в камышах и преимуществах стрельбы по тиграм со слона перед засадой, о технике выделывания чучел, наконец, однако...

Совсем не для того, чтобы обсудить все это или наметить планы очередного грандиозного сафари, собрались здесь джентльмены. И не поход к верховьям Амазонки разжигал их воображение. Даже профессор Челленджер не смог бы их увлечь рассказом о загадочном плато Мепл-Уайта. Какие там слоны и львы, какие крокодилы, птеродактили и тиранозавры, хотя именно охотничьими подвигами своих членов славился «Хантер-клуб».

Но все-таки охота намечалась... И пусть большинство сидящих у камина давным-давно, а то и никогда вообще не сжимали потной рукой цевье «нитроэкспресса», трофеи волновали их нешуточные.

– Приходится с прискорбием отметить, что со времени нашей последней встречи ситуация из неприятной превратилась в катастрофическую, – открыл дискуссию плотный господин в визитке, полосатых брюках и серых гетрах. – В

результате совершенно неожиданного развития событий все наши планы и расчеты летят, прошу прощения, к черту. – Он нервно почесал плоскую, как малярный флейц, бородку. – Заключение мира между большевиками и Врангелем влечет за собой как минимум десять неблагоприятных для нас последствий...

– Благодарю вас, но перечислять все не надо, – поставил в воздухе дымный крест взмахом сигары председательствующий на этом собрании рафинированный господин, похожий на королевского мажордома. – Каждый представляет их в достаточной мере.

– Нет, а я все же хотел бы изложить, – воспротивился первый докладчик. – Потому что, зная собственные потери, не каждый представляет всю картину в должной полноте. Не уверен, что и вы, достопочтенный сэр...

– Ладно, говорите, – смирился председатель.

– Благодарю вас, сэр. Так вот, что мы все, в разной, конечно, мере, от нынешнего парадоксального развития событий теряем:

первое – систематическое поступление в контролируемые нами банки золотовалютных ценностей в виде прямых перечислений. Сумма потерь уже составила около ста миллионов швейцарских франков;

второе – ставится под вопрос уже согласованное перемещение в контролируемые нами же аукционные фирмы предметов искусства и антиквариата из крупнейших госу-

дарственных и частных коллекций России. В том числе из хранилищ царствовавшего там дома. Сумма – не менее миллиарда тех же франков в ближайшие два года;

третье – становится неясным вопрос о судьбе концессий на территории России, которые нам были обещаны лично господином Ульяновым-Лениным. Сумма подсчету не поддается в принципе, но уж никак не меньше миллиарда в ближайшие годы;

четвертое – неизвестно, сможет ли расчлененная Россия стать планируемым рынком сбыта наших продовольственных и промышленных товаров или наоборот;

пятое – выигравшая войну и ставшая независимой Южная Россия Врангеля вряд ли подтвердит готовность расплатиться за свои и царские долги в денежной или натуральной форме;

шестое...

– Простите, ваши выкладки бесспорны, но все же достаточно. – Председательствующий пресек поток красноречия. – Джентльмены, без сомнения, могут даже дополнить ваш список...

– Вот именно. Тем более что на прошлой встрече мы как раз это уже обсуждали. – Инициативу перехватил сравнительно молодой джентльмен с не слишком уже модными полубакенбардами. – Пусть и без таких подробностей. Конкретные финансовые вопросы важны, без сомнения, но это мелко, мелко...

– Десятки миллиардов для вас мелко?

– В сравнении с остальным – конечно. Смотрите шире. Ломается отлаженная структура равновесия. Соблазны входят в мир. Еще вчера лояльные банкиры Франции сегодня начинают сомневаться, не большая ли выгода светит им в случае ставки на союз с Югославией? Традиционно наш Восток теперь задумается над выбором, а почему бы не с Россией налаживать контакты? Рельсы, винтовки и патроны там куда дешевле. И многое другое тоже. В итоге совершенно может исказиться вся система товарно-сырьевых потоков. А это ведь не просто деньги, это, прошу прощения, весь модус вивенди...

– А Палестина, господа, а Палестина? Вы понимаете, что статус Палестины...

– Зачем нам ваша Палестина? – довольно грубо перебил эмоциональный выкрик господина семитской наружности, но с розеткой Почетного легиона на лацкане, клубмен, похожий на отставного полковника колониальной службы. Потом наткнулся взглядом на ответный взгляд и закончил тише: – Палестина все же частность. На общем фоне...

– Вывод заведомо определен – существование двух Росий в нынешнем виде для нас неприемлемо. Возможно, у кого-то появились возражения? – примирительно спросил председатель собрания.

Ответом ему был не то чтобы ропот, а какой-то едва уловимый шелест, произведенный почти безмолвным движением

ем губ и конечностей сотрапезников.

– Принимается за общее согласие, джентльмены. Отсюда следует вывод, подтвержденный полученными каждым из нас полномочиями, что мы едины в оценке ситуации и должны сейчас обсудить только конкретные пути ее благополучного разрешения...

– Как вы это себе представляете? – спросил озабоченный судьбою Палестины, но говорящий на безукоризненном английском господин.

– В идеале – как возвращение к полному статус-кво. Врангель и подобные ему непреклонные националисты должны быть низвергнуты, в России безраздельно воцарится коммунистический режим во главе с известными нам людьми, после чего мы продолжим с ним «взаимовыгодное сотрудничество». Не только экономическое.

– Или же наоборот, – вставил человек, похожий на дядю Сэма с карикатур Кукрыниксов, – побеждает монархический, но слабый и полностью зависимый от наших стран режим. Также согласный на удовлетворение финансово-политических требований...

– Это уже нереально, – заметил кто-то. – Если бы такая возможность и сохранялась, как гарантировать, что ориентироваться эта гипотетическая власть станет именно на наш блок, а не на...

– Совершенно верно. Поэтому предлагаю не отвлекаться на сомнительные гипотезы и работать в рамках данности,

имеющей место быть.

Общее согласие поощрило председателя на продолжение речи.

– Раз мы в этом вопросе едины, предлагаю рассмотреть следующий вариант – ликвидацию врангелевского режима, обеспечение перехода всей территории России под коммунистическую власть со всеми вытекающими последствиями. Тем более что уже к июлю мы этой цели практически достигли. Врангелю был предъявлен документ, имеющий смысл ультиматума, хотя по форме и не являвшийся таковым, после отклонения которого ему было отказано в военной и финансовой поддержке, с правительством Ленина заключены предварительные соглашения, началась практическая работа по обеспечению наших долгосрочных интересов. Одним из таких шагов было законодательное оформление так называемой Дальневосточной республики. Падение крымского правительства ожидалось не позднее октября-ноября...

– По полученным мной сведениям, все столь популярно изложенные уважаемым коллегой события начались с момента появления в Крыму некоего парохода под американским флагом, который доставил Врангелю крупную партию оружия, а главное – золото в слитках и монетах. А также, очевидно, и квалифицированных военных советников, поскольку сразу же белая армия начала одерживать впечатляющие победы... – с кислой гримасой изрек «колониальный полковник». – Вы, мистер Бартлед, можете что-либо сказать

по поводу этого загадочного явления?

Тот, кого он назвал Бартледом, ответил с гнусавым акцентом уроженца Южных штатов:

– Пароход «Валгалла» приписан к порту Сан-Франциско. Владелец – некий Эндрю Ньюмен, гражданин САСШ. Однако ни самого парохода, ни господина Ньюмена никто в означенном городе не знает лично. Это не слишком удивительно. По наведенным справкам, в Америке в настоящее время проживает более сотни Эндрю Ньюменов, каждый из которых по размерам своего капитала может быть владельцем подобного судна. Выяснить более точно пока не удалось.

– Неутешительная информация. Что можно сказать о качестве и происхождении поступившего на золотые биржи и в банки металла из Крыма?

– Большая часть золота в слитках добыта и аффинирована в Южной Африке. Качество металла и маркировка также подлинны. Монеты российские и американские, достоинством 10 и 15 рублей, 20 долларов. Подлинны, – ответил господин семитской внешности.

– Тоже малоинтересно. А как насчет количества?

– Вот здесь возникает самый тонкий момент. Пока общее количество поступивших во внутреннее обращение и на мировой рынок золота сопоставимо с тем, которое может реально находиться в частном владении достаточно крупного сообщества физических лиц или, раз мы имеем дело с русскими монетами, в руках врангелевского правительства. На-

пример, это могло быть частью переправленного каким-то образом из Казани в Крым царского золотого запаса. Однако непонятно, почему оно всплыло лишь сейчас, хотя у Врангеля были и раньше весьма серьезные финансовые затруднения. Что же касается южноафриканских слитков, появление их совершенно необъяснимо.

– То есть?

– Движение маркированных слитков проследить не слишком трудно. По нашим сведениям, золото со штампами и реквизитами, аналогичными предъявленным для экспертизы, находится сейчас совсем в других местах.

– Реально или по документам?

– Пока лишь по документам...

– Необходимо срочно выяснить реальное наличие золота там, где оно должно быть, после чего станут возможными какие-то выводы. Что, если близкие нам люди начали двойную игру?

– Мне кажется, это перспективный путь...

Еще с полчаса продолжалось обсуждение частных, высказывались обоснованные и не очень предположения и гипотезы.

В целом выходило так, что в распоряжении присутствующих имеются неограниченные средства давления даже и на правительства ряда держав, входивших ранее как в Антанту, так и в Тройственный союз. Однако нет главного – четкого понимания того, каким образом политическую и финансо-

вую власть преобразовать в эффективные силовые действия.

Легко можно купить или шантажировать премьер-министра, но даже он при самом горячем желании не сможет в обозримом будущем объявить полномасштабную войну той или другой России. Увы, издержки парламентаризма и буржуазной демократии. А суверенных властителей вроде Вильгельма, Франца-Иосифа или даже Абдул Гамида в сопредельных регионах уже не осталось.

Выходила как минимум на ближайшие полгода-год только стратегия не прямых действий против уже выявленных непосредственных виновников столь наглого вмешательства в дела «Системы». Диверсии, террор, организация провокаций, дестабилизация внутренней обстановки, «народные» восстания, в идеале – «законная» смена власти в одном или обоих сразу русских государствах путем активизации оппозиционных сил.

Для этого как раз имелись и теоретики, и практики. Двое из них присутствовали прямо здесь. Специалисты суперкласса. Соратники Лоуренса Аравийского и незабвенного Сиднея Рейли. Владевшие русским как родным, разбирающиеся в тайнах славянской души почти как Достоевский, а главное, имеющие в своем распоряжении штат кадровых агентов и добровольных помощников... Уж чего-чего, а Джеймсов Бондов и тогда вполне хватало.

– Вот первая и неотложнейшая задача, джентльмены, – изрек, категорическим жестом гася дискуссию, председатель. –

В конечном счете устранить, но лучше бы, конечно, захватить живыми для последующей беседы таинственного господина Ньюмена с его людьми. Это касается вас. – Он указал костлявым пальцем на двух разведчиков и «палестинца». – И хорошенько присмотритесь к Троцкому. На что-то он еще способен или?.. Очередная встреча – здесь через неделю.

ГЛАВА 1

...Новиков неожиданно долго выплывал из беспмятства. Обычно процесс пробуждения занимал у него доли секунды, а сейчас уже начавшая осознать себя личность пребывала в состоянии словно бы наркотического полусна. Еще не понимая, где он находится, Андрей вспомнил, как Сильвия протянула к нему руку, как его ослепила бело-фиолетовая вспышка, и догадался, что, наверное, после этого произошел очередной внепространственный переход.

Ему уже доводилось перемещаться во времени и пространстве, и он снова удивился, насколько отличаются, в зависимости от используемой техники, физиологические реакции организма. Кустарный аппарат Левашова вызывал головокружение, дурноту и потерю пространственной ориентации, но всего лишь на доли секунды. Совершенная форзелианская техника Антона позволяла преодолевать годы и парсеки так же легко и непринужденно, как порог между комнатами обыкновенной квартиры. А вот сейчас с ним случилось нечто ранее не испытанное...

Да нет, как же неиспытанное? А тогда, на Валгалле?.. Новиков со странным в его состоянии удовлетворением подумал (или ощутил?), что память у него восстанавливается даже быстрее, чем ожидалось.

Действительно, они сидели с Берестиным после танкового

сражения в тени разбитых тяжелыми снарядами «Леопарда» аггрианских бронеходов, курили, рассуждали о возможностях человеческого разума в постижении особенностей инопланетной инженерной мысли.

Алексей, помнится, посетовал на собственную тупость и ограниченность, а Новиков не согласился и привел в пример такого признанного титана мысли, как Михайло Васильевич Ломоносов. Во всех науках изощренного, а иные и самостоятельно придумавшего. Но много ли он сумел бы понять, рассматривая обломки истребителя «F-16», сбитого зенитной ракетой?

Так что не стоило Берестину слишком самоуничижаться.

– Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий... – успел еще процитировать Андрей Козьму Пруткова, и тут-то с ними все и произошло.

То есть аггриане захватили их в плен какой-то гравитационной ловушкой и перебросили в мгновение ока с горного перевала в недра своей удаленной на тысячи километров базы. Разложив попутно на атомы и проанализировав психические структуры личностей.

Без всякой прамбулы Новиков перестал тогда осознавать себя частью окружающего мира. Только что они с Алексеем радовались, что остались живы, дышали удивительно свежим и вкусным после заполненного порохowymi газами боевого отделения танка воздухом, шурились на выглянувшее

в просвет между тучами местное солнце. И сразу все это исчезло. Будто в темном кинозале оборвалась пленка и погас дымный луч света проектора. Но даже в наступившем беспомоществе ему было очень и очень плохо. Как если бы... ну, скажем, броситься с гранатой под гусеницы танка, успеть догадаться, что граната не взрывается, и пережить долгий и мучительный процесс перемешивания собственного организма с не слишком твердым грунтом.

Тот раз ему показалось, что длилось все это целую вечность, то есть до самых дальних границ сознания не воспринималось и не вспоминалось ничего, кроме боли и отчаяния.

Сейчас, правда, боли не было. Но состояние напоминало тяжелое похмелье после неумеренного употребления какой-нибудь гадости вроде самогона из гнилой картошки.

Однако завершился мучительный процесс перехода к обретению себя скачкообразным восстановлением интеллектуальных и физиологических функций, настолько полным, что уже и не верилось, вправду ли было ему только что так плохо или пригрезилось в одном из кошмарных видений.

Открыв глаза, Андрей увидел себя внутри белого шарового объема, заполненного как бы упругим непроглядным туманом. И хотя здесь не было и не могло быть никаких ориентиров, он догадался, что попал в то же самое место, что и прошлый раз. В камеру нулевого времени, своего рода переходный шлюз между Землей и Валгаллой. Конечно, он не мог быть в этом уверен полностью, аналогичное устрой-

ство, логически рассуждая, должно функционировать в любой точке сопряжения «нормальной» Вселенной с агтрианской, существующей по совсем другим законам. Однако интуиция подсказывала, что место – именно то...

Решив пока исходить из этого предположения, Андрей использовал тактику, прошлый раз принесшую ему успех. Сосредоточился, мысленно обращаясь к Сильвии и ее здешним соратникам, потребовал создать в «предбаннике» (или чистилище?) обстановку, соответствующую человеческим вкусам и привычкам.

Получилось. На долю секунды свет померк, как на театральной сцене при смене картин, и Новиков увидел, что в неудобной позе теперь полулежит на диване в холле большого гостиничного номера. Весьма похожего на тот, куда их с Алексеем заточили аггры годом раньше. Только мебель, ковры и портьеры тогда были выдержаны в шоколадных тонах, а сейчас – в золотисто-лимонных.

Стараясь быть несуетливым, не проявляя ненужного любопытства, все равно ведь не увидишь здесь ничего, что не было бы предусмотрено хозяевами, Андрей встал с дивана. Ноги его держали прочно, голова не кружилась.

Застекленный бар напротив был, как и в прошлый раз и как вообще положено в отелях такого класса, полон. Он взял с витрины пачку «Кэмела» и банку пива. Выглянул в окно и ничего там не увидел, кроме привычного молочного тумана. Как и ожидалось. Удивляясь собственному безраз-

личию и спокойствию, Новиков опустил в кресло и начал ждать, рассматривая прилипшую к подошвам сапог кирпичную крошку с дорожек британского поместья Сильвии.

Похоже, как ни странно, его сюда перенесли вполне материальным образом. Или?..

Только сейчас, оказавшись в сравнительно нормальной обстановке, он начал восстанавливать то, что сохранилось в памяти от очередного выхода в галактическую Гиперсеть. Дважды он уже попадал в нее с помощью Антона и дважды же по инициативе кого-то из Держателей. Очевидно, из клана тех, чьим инструментом был Антон вместе со всей его Конфедерацией Ста миров.

А сам он произвольно делать этого по-прежнему не мог. Хотя вся заварушка из-за того и завязалась, что некто великий и могучий до полусмерти перепугался потенциальной способности земного разума включиться в игры титанов. Агры и форзейли по определению на такой подвиг способны не были, да и вообще существовали (по некоторым данным) всего лишь в качестве внешних эффекторов нематериальных сверхсуществ. Впечатляет – цивилизации, включающие в себя более сотни звездных систем, освоившие тысячи кубических парсеков пространства, на века опередившие земную, – на самом деле не что иное, как элементы механизма дистанционного управления.

Они – инструмент, а мы, едва успевшие слезть с деревьев земляне, – субъект истории Вселенной. Как тут не загордись-

ся, не восхититься самонадеянной гордыне предков-антропоцентристов. А также авторов Библии: человек, мол, создан по образу и подобию, а потому богоравен...

Странно только, что, обладая такими сверхъестественными способностями, он продолжает ощущать себя обычным человеком. В отличие, скажем, от персонажей последнего прочитанного в нормальной жизни романа Стругацких – люденов. Те, получив кое-какие особые дарования, однозначно и очень быстро теряли всякую духовную связь с нормальным человечеством. Или дело в том, что его способности пока все-таки лишь потенциальны? А в повседневности он, за исключением умения в не очень значительных пределах изменять статистическую вероятность осуществления не противоречащих законам природы событий да еще обостренной интуиции, ничем от других людей не отличается.

В случае чего «не поднимет простое пятивершковое бревно, тем более – дом пятиэтажный».

А как понимать то, что он пережил в какие-то доли секунды, пока Сильвия переносила его (или его квантовую матрицу) с Земли на Валгаллу?

Он последовательно попадал в сугубо чуждые параллельные реальности, гораздо более далекие от тех, что ему уже доводилось видеть. Не зря Антон его предупреждал: смотри, мол, брат, не заблудись. Выйдешь на веселенькую изумрудную лужайку, а под ней – бездонная тряпина хлюпающей сероводородной грязи.

И везде присутствовала женщина, прекрасная и несущая в себе смертельный риск. Самое странное, он так и не мог вспомнить, на кого она похожа – на Ирину, на Сильвию, или то был совершенно новый персонаж альтернативной истории, причем каждый раз разный?

Но с тем же успехом это могла быть не «обыкновенная» параллельная реальность, а те самые Ловушки сознания... Запущенные в Гиперсеть особые подпрограммы, аналоги компьютерных «антивирусов», предназначенные для разрушения проникающих в Сеть конкурирующих мыслеобразов. И если бы он не сумел (или ему не помогли бы) из поля притяжения этих Ловушек вырваться, то он был бы обречен метаться внутри генерируемого ими псевдомира, пока не растворился бы в нем без следа, как кусок сахара в чашке чая...

А грезившаяся ему женщина играла в осуществлении коварного плана особую функциональную роль. Стоило бы, к примеру, узнать ее, откликнуться на ее призыв – и все! Пропал бы, как Хома Брут, не удержавшийся и взглянувший на панночку. Не зря же еще там, в бреду, мелькнула у него подобная ассоциация...

Если только... Если только он действительно сумел вырваться, а не остается по-прежнему там, в Сети, и все вокруг просто более убедительная имитация реальности. Есть способ проверить это или нет?

Ладно, еще будет время разобраться, нужно просто повнимательнее приглядываться к окружающему миру, чтобы

вовремя заметить очевидные несообразности. Если их вообще можно заметить.

А пока подождем развития событий, решил Андрей, допил неприятно теплое пиво и швырнул банку в угол, целясь в корзинку для мусора. И попал. Вот это, например, что пиво теплое – квалифицирующий признак или нет? Будь оно иллюзией, что мешало бы ему оказаться ледяным, бутылочным да хоть просто более приличного сорта?

Как он и рассчитывал, ожидание было недолгим. И неудивительно, времени в распоряжении аггров было неограниченное количество, если бы им требовалось как-то специально подготовиться к встрече. А уж наблюдать за его поведением исподтишка тем более глупо. Знали они о нем все до потаенных глубин подсознания, раз уж сумели в нужный момент переписать его личность на матрицу и пересадить в сознание товарища Сталина.

Сильвия вошла без стука, решительно, как в свою собственную комнату, и даже не поздоровалась. Очевидно, считала, что день, начавшийся неизвестно когда и неизвестно в скольких десятках парсеков отсюда, все еще длится. Правда, переодеться для этого визита она отчего-то потрудилась.

Вместо прозрачного, огненного цвета пеньюара, брошенного прямо на голое тело, в котором она «только что» пыталась соблазнить Андрея, леди Спенсер предстала в строгом, цвета железной ржавчины костюме и в туфлях на

такой высоты каблуках, что Новиков в очередной раз поразился, как вообще женщины ухитряются сохранять равновесие в такой обуви да вдобавок еще довольно грациозно и легко передвигаются.

Смену облика Сильвии он понял как намек, что прежние сексуальные игры закончились, а сейчас следует ожидать более серьезного разговора. И вновь подумал, а действительно ли эта рыжеволосая дама с пронзительными изумрудными глазами – природная инопланетянка, лишь изображающая английскую аристократку? Или все наоборот?

Он не смог найти ответа на этот вопрос, восемь лет зная Ирину, причем больше двух лет подряд – ежедневно, и также не нашел его, изучая Сильвию. Слишком уж они обе были земными женщинами во всех своих мыслях и поступках. Да вот и сейчас, пользуясь привычными аналогиями, можно ли представить себе Штирлица, вернувшегося из Берлина в Москву и прихватившего с собой Шелленберга в качестве военнопленного, Штирлица, продолжающего на родной Лубянке носить эсэсовский мундир, тщательно при этом соблюдая все непростые правила – когда допустимо надеть полевую форму, а когда парадную, к какому кителю полагаются два погона, а к какому один, и уж не дай бог появиться в сапогах, но без ремня с португеей.

Вот и Сильвия, оказавшись впервые за столько лет среди своих, не расслабилась, не сбросила надоевшие вражеские одежды, а старательно выбрала максимально соответствующую

щий человеческим традициям наряд. Странно? Возможно, что и нет, если прочесть этот факт как некий сигнал, намек на то, что даже здесь ее следует воспринимать с учетом ранее достигнутых договоренностей, независимо от того, как она будет говорить и поступать в присутствии своих соотечественников, а то и прямых начальников.

...Усмехнувшись внутренне тому, как намертво въелась в него привычка анализировать и раскладывать на элементы все, даже внешне незначительные факты и явления окружающей действительности, Андрей вежливо привстал из глубокого кресла и изобразил нечто вроде поклона.

– Какая неожиданная встреча! Вы неизменно очаровательны, леди Спенсер. Я даже затрудняюсь определить, когда вы более восхитительны, сейчас или...

Новиков сделал движение головой, словно указывая куда-то назад и вверх. По его представлению там, среди звезд находилась сейчас Земля, Англия, родовое поместье Спенсеров и каминный зал, где Сильвия роняла с обнаженных плеч облачко алого шелка.

Андрей знал со слов Ирины и самой Сильвии, общаясь с Антоном и ведя собственную «оперативную разработку», что она исполняла роль английской аристократки на протяжении как минимум ста десяти лет. Появившись на Земле где-то около тысяча восемьсот семьдесят пятого года, она, оставаясь вечно молодой тридцатилетней дамой, участвовала в качестве «агента влияния» в Берлинском конгрессе, во

всех внешнеполитических акциях империи против России до семнадцатого года, приложила руку к победе большевиков в гражданской войне и так далее, вплоть до завершившейся крахом последней попытки коммунистической модернизации при Андропове. На этом ее плодотворная деятельность закончилась, поскольку их, аггрианский, исторический враг – форзейли, персонифицированные на Земле в лице шеф-атташе Антона, проявили большую военно-политическую гибкость и обошли аггров на повороте. А если еще точнее – сумели четче отследить ситуацию и догадаться, что, используя догматизм и интеллектуальную «заторможенность» аггров, сделать необыкновенно способных землян своими союзниками дешевле и выгоднее, чем неизвестно сколько продолжать конфликт без результата и шансов на победу.

Сильвия прищурила глаза, губы ее чуть дрогнули, но она ничего не сказала, не улыбнулась даже, только подчеркнуто медленно закинула ногу за ногу, поправила край юбки, чуть выше, чем допускают приличия, соскользнувший вверх по искристому нейлону чулка. Потом надменно-изящным жестом, словно для поцелуя, протянула тонкую руку с массивным, грубо кованным браслетом старого золота на запястье.

Андрей вскочил, подал ей сигарету, щелкнул зажигалкой. Когда аггрианка сделала первую глубокую затяжку, Новиков как бы между прочим спросил:

– Все время удивляюсь, что на вас гляжу, что на Ири-

ну. Неужели вам действительно курить нравится? Биохимия... инопланетянская (он хотел сказать – аггрианская, но вовремя воздержался, Сильвии почему-то остро не нравилось это название. Слыша его, она всегда недовольно морщилась, словно Наташа Ростова, беседующая с поручиком Ржевским) тоже никотина требует или это чисто культурологическая привычка?

– Да вот, представьте, нравится. Причем от курения я получаю больше удовольствия, чем вы... – И на недоуменно приподнятую бровь Андрея пояснила: – Раком легких заболеть не боюсь.

– Это еще как сказать, – охотно ввязался в дискуссию Новиков. – Курить с риском для жизни куда приятнее. Помните: «Все, что опасностью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимое блаженство...» Впрочем, откуда вам это знать, на Западе Пушкина не читают...

– Опрометчивое заявление. Кое-кто и читает. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья – бессмертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто среди волненья их обретать и ведать мог». Может быть, так?

– М-да... – Новиков тяжело вздохнул. – Забываем великие страницы... Интеллигенты, аристократы духа! Одно только извиняет, растаскали классиков на цитаты за полтора-два года, ну и редактируем помалу для удобства повседневного употребления. А вы молодец, леди Спенсер, утерли ме-

ня аккуратненько...

Сильвия снова обозначила намек на улыбку легким движением губ. Андрей подумал, что вопреки всем доводам разума эта дама нравится ему все больше. Независимо от его чувств к Ирине. И даже, наверное, не так в сексуальном плане, как в интеллектуальном. Словно достойный партнер в преферанс. Играющий примерно в одинаковую силу, но по другим принципам. Нет, как женщина она тоже весьма привлекательна. Пропорции великолепные, классически правильные черты лица, роскошные волосы. И эта вот неуправляемая аура чужеродности, совершенно неславянского генотипа. Ирина красивее Сильвии по всем параметрам, но она своя, стопроцентно русская по внешности, характеру, стилю поведения, а значит – в ней не хватает загадочности. Вдобавок уже второй месяц леди Спенсер не скрывает настойчивого желания затащить его в свою постель. Он пока держит дистанцию, но эта агрессивность волнует, и мысль о том, что стоит ему лишь захотеть... Да...

Она, похоже, догадалась, о чем он думает, и скромненько потупила глаза.

– Так вот, – Сильвия неторопливо выдохнула дым, – мы условились отвлечься от предрассудков и попытаться посмотреть на мир непредвзято. Ты согласился. И поверил мне более, чем я осмеливалась надеяться. Я это ценю...

– То есть? – спросил Новиков.

– У тебя были все основания предположить, что я затеяла

очередную интригу. Заманиваю тебя в ловушку. Ты не испугался, даже позволил мне применить «портсигар», зная, что он не просто «средство передвижения», а и весьма мощное оружие...

– Как же, помню. Ты Сашку собралась им ликвидировать, «растянутое время» пыталась использовать... Чего уж... Война есть война. Схема простая. Или мы вас, или вы нас. Однако кое-какие принципы благородства должны сохраняться. Ты знаешь, чем уникальна русско-японская война девятьсот четвертого – девятьсот пятого годов?

– Не знаю, – несколько растерянно ответила Сильвия.

– А тем, что это была, с одной стороны, первая по-настоящему межцивилизационная война, а с другой – последняя в истории война, где стороны на сто двадцать процентов соблюдали все существовавшие к тому времени правила. Перемирия для сбора раненых, освобождение из плена под расписку о дальнейшем неучастии в войне, благодарственные письма микадо русскому царю за героизм его воинов, публикации стихов Такубоку Иэясу на смерть адмирала Макарова... Джентльменская война... Как раз потому, что японцы захотели показать, что они вполне готовы вступить в мировое сообщество на равных. Вот и я допустил, что у нас с тобой нечто такое же может получиться...

– Спасибо. – Сильвия посмотрела на Новикова каким-то новым взглядом.

«Мне удалось перехватить инициативу, – подумал Ан-

дрей. – Только для чего?»

Впрочем, аггрианка быстро взяла себя в руки. То ли просто колени у нее затекли, то ли с целью переключить внимание партнера на более простые мысли, она поменяла их (не мысли, а ноги) местами. Опять же демонстративно неторопливо, рассчитывая на примитивные эмоции собеседника.

«За кого она меня держит? – раздраженно подумал Новиков. – Будто я не знаю, чем кончаются самые длинные ноги...»

Хотя все равно глаз не отвел. Чисто инстинктивно.

– Твой друг Антон оказался полным дураком, – сказала Сильвия, вновь поправив юбку. – Он убедил вас, что после прорыва на таорэрианскую базу и взрыва информационной бомбы мои соотечественники окажутся полностью исключены из существующей реальности. И в вашей Вселенной их больше нет и не будет...

– Так... – кивнул Андрей, уже догадываясь, что услышит дальше. Сильвия вспомнила сейчас о ключевом моменте многовековой войны ее соотечественников аггров и противостоящей им Галактической Конфедерации Ста миров, когда шеф-атташе Конфедерации на Земле, называвший себя Антоном, организовал диверсионную акцию против аггров, оккупировавших планету Валгалла. Тогда Сашка Шульгин, Олег Левашов и двое вообще непонятно как попавших в их реальность русских космонавтов из двадцать третьего века заблокировали развилку мировых линий, через которую

аггры проникали в земную реальность, и заодно выручили томившихся в телах Сталина и командарма Маркова Берестина и Новикова. Сделать им это удалось. То есть аггры, которые вели свою злокозненную тайную работу на Земле чуть ли не с десятого века, оказались из канонической истории вычеркнуты. Но одновременно с этой победой Новиков и его друзья потеряли возможность вернуться в свой тихий, обжитый, удобный восемьдесят четвертый год советской эры. Побочный, так сказать, результат. Но ведь за любую победу приходится платить. Часто – несоразмерно.

Взамен Антон предложил им год тысяча девятьсот двадцатый. Как единственное место в двадцатом веке, куда можно еще переместиться. Потому что следующая подходящая для натурализации точка (хроноузел в паутине времени, если угодно) находилась уже в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом и далее по обратной нерегулярной экспоненте: тысяча семьсот семьдесят седьмой, тысяча семьсот девятый, и еще ниже по две-три даты в абсолютно не приспособленных для жизни цивилизованных людей семнадцатом, пятнадцатом, одиннадцатом и так далее веках...

– Но он-то заявил вам, что нас не останется больше в восемьдесят четвертом году, так?

– Похоже... – согласился Андрей. – И в Лондоне, куда за тобой пришел Сашка, вас уже ведь и не стало...

– Да... – с каким-то жутковатым шипением в голосе сказала Сильвия. – А в двадцатом?

И Новиков наконец понял, что его смущало и тревожило при всех теоретических собеседованиях с Антоном. Чувствовал ведь, что есть в его словах какая-то неувязка, а не понял вот...

Ему захотелось вдруг вскочить, ударить кулаком по столу или швырнуть вторую банку пива, что он уже успел достать из бара, в зеркальные дверцы напротив. Просто чтобы таким невинным способом погасить охватившую его злость на друга-форзейля, а прежде всего на себя самого. Надо же, психолог, экстрасенс, собеседник Богов... Придурок, и ничего больше!

Конечно же, чистенький от вмешательств извне двадцатый год. Где все так, как было... А не хватило соображения, чтобы понять элементарное – раз реальность прежняя и момент появления в ней отстоит на шестьдесят четыре года от заблокированной развилки, то этой развилки просто еще нет, и путь на Валгаллу открыт...

– Быстро ты догадалась? – спросил он Сильвию, оставаясь внешне спокойным и даже лениво-расслабленным.

– Не очень. – Аггрианка тоже не преувеличивала своей сообразительности. – Уже там, в Крыму. Когда мы с тобой вернулись от Врангеля. Помнишь разговор в баре?

– Так. Догадалась и решила попробовать, получится ли переход на Валгаллу. Получилось? А я тебе зачем?

– Ну, князь! – Сильвия резко вскочила, закружилась по комнате, заложив руки за спину, и Андрей не сразу заметил,

что туфли она оставила возле кресла и ходит по ковру в одних чулках и нога у нее на удивление маленькая при ее росте – тридцать седьмой размер максимум.

– Ты издеваешься или забыл наши... собеседования? Межгалактический переход так подействовал? Я же говорила: ты мне нужен, чтобы в устройстве мира разобраться. Чтобы из-под контроля Держателей выйти. У тебя ведь получалось уже. А теперь здесь попробуем. Понимаешь, о чем я говорю?

Андрей кивнул утвердительно. Неважно, насколько он на самом деле понял то, что Сильвия ему сейчас говорила. Главное, что ее слова сейчас давали ему повод, ни о чем не говоря самому, выслушать очередную трактовку событий, происходивших на протяжении последних... Как сказать лучше – двух, или шестидесяти, или вообще неизвестно скольких лет?

Отчего вообще случилось то, что случилось? Жил на свете вполне довольный собой человек, имел двух близких друзей, на которых мог положиться в любой мыслимой (в те времена, приходится теперь добавить) ситуации, был «выездным», то есть имел право ездить за границу по служебному паспорту и наслаждаться прелестями загнивающего капитализма, веря при этом, что все равно советское общество является самым передовым и прогрессивным, невзирая на некоторые видимые (под влиянием того же Запада) недостатки. Влюбился по неосторожности в странную девушку,

с которой вдруг пришлось на три года расстаться, и не совсем по своей воле, а в силу опять же странно и непредсказуемо сложившихся обстоятельств. Снова встретил Ирину, которая наконец-то сказала ему, что никакая она не земная девушка, а инопланетная разведчица. Выслушал он ее исповедь с интересом, но без внутреннего потрясения, будто бы давно был готов к подобному повороту сюжета. Так же спокойно отнесся и к дальнейшему. Когда за Ириной явились агенты их службы безопасности, намеренные арестовать ее за измену и депортировать «на родину», они с Шульгиным, Берестиным и Левашовым сумели дать недостаточно подготовленным и излишне самоуверенным «спецназовцам» пришельцев должный отпор, тем самым включившись в межгалактические игры цивилизаций, превосходящих земную куда больше, чем наша современная – древнеегипетскую.

Первый бой они в тот раз выиграли. Добрались даже до затерянной в каком-то из спиральных рукавов Галактики землеподобной планеты Валгалла.

Прожили там счастливо почти целый год. Ввязались ни с того ни с сего в войну между Ириниными соотечественниками агграми и валгальскими аборигенами, почти что выиграли и ее тоже, но в итоге оказались в плену. Как уже было сказано – в этом же «земном» гостиничном номере.

Здесьняя аггрианская резидентша, звали ее, кажется, Дайяна, предложила Новикову и Берестину в качестве альтернативы к довольно изощренным и мучительным интеллек-

туальным пыткам сходить в некий период земной истории и, перевоплотившись ни больше ни меньше как в личности Сталина и его ближайшего соратника командарма Маркова, переиграть вторую мировую войну в желательном для аггров направлении.

Они это сделали, только вот направление история приобрела не совсем то, на какое рассчитывали пришельцы.

Она, история, оказалась штукой настолько упругой, что даже и «товарищ Сталин», вооруженный знанием всего происшедшего в двадцатом веке, не сумел справиться с ее логикой и инерцией...

Постепенно в ходе этих невероятных для нормального здравомыслящего человека приключений, которые, впрочем, будучи организуемы последовательно и в тщательно вычисленной пропорции, воспринимались почти естественно, Андрей и оказался в обществе своих друзей в одна тысяча девятьсот двадцатом году, каковой и был определен им как постоянное место и время жительства.

Попутно Новиков узнал, что вся эта межгалактическая заварушка произошла как раз оттого, что он оказался тем человеком, который в силу особого устройства своей психики потенциально был способен на равных участвовать в играх неких высших существ, со времен Большого взрыва контролирующих и направляющих развитие Вселенной. Поверить в это он не смог, но постепенно убедился, что какими-то специальными способностями все же обладает.

И вот теперь он вновь оказался на Валгалле (Таорэре по-аггриански), где Сильвия захотела объяснить ему свое представление об истинной картине мира.

Он закурил еще одну сигарету и какой-то частью своей психики, которая в любых условиях умела сохранять отстраненный, здравый и трезвый взгляд на вещи, ощутил, или подумал, или задал вопрос своей же, но более традиционной части личности: «А зачем, в конце-то концов, нужно тебе было все это самое? С самого начала? Если так вот разобраться. Ты имел все, что мог пожелать нормальный человек эпохи развитого социализма. Даже до того, как Ирина сказала тебе в предутренней голубоватой дымке своей спальни, что любит тебя и что работает агентом инопланетной цивилизации. И предложила за честное сотрудничество удовлетворение всех твоих желаний и амбиций, а также жизнь, если не вечную, то неограниченно долгую и в той возрастной фазе, которую ты сам себе выберешь.

Чем плохо – прожить триста или пятьсот лет, оставаясь здоровым тридцатипятилетним мужиком? Однако почему-то ты отказался, Андрей Дмитриевич, и предпочел ввязаться в сулящую неизбежную и быструю смерть войну (нет, сначала просто борьбу) с превосходящими тебя на порядок по всем параметрам инопланетянами. И, что самое смешное, выиграл ее. Просто для того, чтобы навсегда лишиться покоя и продолжать балансировать на грани... Ради чего? Зачем?»

Новиков отвел глаза от ног Сильвии, которые тоже явля-

лись сейчас психологическим оружием, и спросил:

– А кстати, леди Си, ты же ведь обещала угостить меня ужином, а вместо этого... всякие телеологические проблемы. Как насчет того, чтобы перекусить?

Сильвия вроде бы даже смутилась.

– Боюсь, с этим будет трудно. На Таорэре, если ты помнишь, время течет в обратную сторону. Твои друзья работали здесь в специальных «хронолангах» – аппаратах, изолирующих их от здешней «хроносферы». Нормальный человек не проживет в ней и секунды, все его жизненные процессы пойдут вразнос. И кроме этой комнаты – своеобразного шлюза, ничего земного на нашей базе нет. Еды тоже. Кроме вот этого... – Она указала рукой на бар. А в нем, Андрей проверил, только сигареты, масса напитков и несколько пакетиков соленого арахиса и картофельных чипсов.

– А ты сама? – удивился Новиков. – Ты-то как здесь существуешь?

– Точно так же, как и ты. В пределах вневременной капсулы. Поэтому потерпи. Если мы решим все наши проблемы в ближайшие час-два, то сможем вернуться на мою виллу, где ужин не успеет остыть...

«Нет, зачем мне все это? – вновь вернулся к своим мыслям Андрей. – Даже и в Москве двадцатого года мне было бы лучше и спокойнее. Чего я решил ловить? Или прав Лермонтов: „А он, мятежный, просит бури...“?

Новиков, до того как стать с помощью Ирины журнали-

стом-международником (термин, говорящий не о квалификации, а о степени доверия к тебе коммунистического режима), был очень неплохим психологом, чуть-чуть не успевшим защитить диссертацию по теме настолько оригинальной, что едва ли не десяток профессоров ополчился на двадцатилетнего возмутителя спокойствия в том замкнутом мире, где на протяжении тридцати послесталинских лет поддерживалось такое же спокойствие и единодушие, как в биологии после знаменитой сессии ВАСХНИЛ.

Правда, для корифеев, мечтавших стереть дерзкого в столь мелкий порошок, что и должность лаборанта в провинциальном вузе показалась бы ему подарком судьбы, оказалось неожиданным решение инстанций. Каких именно – задумываться не полагалось, но видеть ненавистное лицо, насмешливо комментирующее ход революционного процесса в одной из стран Центральной Америки с экрана телевизора и, безусловно, довольное своей нынешней ролью, для старших товарищей было куда более непереносимо, чем если бы его назначили ученым секретарем того самого специального НИИ, где он попытался нарушить столь приятный и привычный статус-кво.

А потом? Уже вернувшись с Перешейка, вновь подружившись с Ириной, зачем он ввязался в никчемную битву с агграмми? Что он хотел доказать себе и им? Защищал свою женщину от посягнувших на нее врагов? Или, как Портос, дрался, просто потому, что дрался?

Пробыв полгода товарищем Сталиным, вкусив высшую власть в ее крайнем выражении, чего он достиг? Ведь никто в обозримой истории такой власти не имел. Ассирийские деспоты правили жалкими народцами и степень их самовластия ограничивалась возможностью содрать живьем кожу с какой-нибудь тысячи пленников или затащить в свой гарем три сотни наложниц, эффективно использовать которых по назначению мешали только ресурсы физиологии. Даже друг-соперник Гитлер был более стеснен в своих желаниях, чем Андрей. И что? Главное ощущение, которое Новиков вынес из своей сталинской жизни, это разочарование и усталость.

Наверное, сказал он себе, продолжая вести с Сильвией внешне значительную, а на самом деле пустую беседу, я перебрал эмоций и впечатлений. По всем медицинским законам у меня давно должна была поехать крыша. Как у всех участников достаточно длительных и жестоких войн. Мне ведь и вправду в какой-то момент стала почти безразлична собственная судьба. И инстинкт самосохранения притупился настолько, что безумное предложение Сильвии не встретило возражений. А еще это похоже на состояние игрока, настолько заигравшегося и столько проигравшего, что больше нечего терять. Остановиться нельзя, поскольку расплатиться нечем, а продолжая игру, сохраняешь призрачный шанс на выигрыш.

Да и в отличие от пушкинского Германна у него пока есть в запасе пресловутые и еще неубитые три карты.

И вот он сидит напротив аггрианки и с интересом ждет, что она ему наконец объяснит без дураков, зачем он ей здесь потребовался. А уж там посмотрим...

– Ты со своими друзьями думал, что спасаешь свой мир от жестоких агрессоров, – ответила Сильвия на не высказанный сейчас, но неоднократно поднимавшийся раньше как бы между прочим вопрос. – Вы стали жертвами очень распространенной ошибки. Глядя извне на совершенно непонятные для вас взаимоотношения бесконечно чуждых по происхождению и психологии существ, вы решили вмешаться в них на основе вашей примитивной логики. Настолько же бессмысленный поступок, как попытка случайного прохожего навести порядок в группе спорящих на повышенных тонах итальянцев или грузин. Не зная языка, не догадываясь о национальных традициях и темпераменте...

– Передергиваешь, леди Си, – удивительно спокойно, даже как бы подавляя зевоту, ответил ей Новиков. – Я уж думал, что хоть здесь мы с тобой поговорим откровенно, а ты опять... Ты прожила на Земле раза в четыре больше моего, – как бы между прочим подчеркнул он возраст собеседницы, – а сейчас пытаешься из себя дурочку изображать. Нам ведь и вправду были бы совершенно безразличны ваши с форзей-лями игры, если бы они не затронули нас лично. Нашу безопасность и нашу гордость, если угодно. Я, например, всегда отвечаю ударом на удар, а лишь потом начинаю выяснять, что на самом деле имел в виду тот, кто на меня замахнулся.

Ты заявляешь, что вы гораздо лучше...

– Я сказала: ничем не хуже... – перебила его Сильвия.

– Неважно. Пусть, на твой взгляд, просто не хуже, чем Антон и его форзейли. Однако напали на нас первыми – вы, хотели похитить Ирину – вы, устроили побоище на Валгалле – тоже вы. А Антон нам только помогал...

– Преследуя прежде всего свои собственные цели...

– Не буду спорить. Он – свои, мы – свои. Однако у нас говорят: враг моего врага – мой друг. Хотя бы и до определенных пределов. Мы этот предел пока не перешли. И еще ваши методы с начала и до конца были, безусловно, хамскими... – Он с удовольствием увидел недовольную гримасу агтрианки, которая явно не привыкла в своей роли английской аристократки к столь прямодушным высказываниям.

– Именно хамскими. В любой ситуации вы избирали наиболее грубые, силовые методы решения проблем и, лишь получая достойный отпор, начинали склоняться к более цивилизованным формам общения. Не будем ходить далеко – последний раз в Лондоне и на вашей горной вилле. Вы сразу начали с угроз и пыток, а вот когда Сашка Шульгин перебил ваших охранников, а тебя с твоим напарником положил на пол под дулом автомата, только тогда вы слегка одумались. Ты только не обижайся, – счел он нужным косвенно извиниться за резкость своих слов, – я просто расставляю все по своим местам. Потом-то мы с тобой вроде помирились и даже стали друзьями, но раз уж ты сама подняла эту тему, так

давай до конца разберемся. По отношению к нам вы проявили себя как агрессоры. Ваша экзистенциальная правота нас при этом не интересовала. Я вообще не считаю нужным вникать, что мой оппонент думает, я исхожу из того, что он делает...

На Сильвию, похоже, произвела впечатление резкая отповедь Новикова. За время общения в замке, на пароходе и во врангелевском Крыму она привыкла считать его наиболее мягким и деликатным человеком из всей компании.

– Ну ты что, Андрей, хочешь, чтобы я сейчас перед тобой извинилась за все, что случилось? Так я и так косвенно это сделала, и даже не единожды.

– Не спорю, было нечто подобное, – пожал плечами Новиков. – Однако из твоих нынешних слов вытекает, что все равно тебе хочется как-то итоги нашего «плодотворного» общения ревизовать. Давай лучше оставим эту тему. Будем исходить из исторических реальностей. Я тоже не против некоторые свои взгляды пересмотреть. Очень часто союзники в одной войне становились противниками в следующей и наоборот. Так что давай ближе к делу...

Ему самому разговоры подобные этому надоели до смерти. Последние полтора года они разговаривали больше, чем за всю предыдущую жизнь. Те практические действия, которые им приходилось предпринимать, при всей своей фантастичности и грандиозности по степени воздействия на ход мировой истории, на самом деле занимали очень малую

часть повседневности. Как собственно боевые действия на войне длятся несравненно меньше, чем перегруппировки, марши вдоль и поперек фронта, сидение в окопах, оборудование огневых позиций... Вот и они не меньше восьмидесяти процентов своего времени тратили на дискуссии, застоля, путешествия по времени и пространству, простые повседневные дела вроде постройки дома на Валгалле, заготовки дров и географических исследований далекой землеподобной планеты.

А борьба с аггами или участие в гражданской войне при всей увлекательности оставались лишь яркими эпизодами в достаточно монотонной жизни. Хотя и гораздо более интересной, чем предыдущее земное существование.

– Ну пусть будет по-твоему. Я не хотела тебя задеть или обидеть. Просто надеялась убедить, что сложившаяся у тебя картина нашей реальности... не совсем адекватна. Давай попробуем вести диалог по заветам Сократа. Я изложу свою позицию, ты уточнишь, верно ли ее понял, после чего ответишь по сути. Согласен?

Сильвия, будто волнуясь, снова вскочила с кресла, сама взяла сигарету из брошенной Андреем на стол пачки, прикурила, подошла к окну, за которым неподвижно стояла сероватая мгла, словно густой лондонский смог.

«Переигрывает, – подумал Новиков, наблюдая за ее действиями, – или вправду нервничает? Может быть, просто время поджимает, необходимо добиться какого-то результа-

та к определенному часу? А что это может быть за результат и о каком дефиците времени можно говорить там, где время по определению нулевое? Прошлый раз я прожил в шкуре Сталина целых полгода, а потом оказалось, что фактически прошло меньше суток. Ну, в любом случае спешить не будем. Вот только есть хочется. Целый день мы с ней по холмам стипль-чезом занимались, в ожидании ужина по бокалу аперитивчика выпили, а потом сразу сюда. Надо было хоть ломоть ветчины со стола утащить... – Он тоже встал, подошел к бару. Открыл нижнюю дверцу из какого-то розоватого дерева с причудливым рисунком волокон. За ней на полках рядами выстроились сто – и двухсотграммовые бутылочки со всевозможными напитками разной степени крепости – от шестидесятиградусных ликеров, кубинских, ямайских и пуэрториканских ромов, ирландских, шотландских и американских виски до совсем сухих калифорнийских и французских вин. Десяток сортов пива, само собой, всякие колы и соки. Явно скопировано один к одному с конкретного западного отеля, даже книжечка вот лежит с бланками счетов, и написано на обложке по-английски: „Пожалуйста, укажите количество и сорта выпивки и предъявите портье при отъезде“. Очень цивилизованно. Наши ребята, впервые попадая за границу, ужасно удивлялись такому буржуйскому простодушию. А вот закуски и здесь никакой. Да и вправду, с цивилизованной точки зрения – хлопнув с устатку грамм двадцать пять уж-жасно крепкого, еще и закусывать... Нераци-

онально».

Новиков за неимением лучшего разорвал пакетик арахиса, оперевшись локтем о полку бара, остановил взгляд на подсвеченном пасмурным светом контуре фигуры аггрианки.

Привлекательная женщина, невзирая на все отрицательные черты своего характера. При росте не меньше ста семидесяти двух параметры у нее были что-то типа 92 – 58 – 90. И ноги составляли две трети от общей длины тела. Нормальная такая девушка, ста сорока лет от роду. Какая-то слабость у их специалистов по отбору и заброске агентов – типажи подбирают такие, что глаз не оторвать. Ирина-то еще ладно, в России красивых девок навалом, она из них если и выделялась, то не так уж, требовалось специальное внимание, чтобы оценить ее выдающуюся нестандартность, а для англичанки можно было и попроще прототип изыскать. На фоне их обычных вызывающих уныние мисс и миссис леди Спенсер бросается в глаза, как девица в купальнике топлес на католической мессе.

«Но достаточно заниматься ерундой, всякими рефлексиями и размышлениями по поводу дамских прелестей», – одернул Новиков себя.

– Короче, заманив меня сюда, какой конкретной работы ты от меня хочешь? – спросил Андрей, тоном и выражением лица давая понять, что старательно выставляемые напоказ детали ее фигуры нужного впечатления на него так и не

произвели. – Все, что ты хотела обсудить в процессе светской беседы, мы обсудили. Давай к делу. Зачем мы здесь? Нельзя было нам с тобою откровенно поговорить на Земле? Какие принципиальные проблемы следует решать именно на Валгалле и почему?

Сильвия словно бы растерялась. Андрею даже показалось, что он поставил ее в тупик. Она, наморщив лоб, старалась подобрать слова, способные убедить Новикова в необходимости их пребывания на этой «карантинной станции».

Это еще раз навело Новикова на мысль, что аггрианка не самостоятельна в своих действиях. И выполняла там, на Земле, чей-то приказ, прямой или косвенный.

Андрей усилил нажим:

– Отвечай быстро – почему тебе так вдруг захотелось уединиться со мной? Что ты хотела мне сказать? Для чего нужно было перемещаться именно сюда? Кто заставил тебя это сделать? Со мной пожелал встретиться один из твоих начальников? Или вам нужно было просто убрать меня с Земли? Отвечай, ты слышишь? Отвечай немедленно!

Он не рассчитывал, что таким приемом сможет подавить ее психику и действительно заставить отвечать на агрессивно заданные вопросы (хотя с обычными людьми подобная тактика иногда срабатывала), ему просто нужно было хоть немного вывести ее из равновесия. И она ведь никак не могла забыть, что во всех предыдущих поединках Новиков неизменно выходил победителем.

Своей цели он достиг. Сильвия, говоря по-шахматному, потеряла качество.

– Зачем ты так? – почти жалобно сказала она. – Мы же договорились. Согласились, что теперь мы не враги, партнеры. А на Таорэру я тебя пригласила потому, что здесь мы хоть на короткий срок независимы от постороннего воздействия...

– Это вы независимы, а я?

– Ты тоже. Вот смотри...

Она сделала почти неуловимый жест рукой, и окно, только что затянутое белой мутью, вдруг стало прозрачным. Андрей увидел с высоты примерно пятого земного этажа совершенно чуждый, крайне неприятный для человеческого глаза пейзаж. Плоская, простирающаяся до пределов видимого горизонта равнина, покрытая плотным слоем синевато-желтой растительности, похожей на тундровый мох или на водоросли, которыми обрастают прибрежные камни в южных морях. Чтобы ландшафт не выглядел слишком уж монотонным, по нему с удручающей равномерностью были расставлены деревья – низкие, с корявыми черными стволами и плоскими игольчатыми кронами, похожими на расправленные для просушки шкуры гигантских ежей. Эта саванна тянулась до горизонта, и даже в сильный бинокль нельзя, наверное, было бы рассмотреть, где она кончается. Между деревьями поодиночке и обширными скоплениями были разбросаны отливающие малахитовой зеленью валуны. И в довершение всего небо над потусторонним пейзажем тоже было запредельно

тоскливым, грязно-лилового оттенка, с правой стороны горизонта затянутым вперемешку желтоватыми и тускло-свинцовыми тучами.

– Понятно, – сказал Новиков, отворачиваясь. Такие картинки ему приходилось видеть у Сашки Шульгина в альбомах, где он собирал образцы художественного творчества своих пациентов. «Только по цветовой гамме можно ставить безукоризненный диагноз», – утверждал Шульгин.

Похоже, этот пейзаж рисовал больной с выраженным маниакально-депрессивным психозом. В депрессивной фазе, естественно. И его еще хотят заставить поверить, будто аггры безобидные и приятные существа...

– Что именно тебе понятно? – поинтересовалась Сильвия.

– Почему Ирина предпочла просить у нас политическое убежища. Нормальному человеку здесь в два счета свихнуться можно. Особенно после того, как я познакомил ее с Селигером, Кисловодском, Домбаем... Представляешь, после Домбая – сюда. Пожизненно...

Сильвия уловила в его словах издевку и предпочла не отвечать.

– Однако теперь я тебе верю. Примерно так ребята зону вашей оккупации и описывали. Первое сомнение снимается.

– Уже слава богу. Раз ты помнишь их рассказы, то должен вспомнить и другое – барьер, разделяющий области планеты с обычным и инверсированным временем, извне абсолютно непроницаем. И мы в самом деле сможем обсуждать интере-

сующие нас вопросы без всякой опаски.

– Если ребятам удалось пройти и разнести вашу базу к чертовой матери, не так уж он прочен, этот барьер, – съязвил Андрей.

– Не думаю, что кто-то захочет повторить их подвиг... – раздался за спиной Новикова низкий бархатистый женский голос.

И он сразу его узнал. Обернулся, изобразив на лице удивленно-радостную улыбку.

У входной двери стояла царственная – иначе не скажешь – дама, на вид лет около тридцати пяти, возможно, чуть ближе к сорока. Одета в подобие черно-красно-золотого индийского сари, наверняка шуршащего и переливающегося при движении, то облегающего и подчеркивающего формы тела, то свободно обвисающего, скрывающего фигуру, но открывающего простор воображению.

Звали ее Дайяна (по крайней мере так она назвалась при прошлой встрече), и с тех пор она совершенно не изменилась. Однако, подумал Новиков, откуда я знаю, может быть, мы с ней расстались только вчера по здешнему времени, а то и час назад.

Андрей внимательно ее осмотрел и вдруг рассмеялся. И не истерическим, а самым обычным смехом. Это он вспомнил, как при прошлой встрече с Дайяной Берестин, вместе с которым Андрей оказался пленником аггров, очень к месту привел анекдот про бандершу, которая, исчерпав резер-

вы заведения, выходит к клиенту сама.

Гостью такой прием если и удивил, то самую малость. Она приподняла бровь, грациозно прошелестела через комнату и опустилась на пухлый диван напротив Андрея и Сильвии.

Натянувшаяся ткань ее одеяния обрисовала пышные бедра, вроде тех, какими отличались женские фигуры на барельефах Каджурахо.

«Интересные ребята эти пришельцы, – подумал Новиков. – Неужели они считают нас столь примитивными и сексуально озабоченными существами, что на любое серьезное дело посылают старательно подогнанных к стандартам „Плейбоя“ баб? А может, это как раз я дурак, что удивляюсь? Еще Ефремов писал, что, несмотря на разговоры о превосходстве душевной красоты над телесной, каждый мужик в душе мечтает о женщине с картинок Бидструпа, длинноногих, крутобедрых, с осиной талией. Вот они нам этот идеал и предлагают...»

– Несказанно рад вновь видеть вас, госпожа Дайяна, – не скрывая иронии, произнес Андрей, изображая полупоклон. – Я уж думал, мы никогда больше не встретимся. А касательно подвига моих друзей советовал бы не зарекаться. Мало ли что еще может случиться...

– Здесь вы совершенно правы. Зарекаться ни от чего нельзя. Вы вот тоже вряд ли думали, что после нашей последней встречи и превращения в советского диктатора вновь окажетесь здесь в несколько сомнительной роли.

Ее русский язык был безупречен, в роли телевизионной дикторши она была бы неподражаема, Сильвия, к примеру, владела языком гораздо хуже. Английский акцент чувствовался. А эта дамочка наверняка бывала на Земле только эпизодически, если вообще бывала. Что еще больше укрепило сомнение Новикова в ее подлинности. Биороботесса, наверное, или вообще голограмма, подумал он. Особенно если учесть слова Сильвии о том, что за пределами его гостиничного номера существование нормального человека невозможно. Ну, пусть даже и так, следует это отметить и при случае использовать, а говорить об этом смысла сейчас нет.

– Что да, то да, – легко согласился Андрей. – Но раз я все-таки здесь, то самое время выяснить наконец, для чего я вам вновь понадобился? Конечно, просто повидаться тоже приятно, но ведь не только же...

Как он и ожидал, ответила на его вопрос Сильвия, сделав тем самым еще более интересным вопрос о роли здесь Дайяны. Просто ли для моральной поддержки младшей сотрудницы или у нее имеется специальная функция?

– Мы должны обсудить сложившееся в нашей области Галактики положение. Вытекающее из того, что случилось на Земле и на Таорэре вначале, из вашей победы над большевиками сейчас и из того, что тебе и мне стало известно об истинных хозяевах Вселенной.

– Неужели это так актуально? И стоило ли ради этого транспортировать меня за полсотни парсек да еще и запи-

рать в тюремную камеру, где даже и кормежка не предусмотрена? – Новиков, как всегда в трудных и непонятных ситуациях, начал плести словесные кружева, отвлекать внимание собеседницы на малозначительные детали, плоско острить, преследуя этим сразу несколько целей: рассеивая внимание партнеров, заставляя их говорить больше, чем они вначале собирались, да еще и создавая о себе мнение как о человеке не слишком далеком. Может показаться странным, но на такой примитивный прием ловились даже весьма умные собеседники, заведомо настроенные относиться к нему всерьез. Очевидно, потребность принижать противника и с радостью принимать любые доказательства его неполноценности заложена в человеке на подсознательном уровне так же, как и положительная реакция на самую грубую лесть.

– Неужели нельзя было продолжить нашу взаимно приятную беседу у тебя на вилле? – Улыбка Новикова стала откровенно циничной. – Тем более что я вряд ли смог бы слишком долго противостоять твоим чарам...

– Нельзя, – ответила вместо Сильвии Дайяна. – Как раз по этой самой причине. И еще потому, что только здесь мы стопроцентно гарантированы от любого контроля и вмешательства со стороны.

«Ого! – сказал сам себе Новиков. – Похоже на то, что эта роскошная дамочка не доверяет не только мне, но и Сильвии. И, возможно, моя любезная confidentка совершила крупную ошибку. Из нашего безопасного далека сама яви-

лась на суд и расправу. Где гарантии, что нет желающих списать на нее ошибки и просчеты проигранной войны?

И решил, что подобное развитие событий тоже можно использовать к собственной пользе.

– Объяснение принимается. Я знаю достаточно, чтобы поверить – в вашей зоне, защищенной пленкой поверхностного натяжения на границе противоположно текущих времен, достать нас не сможет даже сверхмощный разряд из квантовых пушек форзейлей. Имел случай убедиться. Как и вы имели возможность убедиться кое в чем из области наших способностей...

– А это следует понимать как угрозу? – прищурилась Дайяна. Новиков мельком взглянул на Сильвию.

Да, что-то она выглядит не слишком бодро. Или у них просто настолько развита субординация? Как у отечественных партработников – когда всесильный секретарь парткома посольства во время разборки его, Новикова, персонального дела, на глазах съеживался втрое и обильно потел, отвечая на вопросы завсектором международного отдела ЦК.

«Надо выручать девку, – подумал он. – Мне-то они ничего не сделают, а какие меры у них к провинившимся агентам применяют, я по инциденту с Ириной знаю».

– Какие угрозы, что вы!.. – Он по-театральному всплеснул руками. – В моем ли положении? Мы же здесь равноправные партнеры, объединенные общими интересами. Я просто хотел ненавязчиво намекнуть, что помню содержание и фор-

му нашего предыдущего разговора, когда именно вы, госпожа Дайяна, очень... настойчиво убеждали меня принять участие в вашем сталинском эксперименте. Теперь я стал значительно опытнее, и тогдашние доводы на меня не действуют. Я выражаюсь достаточно понятно?

Андрей опять бросил короткий взгляд на Сильвию, и ему показалось, что из-за спины Дайяны она едва заметно подмигнула ему.

– Выражайтесь конкретнее. – Аггрианка не захотела принять предложенного им стиля разговора.

– Ради бога. Если в двух словах – сотрудничать я с вами согласен. Иначе просто не пришел бы сюда. Однако предложенный вами протокол переговоров меня не устраивает. Как выражались мои благородные предки – невместно.

– Вот как? – Дайяна выглядела озадаченной. – А что вам не понравилось? Прощлый раз вы потребовали именно это помещение как наиболее вас устраивающее...

– Темпора мутантур, уважаемая, как говорили древние, эт нос мутамур ин иллис. Перевод требуется?

– Спасибо, не надо. Так все же?

– Переправьте меня в наш здешний Форт. Вы его довольно основательно разрушили во время совершенно неспровоцированной агрессии, но думаю, что привести дом в относительный порядок я сумею. И переговоры будем вести только там. Кроме того, присутствующая здесь леди Спенсер должна будет находиться при мне постоянно. В качестве залож-

ницы, переводчика, эксперта – назовите это как хотите...

Короткий, как вспышка импульсной лампы, всплеск облегчения и радости в глазах Сильвии послужил ему и наградой, и подтверждением, что он сделал правильный ход.

Некоторое время они с Дайяной торговались, но ее позиция была заведомо проигрышной. Она даже попыталась угрожать ему с тех же позиций, что и в первый раз, однако Андрей не поддался. Теперь у него были куда более сильные козыри, в том числе самый простой – в случае перемещения их в Форт проблема может быть решена при достижении взаимоприемлемых условий, если же нет – процесс будет долгим, да и у него есть в запасе некоторые возможности. Вплоть до прорыва в ту же самую Гиперсеть. Никаких по-настоящему веских доводов сама Дайяна привести не сумела (или не захотела по причинам специального характера), а ссылки на отдаленность Форта Росс, технические трудности с рекондиционированием аггрианских представителей для работы в зоне обратного времени и тому подобное Новиков отмел как непринципиальные.

– Когда нужно, вы на Землю своих агентов засылаете, и ничего, а тут вдруг полтыщи верст для вас расстояние. Не человек для субботы, а суббота для человека.

Древнеиудейская мудрость ее сразила, и соглашение было достигнуто.

ГЛАВА 2

Сильвия сказала правду, да и сам Новиков, вспоминая прошлое пребывание здесь и рассказы друзей, знал, что внутри станции аггров земляне могут существовать, только будучи надежно защищенными от окружающего чужого времени. Снаряжение, предоставленное Антоном группе Шульгина во время последнего рейда, выглядело очень похожим на обычные легководолазные костюмы, только было изготовлено из сверхтонкой черной пленки, а вместо баллонов с воздухом за спину прикреплялся плоский ранец с генератором антивремени. Этот хроноланг не стеснял движений и позволил землянам в тот раз выиграть почти безнадежное сражение с агграми.

Изолирующие же костюмы, которые пришлось надеть Андрею с Сильвией сейчас, больше напоминали скафандры высшей защиты из фантастических фильмов. Именно они в свое время ввели в заблуждение людей, вообразивших, что Валгалла захвачена ракообразными негуманоидами. Тяжелые, снежно-белого цвета, с шипастым, вытянутым вперед шлемом и клешнеподобными манипуляторами.

Анатомия аггров в их естественном виде несколько отличалась от человеческой, и скафандры на Андрея с Сильвией налезли с трудом. Новиков чувствовал себя так, словно его засунули внутрь «железной девы» – средневекового пы-

точного инструмента. Какие-то выступления упирались в поясницу, горловина шлема заставляла неестественно выворачивать шею, ноги не до конца разгибались в коленях. Кроме чисто физических неудобств, Андрей сразу же испытал отвратительный приступ клаустрофобии. Словно его заживо похоронили в тесном гробу.

Зато впечатления от зрелища внутреннего устройства аггрианской базы вполне искупили все остальное.

Конечно, никаких тайн за те десять-пятнадцать минут, что их вели по коридорам, подвесным галереям и пандусам, Новиков не раскрыл, но и самого поверхностного взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться в потрясающей чуждости этой цивилизации.

Стало понятно даже, отчего так легко Ирина забыла о своем служебном и расовом долге, перейдя на сторону землян. Слишком глубокой реконструкции пришлось подвергнуть ее организму и мозгу, чтобы существовать и работать на Земле. И оказалось достаточно малейшего сбоя в программе перестройки ее фенотипа, чтобы она осознала себя истинно земной женщиной, ощутив к бывшим соотечественникам неприязнь и даже страх. Наверное, то же самое случилось и с Сильвией. Чем-то происшедшее с аггрианскими резидентками напоминало метаморфозу, случавшуюся с воспитанными за «железным занавесом» советскими гражданами, попадавшими в свободный мир. Чем более тонким и независимым умом они обладали от природы, тем быстрее разочаровыва-

лись в идеалах социализма и превращались в невозвращенцев.

Если только – Новиков вновь вернулся к одной из своих гипотез – Ирина и Сильвия вообще изначально не агтрианки, а специально выращенные из эмбрионов обычные земные женщины, только снабженные ложной памятью и выходящими за пределы нормы физическими качествами: эталонной внешностью, практически вечной молодостью, суперэффективной нервной и мышечной системами.

А станция действительно казалась... как бы это лучше выразиться... порождением навеянных порцией ЛСД галлюцинаций.

Прежде всего чудовищной была ее геометрия. Некоторое впечатление о ней могли бы дать рисунки Мориса Эшера. Стыкующиеся под немислимыми углами плоскости стен, вызывающие головокружение изгибы лестниц, перспектива коридоров, одновременно прямая и обратная, и много еще всяческих изысков. Параллельные прямые, естественно, пересекались, причем не в бесконечности, а в пределах поля зрения. Вода тут наверняка должна была течь вверх, а подняться с этажа на этаж можно было, съезжая вниз по перилам. По крайней мере такое впечатление у Новикова сложилось очень скоро. О таких пустяках, как совершенно абсурдная цветовая гамма, нечего и говорить. Спектр тут, похоже, состоял из совсем других красок, чем на Земле.

– Живут же люди, – пробормотал Андрей себе под нос,

потому что средств связи в скафандре он не обнаружил и общаться с Сильвией и сопровождавшей их Дайяной ему приходилось жестами.

Аггрианская матрона, кстати, несмотря на вполне человеческую внешность, не испытывала нужды в средствах индивидуальной защиты. Это Новикова уже не удивило, разве что укрепило в мысли, что он имеет дело с более-менее материальным фантомом.

А вот попавшиеся на пути несколько природных аггров выглядели удручающе. Что там пресловутые Гуинплен с Квазимодо! Сохраняя общую схему двуногих прямоходящих, гуманоидами они могли называться с большой натяжкой. Все они были какие-то безжалостно деформированные, перекрученные, как пробившиеся через асфальт грибы. Однако комплексов по этому поводу не испытывали, передвигались удивительно ловко и, может быть, даже сообразно своей конструкции грациозно.

Жадно разглядывая и запоминая все, что можно, Новиков пытался одновременно сообразить, какие манипуляции следовало бы произвести над аборигенами станции, чтобы привести их к привычному облику. Если бы это были пластилиновые фигурки, по каким осям их можно развернуть, укоротить или удлинить?

Ничего не получалось. Единых осей симметрии у них не просматривалось.

И тогда ему в голову пришло довольно простое решение.

Здесь нарушены лишь оптические свойства пространства, а в остальном все нормально. Подобрать подходящие очки, и все станет на свои места. Иначе бы скафандры на них вообще не налезли, а они худо-бедно, но сидят.

Выйдя наконец наружу, Новиков увидел станцию во всей ее красе. Правда, для этого пришлось отойти на порядочное расстояние, потому что размерами она была сравнима со стадионом не из самых маленьких. А формой и цветом напоминала гигантскую бронзовую шестеренку, с маху брошенную на мягкую почву и косо застывшую под острым углом к горизонту.

Вот по этим, значит, наклонным стенам, словно выложенным из рустованного гранита, карабкался Сашка без страховки, чтобы выручить из плена его с Берестиным тела, пока сами они в виде нематериальных психоматриц героизмовали в далеком сорок первом году.

Экипаж для Андрея и Сильвии был уже подан. Плоский и длинный, как армейский транспортер «МТЛБ» без гусениц, выкрашенный, как и скафандры, в снежно-белый цвет.

– Покатаемся, значит, – снова сказал сам себе Новиков и сделал Сильвии приглашающий жест, хотя никаких дверей или люков в сплошном корпусе не наблюдалось. Но расчет его был верен. Стоило аггрианке сделать шаг к машине, как на ближайшем к ним борту откинулась вверх прямоугольная дверка. За ней виднелся довольно просторный отсек с необыкновенно большими, как бы на бегемотов рассчитан-

ными креслами, чашеобразными, будто в земных истребителях.

«Чтобы можно было в скафандрах садиться», – сообразил Андрей. Сильвия неуклюже полезла внутрь. Новиков с полупоклоном предложил садиться Дайяне. Та отрицательно покачала головой. По движению ее губ Андрей понял, что она сказала:

– Позже...

– Ну, хозяин – барин!

Через полчаса плавного и бесшумного полета со скоростью километров двести – двести пятьдесят в час впереди возникла радужно, вроде мыльного пузыря, переливающаяся стена, уходящая в зенит.

«Межвременной барьер, – догадался Новиков. – Однако они сильно продвинули границу. Когда мы здесь воевали, от нее до базы ребята пешком часов за шесть добежали...»

Никаких эффектов при переходе в нормальное время он не отметил. Просто пейзаж внизу мгновенно стал привычным и словно даже знакомым. Холмистая лесостепь, по мере продвижения к северу сменяющаяся подобием зауральской тайги. Положенных цветов трава, ручейки и озера, ярко-синее, какое на Земле бывает в преддверии осени, небо. Андрей торопливо отстегнул не то магнитные, не то гравитационные замки шлема. Местного воздуха он до посадки глотнуть не рассчитывал, кабина наверняка герметичная, а вот

поговорить с Сильвией хотелось, не откладывая.

– Слушай, а чего начальница твоя с нами не полетела?

– Она мне не начальница, – сразу ощетинулась Сильвия.

– То-то ты в ее присутствии только что руки по швам не держала...

Сильвия едва заметно дернула щекой, но промолчала.

– Да и бог с ней, хотя типаж колоритный. Она так и в натуре выглядит или обман зрения? Остальные твои землячки куда как противнее... – После пережитого напряжения Нювикову хотелось веселиться, а что может быть приятнее остроумной пикировки?

– А откуда ты знаешь, что на базе весь персонал состоит из женщин? – неожиданно спросила Сильвия.

Он совершенно не знал этого и удивился вопросу. Однако по превратившейся в инстинкт привычке своего недоумения не показал. Предпочел ответить на второй смысл вопроса, игнорируя первый:

– Это имеет для тебя особое значение – знаю я или нет и откуда?

А тем временем он догадался и об остальном. Не слишком твердо зная русский, Сильвия просто перепутала ударения: «землячки» и «землячки». Следовательно, имеет место факт, что у них практически однополое общество. Почему так – подумаем позже. Но деталь многозначительная, подтверждающая искусственность их цивилизации, по этому признаку сравнимой с ульем или муравейником.

– Наверное, это важнее для тебя, – пожалв плечами, ответила Сильвия.

Летающий «бронеход», который после пересечения «барьера» увеличил скорость до почти звуковой, приближался к району расположения их знаменитого Форта.

Мачтовый сосновый лес, который так любил изображать на своих картинах Шишкин, все гуще заполнял холмистую, пересеченную множеством нешироких медленных речек местность за бортом их аппарата. Все чаще начали угадываться внизу ориентиры, нанесенные на самодельные карты во время первых исследовательских походов по планете, когда они простодушно считали, что здесь им придется провести остаток жизни.

Романтически-сентиментальное чувство встречи с невозвратно ушедшей молодостью охватило Новикова.

Бывают же в жизни человека места, связанные с моментами абсолютного, не омраченного посторонними обстоятельствами счастья. Таким местом для него была Валгалла и Форт в те короткие по обычным человеческим меркам семь локальных месяцев.

– Действительно, красиво у вас тут, – сказала, глядя через широкое лобовое окно, Сильвия. – На нашей половине куда скучнее, если человеческими глазами смотреть...

– А нечеловеческими ты еще умеешь, не разучилась? Да и умела ли когда?

Вопрос был провокационный, но Сильвия ответила на

него вроде бы честно:

– Не знаю, умела ли вообще когда-нибудь. Я ведь своей тамошней жизни совсем не помню. Есть какие-то обрывки, относящиеся скорее уже ко времени специальной подготовки. А чтобы детство помнить, родителей там, друзей... этого нет. Нам, будущим землянам, специально память корректировали, чтобы от легенды не отвлекаться. Да и в своем теперешнем образе я, сам знаешь, сколько лет прожила, а в исходном... Не представляю даже. – Голос ее звучал ровно, но что-то вроде затаенной печали Новиков уловил.

– Не пробовала как-нибудь выяснить? Неужели же никаких способов нет? В частных беседах со своими или еще как...

– Плохо ты себе наши реалии представляешь. С кем я могла об этом говорить? А если бы даже мне такая блажь в голову пришла, думаешь, другие больше меня знают? Ты свою Ирину о ее прошлом спрашивал? – Она сделала короткую паузу и подытожила разговор: – Вот то-то же...

Летательный аппарат полого развернулся над излучиной широкой, как Нева перед стрелкой Васильевского острова, реки. И у Новикова вдруг защемило сердце. Он сам не ждал от себя такой реакции.

На вершине гигантского треугольного утеса, отвесными гранитными стенами врезающегося в серо-голубые воды Большой реки и ее левого притока, посередине окруженной вековыми меднокорыми соснами площадки Андрей увидел

остатки того, что когда-то было первым и, оказалось, увы, единственным форпостом Земли в немыслимом количестве светолет от метрополии. А ведь как это поначалу казалось здорово – почти сразу после высадки американцев на Луну, не дожидаясь покорения Марса и Венеры, шагнуть прямо из московской квартиры на покрытую густой зеленой травой почву бесконечно далекой планеты. Показалось тогда в приступе романтической эйфории, что пройдет не слишком много времени, ситуация нормализуется, и они преподнесут в подарок человечеству не только Валгаллу, а и десятки других миров... Хотя и были кое-какие сомнения, но представлялись они в принципе разрешимыми, в соответствии с высокими гуманистическими принципами...

Аппарат бесшумно и плавно опустился на грунт совсем рядом с массивными воротами, сейчас распахнутыми настежь.

При близком рассмотрении разрушения оказались не столь значительными, как Новиков представлял по рассказу Шульгина, последним покинувшего их базу. Драматизм отчаянного арьергардного сражения у стен Форта сильно повлиял на Сашкино восприятие действительности.

Конечно, удар гравитационной пушки с бронехода разбросал по бревнышкам окружавшую второй этаж веранду и угол крыши. Перекрученные листы кровельной бронзы свисали с расщепленных стропил и временами уныло скрежетали под порывами свежего ветра с речного плеса. Повылета-

ла половина стекол фасадных витражей. Осыпались высокие кирпичные трубы каминов. А в остальном терем сохранился. Если зайти сбоку, то он казался совершенно целым, как в первый день по завершении постройки.

Самое же интересное, что все здесь выглядело так, будто бой случился лишь вчера-позавчера. Мощенная кирпичом площадка у ворот и ведущая к веранде дорожка сверкали латунными россыпями – Сашка действительно палил здесь на расплав ствола, расстрелял не меньше трех лент. И гильзы совсем свеженькие, ничуть не потускневшие. Даже трава не успела разрастись, аккуратно подстриженные лужайки, казалось, хранили еще следы газонокосилки, которой любил управлять Олег, отвлекаясь от своих научных занятий.

Сильвия с любопытством рассматривала живописное строение, о котором успела наслушаться в Замке от Шульгина и девушек. А Новиков, беззвучно матерясь, выкарабкивался наружу из надоевшего, как гипсовый корсет, скаффандра.

– Постой здесь или присядь вон. – Андрей указал ей на широкую дубовую ступеньку лестницы, смахнув с нее мимоходом очередную пригоршню гильз. Рассказ Шульгина о перипетиях боя был протокольно точен – вот здесь он, отступая, стрелял по зловещим ракообразным фигурам, и они лопались, исчезали бесследно, как мыльные пузыри, при попадании бронебойных пуль.

Ему хотелось войти в дом сначала одному, осмотреться,

убрать что-то, неподходящее для посторонних глаз, хранящее подробности их личной, теперь ушедшей в прошлое жизни, а уж потом пригласить туда гостью. Но сначала ему пришлось помочь Сильвии освободиться от скафандра. Он был надет прямо на ее щегольской костюмчик, отнюдь не приспособленный для такого использования и выглядевший теперь довольно жалко. А туфли на шпильках вообще остались в гостиничном номере. Неужели она так спешила поскорее распрощаться с «родной» станцией, что не подыскала каких-нибудь тапочек? Еще одна загадка.

– Посиди, – повторил Андрей, – а я тебе и одежду подходящую найду, для нынешних условий более приспособленную: джинсы, к примеру, кроссовки или ботинки, курточку теплую. Вечера здесь довольно прохладные бывают. У Лариски, кажется, примерно твои габариты...

Удивительно, но, в отличие от земных солдат, здешние «десантники», разгромив базу неприятеля, не проявили никакого интереса к трофеям. Очевидно, им требовались только сами люди, а раз уж захватить в плен никого не удалось, ни документы, ни оружие, ни даже столь обычно желанные сувениры «инопланетных пришельцев» не привлекли внимания аггров. Что еще раз подчеркнуло Андрею их полную интеллектуальную и психическую несовместимость с людьми.

Он прошел через просторный холл первого этажа, выглядевший непривычно из-за того, что снесенный гравитационным ударом угол стены и часть потолка придавали ему вид

театральной сцены. Обрушившиеся бревна верхних венцов разбили и опрокинули полированные шкафы для оружия, любовно собиравшиеся Шульгиным антикварные винтовки и ружья лежали неаккуратной грудой вперемешку с осколками стекла и драгоценными художественными альбомами, сброшенными со стеллажей.

Но большая часть обстановки сохранилась в полной исправности, даже позолоченные каминные часы продолжали размахивать своим серпообразным маятником.

По крутой дубовой лестнице Новиков взбежал на второй этаж, открыл ближайшую от площадки дверь. Остановился на пороге своей комнаты.

Словно и не пролетел почти целый год, заполненный более чем сказочными приключениями. Словно только утром он вышел отсюда, экипированный для предстоящего тысячекилометрового похода через зимнюю тайгу к городу квангов. За обледеневшими окнами разгоралась тогда малиновая заря, гудели у ворот прогреваемые дизели гусеничных транспортеров. И были они все тогда совсем еще наивными ребятами, сдуру ввязавшимися в чужие, непонятные игры, и совершенно не представляли, чем все это для них может кончиться.

То есть к лихим перестрелкам они готовы были, но не более. И пусть уже не видели ничего невероятного во внепространственных переходах через сотню световых лет, а вот представить то, что кому-то из них придется через па-

ру недель оказаться в шкуре товарища Сталина, кому-то руководить Великой Отечественной войной, владеть собственными пароходами, а потом соскользнуть еще глубже вниз по временной оси, в другую войну, гражданскую, и в результате узнать, что их готовы принять почти как равных себе вершители судеб Вселенной... На такое воображения ни у кого из них явно тогда не хватило бы...

Андрей в то утро не то чтобы очень торопился, но настроение у него было взвинченное, наводить порядок в комнате даже и в голову не пришло. Не немец, чать, из романа Семенова, который, перед тем как застрелиться, посуду помыл.

На полу у изголовья дивана две пустые пивные бутылки, горка окурков в пепельнице, брошенная корешком вверх раскрытая книга. Что это он читал в последнюю ночь нормальной человеческой жизни? Ну да, «Описание военных действий на море в 37 – 38 годах Мейдзи». Что-то потянуло его тогда освежить в памяти японскую трактовку сражения в Желтом море...

Стало невыносимо грустно, как в тот день, когда на его глазах рушили чугунной бабой дом, в котором он прожил с рождения до семнадцати лет, и в клубах известково-кирпичной пыли вдруг раскрылись на всеобщее обозрение стены родительской квартиры, оклеенные выцветшими бело-зелеными обоями...

Ладно, еще не вечер, и неизвестно, сколько ему придется прожить здесь снова. Помня, сколь опасная фауна обита-

ет в окрестных лесах, да теперь, вдобавок, сильно осмелевшая, Андрей открыл шкаф и снял с крючка все так же висевший там автомат «узи», тот самый единственный ствол, с которым они совершили первую вылазку на Валгаллу. Сейчас уже и не оружие, а музейный экспонат, свидетель и факт истории... Когда Левашов, экспериментируя со своей кустарной аппаратурой, что-то включил, повертел грубые бакелитовые верньеры от старого радиоприемника «Бляупункт» и из московской квартиры открылась дверь в иной мир, неизвестно где расположенный, и оттуда потянуло теплым, пахнущим цветами и лесом ветром, а на затертый ковер упал луч чужого жаркого солнца...

Новиков передернул затвор, проверяя наличие патрона в патроннике, сунул под ремень запасной магазин, вышел в коридор.

Отворяя дверь в комнату Ларисы, он испытал некоторую неловкость. Рыться в гардеробе чужой женщины, и без того испытывающей к нему не слишком тщательно скрываемую неприязнь... словно бы она могла застать его за этим занятием и брезгливо поджать губы: «Я так и думала! Что еще ждать от этого типа...»

Проще было бы зайти к Ирине, но у нее с Сильвией слишком разные фигуры.

Андрей хмыкнул удивленно. Что-то его стали рефлексии одолевать. Будто не на год назад он вернулся, а на двадцать. Да так оно, впрочем, и есть. Он сам тогдашний казался себе

теперь совсем юным, наивным парнем...

Заглянув в двустворчатый платяной шкаф, Андрей присвистнул от неожиданности. Действительно, странная девушка Лариса, подруга Олега Левашова. Изображала из себя этакую аскетически-хиппующую личность, равнодушную к собственной внешности и предпочитающую любым нарядам добела застиранные джинсы и маечки в обтяжку. И здесь, и в Замке. Демонстративно и как бы в упрек своей слегка ошалевшей от неограниченных возможностей подруге Наташе. А сама, оказывается, отнюдь не брезговала преимуществами ситуации, в которой оказалась в общем-то случайно. Шкаф был буквально забит изысканнейшими туалетами лучших западных фирм. А на подоконнике Андрей увидел груду толстых глянцевых каталогов Неккермана и Отто, в которых она и выискивала образцы для репликатора.

Нет, у нее не только с нервами, но и с головой не все в порядке, подумал Новиков. Какой-то психопатический синдром, как у старой девы, яростно пропагандирующей пуританскую нравственность, а по ночам смакующей порнографические журналы. Для чего она копила это барахло? Разве от предчувствия, что сказка, в которую она попала, скоро кончится, так же внезапно, как и началась, и хоть это удастся забрать в прежнюю нищую жизнь. Своего рода ленинградский блокадный синдром, но в применении к вещам, а не продовольствию.

Пожалуй, все эти платья и костюмы, больше подходящие

для балов-маскарадов и кремлевских приемов, чем для повседневной носки, Сильвии здесь не пригодятся. Хотя вот... Среди шелков, парчи и прочих кристаллонов (Новиков слабо разбирался в этих галантерейных тонкостях) он увидел тоже шикарный, но по крайней мере брючный костюм из мягкой жемчужно-серой замши. Если не бояться испортить его великолепию в нынешних полупоходных условиях, вполне подойдет. А в комплект к нему обнаружили в груди обуви и красивые, на низком, почти мужском каблуке коричневые сафьяновые сапожки с голенищами выше колен. Слегка не в тон по цвету, но по жесткой траве и по лесу ходить куда удобнее, чем в кроссовках.

Костюм и сапоги он бросил на кровать, а в бельеовое отделение только заглянул, не желая ощутить себя фетишистом. Уважающему себя мужику рыться в трусах и бюстгальтерах чужой бабы... Тут уж Сильвия пусть сама разбирается, среди полусотни нераспечатанных целлофановых коробок что-нибудь найдет. Интересно, а Олег знал о тайных наклонностях своей подруги или она и от него таилась?

Решив отложить подробную рекогносцировку дома на потом, Андрей сбежал вниз.

Сильвия терпеливо ждала на крыльце и меланхолически следила за искрящейся солнечными бликами, подернутой мелкой рябью поверхностью реки.

«Все ж таки очень красивая дамочка, – опять подумал он. – Везет мне на приключения. Трудновато будет удержать-

ся от соблазна».

– Соскучились, леди Спенсер? – с прежней легкой иронией подчеркивая титул, спросил Андрей, остановившись у нее за спиной.

– Отнюдь, – повернула голову и посмотрела на него снизу вверх Сильвия. – Я привыкла к одиночеству. Наедине с собой мне никогда не скучно.

– Как говорил Хайям: «И лучше будь один, чем вместе с кем попало». Так?

– Хайям часто говорил умные вещи. Или ты хочешь, чтобы я подтвердила его правоту в данном конкретном случае?

– Ладно, один-один, – подмигнул ей Новиков. Ему вдруг стало легко и даже весело. А чего, собственно, грустить? Война продолжается, господа, война продолжается!

– Пойдем со мной. Я там кое-что подобрал. А не понравится – найдешь что-нибудь другое.

– С удовольствием. А автомат к чему? Мне считать себя по-прежнему военнопленной?

– Исключительно в рассуждении неизбежных на море случайностей. Тут такие монстры попадают. Суперкоты, к примеру. Так что от прогулок в одиночку, да еще после захода солнца, настоятельно предостерегаю.

Ему пришлось подождать минут пятнадцать-двадцать, пока она переодевалась. Несоразмерно долго, но Сильвия, похоже, не доверяя его вкусу, решила перемерить полгарде-

роба. Из-за неплотно прикрытой двери доносились шуршание, шелест, щелчки замков и застежек... Андрей вдруг ощутил недоумение и тревогу, как всегда, когда что-то в себе не понимал. Ведь не семиклассник он, чтобы возбудиться лишь от звуков «заочного стриптиза»? Однако... Обычно он умел держать себя в руках и в гораздо более рискованных ситуациях, а сейчас ему неудержимо захотелось оказаться в комнате. Или даже лучше в щелку двери заглянуть...

С усилием подавив это странное желание, Андрей решил осмотреть соседние помещения Форта. Его не оставляло опасение, что за время их отсутствия в доме могла поселиться какая-нибудь хищная тварь. Или, к примеру, змеи напозли... Таковых не обнаружилось, зато он еще раз убедился, сколь многого не знал о своих друзьях и подругах.

У колонистов не принято было заходить в личные апартаменты друг друга и здесь, и на пароходе. Вся общественная жизнь протекала в библиотеке, столовой, гостиных, холлах и на открытом воздухе, самой собой. А при ограниченности размеров их компании и неопределенности срока, который они обречены были провести вместе, полная закрытость частной жизни и возможность абсолютного уединения только и гарантировали от нервных срывов.

И вот сейчас Андрею открывались любопытные штрихи и детали, дающие психологу пищу для размышлений.

Конечно, его открытия не относились к Шульгину и Левашову, которых Андрей знал с детства, но о Берестине, Во-

ронцове, Наталье Андреевне он свои представления расширил. Странно звучит после года очень тесного знакомства, но тем не менее...

– Андрей, куда ты пропал? – наконец позвала его Сильвия из коридора. Новиков увидел ее в новом наряде и, не лицемеря, словами и мимикой выразил свое восхищение. Она все же не нашла ничего лучше того, что он ей предложил. Костюм Ларисы, явно ни разу не надеванный, пришелся аггрианке удивительно к лицу. Правда, формами она была немного попышнее, но от этого жакет и брюки сидели на ней даже соблазнительнее. И вообще новый наряд ее преобразил. Она стала похожа на Миледи из «Трех мушкетеров» в исполнении Милен Демонжо. Была такая до невозможности эффектная французская актриса в шестидесятые годы. Ребята по десять раз смотрели фильм только из-за нее, а уж девчонки...

– Теперь предлагаю отобедать чем бог послал. Припасов у нас здесь достаточно, насколько я помню. Кстати, поясни, складывается впечатление, что здесь прошло никак не больше недели после... ухода Сашки с Олегом. А на самом деле?

– Попробуем вместе разобраться. Только сначала все же веди меня к столу, я тоже проголодалась. Зверски.

На кухне Андрей растопил печь, наскоро приготовил из полуфабрикатов и консервов обед, а точнее, и обед, и ужин вместе, потому что ели они, по субъективным ощущениям, не меньше двух суток назад.

Накрывая стол, Новиков вновь процитировал любимую

фразу из кулинарной книги Елены Молоховец: «Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб, пусть принесет фунт масла, два фунта ветчины, дюжину яиц, фунт икры, красной или черной, etc. и приготовьте легкий ужин по следующему рецепту...»

За окнами начало смеркаться. Генератор был разрушен почти безнадежно, и пришлось зажечь двенадцатилинейную медную керосиновую лампу с пузатым стеклом. Сразу стало уютно и как-то патриархально.

Андрей было подумал, что Сильвия такую экзотику видит впервые в жизни, и тут же вспомнил, что она захватила времена, когда электричества вообще не было в широком обиходе.

Тишина вокруг стояла, что называется, мертвая. На тысячи километров вокруг ни малейших признаков цивилизации. Только легкое позвякивание вилок о тарелки как-то оживляло здешнее безмолвие. Правда, прислушавшись, Новиков различил усиливающийся шум ветра в кронах пятидесятиметровых сосен.

Хорошо еще, что весь разрушительный удар агрианских гравипушек пришелся по противоположному крылу дома. Кухня, столовая, продовольственный и вещевой склады, большая часть жилых помещений уцелели. А веранду и оба холла с эркерами и галереей второго этажа он за неделю в порядок приведет...

Андрей с удивлением поймал себя на мысли, что рас-

суждает так, будто собирается здесь как минимум зимовать. Неужто опять интуиция подсказывает?

Утолив первый голод, Сильвия откинулась на высокую спинку дубового стула, протянула Новикову свой бокал. Он налил ей белого рейнвейна. Себе плеснул немного старки.

– Так что же у нас получается? – вернулся он к не дающей ему покоя теме.

– Имей в виду, я ведь в хронофизике совсем не специалист. Рассуждаю эмпирически. Когда взрывом «информационной бомбы» твои друзья обрубили внепространственный тоннель, связывавший Таорэру с Землей, и заблокировали развилку между реальностью вашего восемьдесят четвертого года и реальностью сорок первого, где ты исполнял роль Сталина, наша Вселенная, существующая в противоположно направленном времени, действительно как бы исчезла. Но исчезла именно в реальности исходной, в которой ты впервые встретил Ирину. Люди, которые в ней остались, действительно никогда больше ничего не услышат о нас. Однако Антон, то ли по незнанию, то ли намеренно, не сказал вам, что на реальность номер три, двадцатого года, его бомба никакого влияния не оказала и не могла оказать по определению. Таким образом, в том, что я сумела восстановить канал связи с Таорэрой, ничего странного нет.

Новиков слушал ее и удивлялся, насколько близко он сам подошел к такому же выводу, но последнего шага отчего-то сделать не сумел или не успел.

– Теперь идем дальше. Ты знаешь, что наша Вселенная существует во времени, протекающем в том же темпе, но навстречу вашему. Не знаю, закономерно или случайно, но точка, обозначающая на оси времени момент вашей диверсии в восемьдесят четвертом, совпала в этой реальности с нынешним двадцатым годом...

Андрей пытался представить себе вероятность такого совпадения, даже принялся для наглядности чертить на салфетке схему черенком вилки.

– Поэтому, когда я вышла на связь с Таорэррой, оказалось, что они только-только оправились от последствий беспорядков, учиненных на базе твоими друзьями. На самом деле здесь прошло меньше месяца. Дайяна даже не удивилась...

– И ты в это веришь? Или лапшу мне на уши вешаешь? – Новиков с коротким стуком положил вилку на стол.

– Боюсь, что я тебя не совсем понимаю...

– Что же непонятного? Попробуй сама ответить на два вопроса, а потом еще порассуждаем...

Сильвия какое-то время пыталась понять, что Новиков имел в виду, потом ее лицо слегка исказилось гримасой.

– Вот именно, моя дорогая. Прежде всего совпадения точек в твоём варианте произойти не могло, тут простая арифметика. Разнос образуется как минимум в полгода. И это при том, что я исключаю имевшие место отклонения от главной последовательности – то в сталинской эпопее, то в дни экспедиции наших ребят, плюс пребывание в Замке, переход по

морю, стоянка в Стамбуле, два месяца гражданской войны – куда ты денешь все эти недели и месяцы? Отвернувшись спиной к мишени, навскидку с вертящейся карусели попасть в круг и то легче, чем в твоём варианте угодить в сопоставимое время... Однако и это еще не все, – пресек Андрей слабую попытку Сильвии что-то возразить. – Самое главное – каким образом получилось, что с совершенно другой мировой линии мы с тобой сумели попасть в нужную точку? Я еще более слабый хронофизик, чем ты, тут нам с тобой равняться даже смешно, однако же... Антон утверждал, что движение поперек времени еще менее возможно, чем против оного.

– Сказанное тобой наводит на размышления, не спорю. – Сильвия вдруг стала задумчивой и спокойной. – И нам придется об этом подумать вместе. А что касается второго... Антон, при всем моем к нему уважении, отнюдь не арбитр в последней инстанции. Реальности разных уровней иногда отличаются на столь несущественную величину, что ею можно и пренебречь. В нашем случае факт поражения красных под Каховкой никоим образом не успел повлиять на реальность Таорэры. Просто по закону Эйнштейна время распространения информации равно скорости света. Для сорока с чем-то парсек это больше ста двадцати лет. У нас же получается всего минус шестьдесят четыре. Процент посчитаешь сам. И еще. Даже если бы информация дошла своевременно, так ли велико случившееся расхождение реальностей? В условных единицах – нечто вроде нескольких сантиметров на ге-

неральной карте. Такие отклонения мы преодолевать умеем. Еще вопросы будут?

Новиков решил, что разговор переходит в плоскости, явно выходящие за пределы его компетенции. И решил свернуть дискуссию. Обдумать доводы в более спокойной обстановке.

– О'кей, дорогая. На сем закончим наши игры. Не будешь ли ты возражать, если я провожу тебя к месту ночлега? Можешь выбрать любую из девичьих комнат, они вполне благоустроены...

Он уловил тень неприятия на ее лице.

– А также есть и два изначально свободных помещения. Приготовленные для неожиданных гостей.

– Тебе не приходит в голову, мой проницательный рыцарь, что женщине с настолько расшатанной психикой оставаться одной в комнатах полуразрушенного дома, окруженного лесом, кишашим дикими зверями, просто невозможно? Я не гарантирую, что утром тебе не придется вызывать скорую психиатрическую помощь...

Сильвия увидела ироническую улыбку на лице Новикова и продолжила с абсолютной убедительностью:

– Нет-нет, не смейся, я не дурака валяю! На самом деле для меня это невозможно. Ты все воображаешь, что имеешь дело с Джеймсом Бондом в юбке, а ведь это не так. Я дипломат, аналитик, координатор спецопераций, но не рейнджер же... Спросил бы Шульгина, как я вела себя там, в горах...

Андрей неожиданно ей поверил. И в самом деле, разве та же Маргарет Тэтчер, ее соотечественница, «железная леди», при всех ее достоинствах, позволивших выиграть Фолклендскую войну, способна была возглавить простой десантно-штурмовой взвод? И подумал: «Ну а почему бы и нет? Проверим степень собственной выдержки и заодно выясним ее дальнейшие планы...»

– Хорошо, леди Спенсер. Я не могу требовать от вас чрезмерного. Готов охранять ваш покой и сон. Пойдемте...

Слегка придерживая ее под локоть левой рукой и держа бросающую судорожные блики желтовато-розового света лампу правой, он провел аггрианку в свой двухкомнатный отсек.

Ветер за окном разгулялся не на шутку, метров до двадцати в секунду, и его завывания и свист в щелях и брешах между бревнами наружного сруба, дребезжание обрывков колючей проволоки внешней ограды, скрежет листов кровли создавали и в самом деле не слишком приятный звуковой фон. Ему-то что, он умел спать и в идущем по пересеченной местности танке, а нежной аристократке заснуть одной в бревенчатой хижине, даже без электричества...

Андрей запер дверь на тяжелый медный засов, поставил лампу на тумбочку.

– Вон твоя койка. Чистое белье в шкафу. Или тебе и постелить?

– Спасибо, – холодно ответила Сильвия, – это я сама...

– Тогда я вернусь минут через десять...

Новиков вышел из дома, присел на мокром от дождя крыльце, положил на колени взведенный автомат, закурил сигару из своих здешних запасов, вслушался в шум ветра, проносящегося сквозь кроны сосен. Этот звук походил на гул летящего «зеленой улицей» курьерского поезда. Пожалуй, в такую погоду и суперкоты предпочитают отсиживаться в чаше, тем более что человеческий запах до них едва ли успел донестись.

Нет, пожить здесь недельку будет неплохо... А если всю оставшуюся жизнь на Валгалле коротать придется? Если все это было хитрым, рассчитанным на его глупость и никчемную отвагу приемом? Другим путем нейтрализовать не вышло, тогда вот так...

Андрей сплюнул, щелчком отбросил окурок. Ладно, посмотрим, из всяких ситуаций выпутывались. Ни бояться, ни забивать себе голову грядущими неприятностями ему сейчас не хотелось. Устал. Лечь бы и заснуть часов на десять. Да вот получится ли? Снова Сильвия с разговорами или нескромными предложениями приставать начнет...

Она ожидала Новикова, сидя в деревянном кресле у стола в углу, задрапированная в покрывало, узлом стянутое под горлом – в комнате все же гуляли сквозняки, от которых вздрагивал огонек лампы.

– Я думал, ты уже легла. Что-нибудь не так?

– Все не так, – ответила Сильвия, подперев локтем щеку. –

Умыться толком негде, душ принять. Даже где туалет, и то не показал...

– Ах, конечно, миль пардон! Туалет в конце коридора, один на этаж, не отель «Шератон» здесь, однако, а насчет душа – баню топить надо. Ты уж подожди до завтра. Умыться же и зубы почистить – вот дверь. – Он указал в угол комнаты. – Если, конечно, вода в системе осталась. Электричества нет, насос не работает. Завтра займемся...

– Ну хорошо. Допустим, это все мелочи. А вот сомнение ты в меня вселил. Я теперь и сама не знаю, отчего так все получилось, не уверена даже, сама ли я приняла решение – пригласить тебя сюда или мне его подсказали... Теперь вот я как будто вышла из сферы воздействия психополя нашей Базы и начинаю думать самостоятельно. Думаю – и не вижу никакого смысла в происходящем... Ты мне веришь? – с неожиданной тревогой и чуть ли не с дрожью в голосе спросила она.

– Более чем, – ответил Новиков. – И тем паче рекомендую немедленно лечь спать, не забывая голову вопросами, на которые ответов получить заведомо нельзя.

Сильвия встала и вопросительно посмотрела на Андрея, ожидая только намека, чтобы сбросить с себя покрывало. Вместо этого он указал глазами и движением головы на полуоткрытую дверь в соседнюю комнату.

Аггрианка недоуменно-разочарованно пожала плечами.

– Тогда я возьму лампу с собой, можно?

– Возьми. Только потуши перед тем, как заснуть. Техника безопасности...

Сильвия, бесшумно ступая по половицам босыми ногами, вышла. Андрей быстро разделся и нырнул под одеяло. С облегчением закрыл глаза и только сейчас окончательно понял, как он устал. Спать, немедленно спать, ни о чем не думая.

Почти засыпая, Новиков услышал, как скрипнула дверь, и с ярко светящим керосиновым фонарем в руке на пороге возникла женская фигура, по-прежнему обернутая до подбородка в покрывало из плотной шотландки. Подошла к его изголовью так близко, что он ощутил запах цветочных духов и женского тела, поставила «летучую мышь» на прикроватную тумбочку, прикрутила до предела фитиль. В наступившей желтоватой полутьме присела на край постели.

– Ты спишь? – шепнула Сильвия с волнующей истомой в голосе.

Он промычал нечто, изображая глубокую дрему.

– Извини, я не могу там одна, – прошептала Сильвия. Опустила руку, и ее одеяние упало на пол. – Так страшно завывает ветер и холодно. – Она действительно дрожала и даже постукивала зубами.

Андрей не ответил, изо всех сил внушая себе, что ни в коем случае нельзя сейчас поддаться вполне естественному чувству.

– Ты что, действительно уже спишь?

Сильвия прислушалась, наклонившись так низко, что ее

распущенные волосы коснулись его щеки, потом подняла край одеяла и легла рядом.

Он чуть не вздрогнул от прикосновения холодного, но все равно соблазнительного тела.

Сильвия поворочалась, устраиваясь поудобнее, при этом ее грудь прижалась к его спине, вздохнула разочарованно, подоткнула со всех сторон одеяло и постепенно задышала ровно и тихо, засыпая.

Ее кожа, вначале ледяная, словно женщина долго стояла раздетой у открытого окна, постепенно становилась теплее и мягче. Андрей едва-едва совладал с собой, чтобы не обернуться, не сжать ее в объятиях, не сделать то, что ему невыносимо хотелось сделать. Но едва слышный маячок в мозгу настойчиво посылал тревожный сигнал, и Андрей подавил стремление плоти.

«Святой Антоний прямо», – успел он подумать, забывая иронией инстинкты, и неожиданно для себя все же заснул.

Львы ему не снились.

И так же мгновенно, как от внутреннего толчка, он вскоре проснулся. Рядом дрожал крошечный огонек лампы. Сильвия, откинувшись на подушку, тихонько постанывала во сне. Совсем как настоящая, усталая и изнервничавшаяся женщина. Андрей сообразил, что его ладонь лежит у нее на бедре, и осторожно убрал руку.

И вновь начал размышлять о настоящем и будущем. Вздрагивающее, трогательно-беззащитное и доступное тело

леди Спенсер рядом весьма его стимулировало на умственные упражнения. Уже второй день (если можно суммировать время, проведенное с ней на Земле и Валгалле) ему не давал покоя вопрос: «А чем объяснить такую агрессивную сексуальность агтрианки?» В то, что Сильвия после полугода знакомства внезапно вспылала к нему неудержимой страстью, Новиков поверить был не слишком готов. Встречать гиперактивных девушек ему вообще-то приходилось, и на родине, и за ее рубежами. Ради любви к приключениям они готовы были отдаться случайному партнеру (или овладеть им, это как судить) в автомобиле, купе вагона, уединившись, наконец, в ванной комнате чужой квартиры на многолюдной вечеринке. И наутро не вспомнить даже его имени. Тут все было нормально. Гораздо более странно выглядела настойчивость в общем-то холодной на вид, сдержанной, даже надменной аристократки. Хотя Сашка и намекал на ее бешеный темперамент в постели, за несколько месяцев общения сам Новиков такого впечатления о леди Спенсер не составил. Крутые нимфоманки и выглядят, и держатся иначе.

Ее поведение на вилле, а потом и здесь, на Валгалле, позволяет сделать другой вывод. Сильвии позарез потребовалось его соблазнить в чисто служебных целях, без всякой личной заинтересованности, и она испробовала целую серию отработанных способов и приемов, рассчитанных на мужчин разных вкусов и разного темперамента. Вопрос: для чего ей это было нужно? Классические шпионки из романов охму-

ряют советских дипломатов, военных и гражданских специалистов, высокопоставленных туристов прежде всего, чтобы скомпрометировать в глазах пуритански настроенного руководства или шантажировать возможностью компрометации. Он сам, работая за границей, неоднократно слышал о таких случаях. Его компрометировать не перед кем, а главное – незачем. Второй вариант – соблазнение с целью установления длительной связи, в которой клиент настолько теряет голову, что начинает систематически выдавать секретную информацию, соглашается на вербовку или становится невозвращенцем. Тоже не наш случай. Что еще? Если вообразить, что Сильвия окончательно решила натурализоваться на Земле, причем переквалифицироваться из англичанки в русскую, а для этого заставить Новикова сделать ее своей постоянной любовницей (а то и законной женой), чем и обеспечить себе высокое, по ее мнению, положение в новой Югороссийской иерархии? Слишком сложно, да и наивно для столь умной женщины. Должна бы лучше понимать психологию и его самого, и Ирины тоже. Хотя и не такие варианты адюльтеров и любовных треугольников известны. Но все равно, данный случай необходимо рассматривать в контексте прочих обстоятельств, а именно – последовавшего перемещения на Валгаллу. Значит ли это, что если бы он уступил ее притязаниям на Земле, то и переход сюда не потребовался бы? И она заманила его на свою базу, чтобы продолжить странные игры здесь? Возможно, очень возможно...

Новиков прислушался. Женщина рядом с ним наверняка спала по-настоящему. Расслабленная поза, ровное дыхание. Да если и притворяется, какая разница?

Он постарался припомнить, что ему приходилось читать о тантрических учениях. Не слишком много, в основном иностранную научно-популярную литературу, ну еще и у Ефремова в «Лезвии бритвы». Суть, кажется, в том, что там сексуальные упражнения рассматриваются как мистическое действие, способствующее проникновению в сверхчувственные сферы и постижению истины. Так, может, в этом и разгадка? Из общения с Гиперсетью он вынес в числе прочего информацию о том, что древние мудрецы интуитивно и путем медитаций умели вступать в спонтанные контакты с Мировым разумом. О том же говорил и профессор Удолин. Отчего не допустить, что Сильвия тоже использует секс не в виде развлечения, а для достижения определенных мистических целей? В момент оргазма мозг, личность, душа клиента раскрываются, через какие-то чакры он становится доступным для внушения или обмена информацией. Или вообще переходит в иное психическое состояние... Это объясняет многое. Если бы он поддался ее чарам, Сильвия могла бы овладеть его сознанием и заставить исполнить требуемое...

Андрей все-таки, наверное, не совсем бодрствовал. Мысли текли удивительно легко, возникали неожиданные ассоциации, приходящие в голову идеи казались необыкновенно остроумными и ценными. Так, в полусне иногда удается со-

чинять, например, стихи, которые восхищают своим совершенством, а утром (если удастся их запомнить) поражаешься, сколь они же плоски и примитивны.

Но сейчас вроде бы пришедшая на грани сна и яви догадка была логична. Он вспомнил начало своего знакомства с Ириной. Она ведь тоже поразила его не только своей красотой, но и неожиданной у двадцатидвухлетней девственницы чувственностью. Она прямо изнемогала от желания в его объятиях и целовалась со страстью, которая даже слегка пугала. Может быть, его и спасло тогда то, что был он в молодости человеком осторожным и строгих правил. Неуверенный в своих чувствах, сколько мог, воздерживался от близости с Ириной. Кроме того, слишком уж она была «совершенна» эстетически. Ему просто казалось невозможным с ней делать то, что уже приходилось с другими девушками, попроще. С другими все было нормально, но с ней?! Кроме того, начав с ней «жить», пришлось бы и жениться, а такая перспектива внушала некоторые сомнения. Тем более что Андрей прочел в какой-то книге поразивший его афоризм: «Смысл отношений с выбранной вами женщиной состоит в том, чтобы быть с ней только тогда, когда ее хочешь. А в браке ты, увы, должен быть с ней и в те моменты, когда она тебе безразлична, ради того, чтобы она была рядом, когда ты ее захочешь». Слишком ему тогда хотелось сохранить свободу и повидать мир, чтобы надолго или навсегда связать себя с девушкой, которая может оказаться не столь желанной и безупречной

постоянно, как в данный момент, когда за окном июньская ночь, под ладонью мягко круглится едва прикрытая кружевным лифчиком грудь, а она отрывает от твоих свои распухшие губы только для того, чтобы вдохнуть судорожно глоток воздуха и прошептать что-нибудь бессвязно-страстное.

Короче, он не поддавался искушению почти целый год, за который она успела влюбиться в него до потери чувства долга, и когда наконец неизбежное произошло у костра на берегу Плещеева озера, эффект получился обратный. Через ее раскрывшиеся чакры в аггрианскую разведчицу вошла совсем другая сила, окончательно превратившая ее в нормальную земную женщину по духу, забывшую о своей галактической миссии.

Если все это так, то сейчас самое главное – не позволить себя «соблазнить», и тогда в очередной раз посмотрим, кто кого...

Он осторожно сдвинулся к краю постели, встал, не потревожив Сильвию, вышел в коридор, поднялся по узкой лестнице в покои Шульгина. Здесь думать будет удобнее, можно и ходить по комнате для стимуляции воображения, и курить с этой же целью. А кроме того...

Новиков снял с ковра эсэсовский кинжал в коричневых эмалевых ножнах, длинным прямым клинком взломал верхний ящик секретера, где Сашка хранил свою личную аптечку. Не потому, что страдал каким-то хроническим заболеванием вроде диабета и нуждался в постоянном специфиче-

ском лечении. Просто он, в предвидении самых неожиданных жизненных коллизий, принес из своего института богатую коллекцию всевозможных психотропных веществ, транквилизаторов, наркотиков и ядов. Мало ли чью психику потребуется подкорректировать или кардинально изменить в грядущих тайных и явных войнах с людьми и пришельцами? Среди его препаратов были такие, что не имели в мире аналогов по силе и избирательности действия. В том числе и на сексуальную сферу. Еще когда Шульгин учился в аспирантуре, он презентывал друзьям хитрые «приворотные зелья», позволявшие добиться благосклонности самых неприступных девиц. Причем умел рассчитывать дозы таким образом, чтобы не внушать жертвам его экспериментов ни малейших подозрений. Добавленная в вино или лимонад микстура начинала действовать очень плавно и деликатно, в течение нескольких часов повышая соответствующий тонус. Параллельно следовало проводить нормальный процесс ухаживания. При этом весьма по лезны были медленные танцы, поцелуи, ненавязчивые ласки, невзначай подсунутый эротический журнальчик. К концу же вечеринки или свидания возбуждение и страсть «объекта» достигали физиологического максимума и требовалось только обеспечить подходящие условия. Сбоев обычно не случалось, девушка испытывала небывалое наслаждение, в самом худшем случае на другой день недоумевала, что это на нее вдруг нашло. И, как правило, настойчиво жаждала продолжения столь удачного зна-

комства...

Впрочем, они такими вещами не злоупотребляли. Из чисто научного интереса угощали несколько раз подружек, которые и без этого были не прочь, просто чтобы убедиться в эффективности препарата. В двадцать с небольшим лет сам факт обладания таким могуществом сильно прибавлял самоуважения. А вообще-то Сашка утверждал, что средство позволит уговорить и целомудренную невесту (чужую, разумеется) накануне ее свадьбы... Избери он карьеру частнопрактикующего колдуна, в первый же год стал бы миллионером что у нас, что на Западе.

Но сейчас Новикова интересовал препарат совершенно противоположного действия, который тоже имелся в шульгинской коллекции. Этот был хорош для подводников, зимовщиков полярных станций и опять же для неуверенных в своей выдержке разведчиков и дипломатов. Даже цивилизованные шейхи, которые по моральным соображениям не готовы использовать для присмотра за своими гаремами настоящих евнухов, могли бы с помощью Сашкиного препарата доверить жен попечению хоть самого Казановы.

Андрей не знал, какие еще приемы и способы имеются в арсенале Сильвии и ее хозяев, а тратить нравственные силы на борьбу с искушениями святого Антония, в то время как они потребуются для совсем других целей, считал нерациональным.

Внимательно изучил отпечатанные на машинке инструк-

ции, рассчитал дозу, исходя из своего веса и желаемого срока действия (недели на первый случай будет достаточно), запил три пакетика голубоватого пронзительно-горького порошка водой и, считая себя подготовленным ко всяким случайностям, отправился досыпать. На Валгалле в этих широтах рассветало поздно.

ГЛАВА 3

... Два человека оживленно беседовали у открытого венецианского окна. Один в форме югоросского генерала – в зеленовато-песочном мундире с парчовыми погонами, в узких синих бриджах, высоких сапогах со шпорами, второй – в потертой кожаной куртке без знаков различия и тоже в бриджах, но черных с белым кантом и в мягких, собранных в гармошку к щиколоткам сапогах, похожий на инструктора аэроклуба послевоенных лет. Лицо у него было во многих местах намазано йодом и заклеено кусочками пластыря. Лоб перетянут широким розоватым бинтом.

За окном шелестели почти облетевшими кронами тополя и каштаны, по брусчатке Сумской – центральной улицы Харькова – звенели подковы лошадей, влекущих извозчичьи пролетки, и изредка, оглашая окрестности кряканьем медных клаксонов, проносились (со скоростью 20 и даже 30 верст в час) коптящие газолиновым дымом автомобили.

Еще теплый, несмотря на наступивший ноябрь, ветер, задувая в комнату, разгонял клубы сигарного дыма и шевелил листы карт, развернутых на огромном круглом столе.

Комната, даже скорее небольшой зал, судя по роскошной, хотя и сильно поблекшей за годы гражданской войны отделке, была когда-то гостиной в доме здешнего Морозова или Рябушинского. Непременная многопудовая хрустальная

люстра с дюжиной имитирующих свечи эдисоновских лампочек, мебель красного дерева в стиле «модерн», мраморный камин с медными причиндалами, бархатные шторы, мозаичный паркет и напольные часы – модель готического собора в масштабе 1:43.

Из стиля несколько выбивался только двухкассетник «Шарп» на ломберном столике в углу. В данный момент выключенный.

А возле него сидела молодая женщина, сумрачным тонким лицом похожая на Медею из поставленного по мотивам греческого мифа фильма, вся в черной, тоже полувоенной одежде, из-за которой, не будь она столь чиста и элегантна, эту даму можно было принять за предводительницу анархистского отряда.

– Я взял книгу Триандафилова «Характер операций современных армий» издания тридцатого года, пропустил ее через компьютер, дополнил опытом Отечественной войны и подарил нашему приятелю в качестве рукописи моего личного труда... – говорил, посмеиваясь, генерал.

– И как, понравилось?

– Более чем. Он вообще парень способный, талантливый даже, только стратегического мышления бог не дал. Любую задачу, даже фронтового масштаба, рассматривает как серию вытекающих друг из друга тактических проблем. До сих пор это у него получалось. А книжку прочитал, восхитился, сказал, что у него будто пелена с глаз упала... Теперь счита-

ет меня гением.

– Не зря, наверное... – Молодой человек в кожанке, он же Александр Иванович Шульгин, советник Верховного правителя по вопросам разведки и контрразведки, глядя в окно, проводил глазами привлекательную даму в новомодном, длиной по колено, голубом платье и маленькой круглой шляпке, неторопливо шествующую по противоположной стороне улицы. Осень в этом году затянулась. Октябрь заканчивается, а тепло, как в начале сентября. Вот и женщины спешат догулять свое, впервые за много веков получив право и возможность показать «орби эт урби» то, что раньше старательно прятали под юбками и кринолинами. Цивилизация наступает... – А ведь опаздывает его превосходительство, – сказал он, обернувшись. Взгляд у него, несмотря на попорченное лицо, был веселый и даже озорной. – Распустился без присмотра.

– Никуда не денется, в запасе у него еще целые три минуты, – успокоил его генерал, на вид постарше, с бородой а-ля Николай II и куда более серьезным, даже мрачноватым лицом. – Да вот и он...

Действительно, внизу, у парадного подъезда трехэтажного особняка, остановился длинный открытый автомобиль.

Через минуту высокая резная дверь гостиной распахнулась, быстрым шагом вошел еще один генерал, но в помятом и выгоревшем кителе и пыльных сапогах.

Он поприветствовал присутствующих небрежно подбро-

шенной к козырьку фуражки рукой. Те, за неимением головных уборов, ответили полупоклонами.

Следом за генерал-лейтенантом появился рослый артиллерийский полковник с подчеркнутой выправкой довоенного гвардейца, притворил за собой дверь и, ни у кого не спрашивая разрешения, закурил, отойдя, впрочем, к боковому окну и почти скрывшись за портьерой.

– Рад, искренне рад вас видеть, господа, – улыбаясь, впрочем, несколько натянуто, провозгласил гость, с шумом развернул стул с гнутыми ножками (типа тех, за которыми охотились Остап с Ипполитом Матвеевичем), сел на него верхом, опершись локтями на спинку.

– Что нового в ставке? Здоров ли Петр Николаевич? Какие вести из Первопрестольной? – выпалив без пауз свои вопросы, командующий Северным фронтом генерал-лейтенант Слащев-Крымский не слишком мотивированно рассмеялся сухим дробным смехом, тут же извлек из кармана ветхий кожаный портсигар, прикурил от любезно протянутой Шульгиным зажигалки и лишь после этого как-то обмяк. Словно разжались внутри него многочисленные пружины. Такие внезапные смены стиля поведения и физического тона были для Слащева обычны, свидетельствуя о холерическом темпераменте и даже некоторой неврастении. Что, впрочем, не мешало (а возможно, и способствовало) выдающимся организационным и военным талантам генерала. Вообще, наверное, генерал Слащев был последним гениальным

полководцем Российской империи. По крайней мере больше никто, включая и прославленного Брусилова, не умел выигрывать сражений при двадцатикратном перевесе сил противника. Жукову бы такие способности...

– Новостей много, Яков Александрович, и в большинстве хорошие, – ответил, пряча в карман массивную золотую зажигалку, Шульгин. – Не желаете чарочку принять по случаю приятности нашей встречи?

– Душевно благодарю, Александр Иванович. Почти не употребляю с некоторых пор. И без того жизнь веселая.

– Однако боюсь, что сегодня придется, ваше превосходительство, – едва заметно улыбнулся сквозь бороду второй генерал, по должности – особоуполномоченный Верховного правителя по военным делам Алексей Петрович Берестин. – И вы подойдите поближе, Михаил Федорович, – обратился он к стоящему у окна полковнику, – вас это тоже касается.

– Заинтригован, – ответил, не меняя позы и продолжая часто и глубоко затягиваться толстой папиросой, Слащев.

– Тогда не станем вас интриговать дальше. Приказом Верховного правителя барона Врангеля с сего октября месяца двадцать восьмого дня вы назначены главнокомандующим русской армией! С чем вас от имени Петра Николаевича, а также и от нас с Александром Ивановичем и поздравляю.

Слащев на короткий миг словно бы окаменел. Рука с папиросой замерла, из полуоткрытого рта медленно вытягивалась струйка дыма. Совершенно неожиданно исполнилась

его главная мечта, на осуществление которой он не имел оснований надеяться. Слишком сильны были в окружении Врангеля неприязнь к агрессивному, непредсказуемому, не имеющему привычки скрывать свое пренебрежительное отношение к тем, кого он считал бездарностями, генералу. Любой его успех воспринимался в штабе Верховного правителя как личное оскорбление. Многие предпочли бы проиграть войну (что в предыдущей реальности и случилось), нежели верить судьбы армии и России бывшему капитану лейб-гвардии Финляндского полка. Прошлый раз Врангель уволил его в отставку в разгар сражений за Крым, столь непереносимо ему было сознавать, что возможная (да, тогда еще возможная) победа будет в истории навсегда связана с именем Слащева.

И вот вдруг он удостоен практически высшего в армии поста... Удивительно, непонятно, но и все равно крайне лестно...

Слащеву потребовалось лишь несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Он резко встал, щелкнул каблуками.

– Благодарю за известие. Постараюсь оправдать оказанную мне честь. За это назначение я должен благодарить вас, Алексей Петрович?

– Ну, я высказал Верховному свою точку зрения. Он к ней прислушался. Так что принимайте командование, Яков Александрович, готовьте приказ номер один за своей подписью.

Слащев пожал протянутые руки Берестина, Шульгина и Басманова.

– Однако я бы хотел видеть приказ о моем назначении в подлиннике. Даже ваших слов, господин генерал, мне недостаточно, чтобы принять всю полноту власти.

– Естественно. В ближайшие часы вы его получите.

Адъютант Берестина внес ведро со льдом, из которого торчали серебряные горлышки бутылок коллекционного крымского шампанского, и пять бокалов. Женщина в кресле каким-то кошачьим движением взяла из рук полковника пенящийся бокал, не вставая, кивнула Слащеву, смутно улыбнувшись. Выпили, не торопясь. Слащев при этом выглядел все равно несколько растерянным. Внезапное исполнение заветных желаний редко приносит одно лишь удовлетворение.

– Только вот в чем тайный смысл моего возвышения? – спросил он, отставляя бокал. – Война практически закончена. А для реорганизации армии скорее пригодятся ваши способности, нежели мои...

В старой русской армии главнокомандующий занимался лишь непосредственным руководством боевыми действиями, а вопросы определения военной политики, экономики, организации, планирования, вооружения и комплектования войск находились в ведении военного министра и Генерального штаба.

– Я бы на вашем месте не спешил с выводами. Подписан протокол о прекращении боевых действий между Юго-

россией и РСФСР и не более. Но этот протокол отнюдь не разрешил многочисленных проблем. Неясна судьба Северного Кавказа, полностью отрезанного теперь от совдепии и завязшей в Закавказье одиннадцатой армии красных, крайне неопределенна ситуация в Забайкалье и на Дальнем Востоке, не говоря уже о Туркестане. Непонятно, как дальше быть с Махно и Антоновым...

– Вы считаете, Алексей Петрович, что нам сейчас следует думать еще и об этих территориях? Не правильнее ли сосредоточиться прежде всего на укреплении достигнутых границ и устройстве нормальной жизни именно здесь, а не на другом конце России?

– Вы совершенно правы в обоих своих утверждениях. Однако мыслить нужно не только в чисто военных категориях, но и в политических. А геополитика требует не только укреплять военную и экономическую мощь Югославии, но и одновременно думать о пока еще находящихся вне нашего влияния территориях. Мы же сейчас далеко не полноценное государство, а так, великое герцогство какое-то. Я предпочел бы видеть нашу границу как минимум по линии Архангельск – Астрахань, а еще лучше – по гребням Кавказского и Уральского хребтов, от Черного моря до Ледовитого океана. Слащев покрутил головой.

– А я думал, вы были искренни, настаивая на заключении мира в нынешних границах. На самом деле...

– На самом деле мы исходим из того, что большевики при

первом удобном случае нарушат протокол, и не хотим быть застигнутыми врасплох, – вместо Берестина ответил Шульгин. Несмотря на свой простоватый вид и весьма скромную полуофициальную должность, он сосредоточил в своих руках практическое руководство пропагандой, контрпропагандой и информационной войной, внутреннюю и внешнюю разведку, контрразведку, контроль за дипломатической деятельностью красного и белого правительств и еще множество не менее интересных вопросов.

– Поэтому, Яков Александрович, воевать нам придется гораздо больше, чем хотелось бы. В этом истинный смысл вашего назначения. Для того и Михаила Федоровича мы пригласили. – Он сделал жест в сторону полковника Басманова. – Вы знаете, сколь блестяще проявил себя в боях руководимый им добровольческий ударно-диверсионный батальон. В предвидении грядущего мы и приняли следующее решение... – Он сделал вид, что оговорился, невольно сказал больше, чем нужно, и тут же поправился: – То есть Верховный правитель, конечно, по нашему совету, подписал приказ о создании отдельного корпуса специальных операций. Его командиром назначен полковник Басманов. Все практическое руководство комплектованием корпуса и определение его непосредственных задач пока возложено на генерала Берестина. Разумеется, вы, как главковерх, будете принимать в этом самое непосредственное участие...

– То есть следует понимать, что мне полковник Басманов

и его корпус, когда он будет сформирован, более не подчинены? – спросил Слащев, поморщившись.

– Да он ведь вам и никогда не был подчинен. Это было наше, так сказать, частное подразделение. На наши собственные средства сформированная феодальная дружина. Сейчас мы придаем ей государственный статус, но это не значит, что она войдет в состав армии. Более того, мы считаем нужным после уточнения оргштатной структуры нового корпуса передать туда из войск две-три тысячи наиболее подготовленных и имеющих склонность к такого рода деятельности бойцов.

Шульгину показалось, что Слащев с трудом сдержался. Еще не успев официально вступить в должность, он уже ощутил себя ущемленным и уязвленным.

– Не стоит расстраиваться, Яков Александрович, – поспешил утешить его Берестин. – Мы отнюдь не намерены вторгаться в область ваших прерогатив. И ведь никто не мешает вам немедленно начать формирование в каждой дивизии – роты, а в корпусе – батальона аналогичного типа. Всю необходимую помощь оружием, техникой и инструкторами мы вам окажем... А уж Михаила Федоровича вы у нас не отнимайте, мы с ним давно сдружились... И он у нас словно бы как граф Бенкендорф будет.

На протяжении всего разговора Басманов держался так, будто его происходящее вообще не касалось. Он понимал, что представление устроено не для него, а исключительно

для нового главнокомандующего. Дать понять, кому именно он обязан своим невероятным карьерным взлетом, и одновременно намекнуть, чтобы не слишком обольщался: все силовые и политические рычаги реальной власти остаются в руках Берестина с Шульгиным. Басманова такой вариант вполне устраивал. Подчиняться им куда предпочтительнее, чем оказаться под командой взбалмошного и малопредсказуемого главкома. Хотя сравнение с шефом жандармов при Николае I его слегка покорило. По довоенной еще привычке гвардейцы относились к носящим голубые мундиры с плохо скрываемым пренебрежением. Впрочем, за последнее время полковник почти избавился от бывшего снобизма.

Слащев тоже понял все правильно.

– Хорошо, господа. Позвольте откланяться. Буду ждать получения приказа Верховного. А в семь часов вечера прошу пожаловать ко мне на ужин. Разумеется, с дамами... – Он поклонился в сторону по-прежнему так молча и просидевшей в углу все это время женщины.

За ним вышел и Басманов.

Оставшись втроем, друзья позволили себе наконец расслабиться. Берестин расстегнул пуговицы кителя, Шульгин вообще скинул на спинку стула свою кожанку, и Лариса встала с кресла, потянулась, сбросила с лица маску отрешенного безразличия.

– Ладно, ребята, и мне закурить дайте. Кофейку бы тоже

неплохо...

Шульгин с Ларисой всего три часа назад прибыли из Севастополя, где по-прежнему, несмотря на перенос столицы в Харьков, оставалась главная ставка.

– Так что же ты мне скажешь утешительного? – спросил Берестин, обращаясь к Сашке.

– Думаю, утешительного все же больше, чем наоборот. Однако события начинают развиваться многозначительно.

...Ему самому в это трудно было поверить, но всего лишь позавчера Шульгин вел «Додж» с опущенным тентом по узкой грунтовой дороге, где обычно ездили только местные татары на своих арбах. Совершенно великолепная погода стояла в Крыму. Тихо, тепло. Над пологими, заросшими жесткой серебристой полынью холмами вставало блеклое нежаркое солнце. Ровно рокотал хорошо отлаженный мотор, наматывались на колеса утрамбованные до черного блеска колеи. Из закрепленного на самодельном алюминиевом кронштейне магнитофона негромко, только чтобы создать приятный звуковой фон, пел Джо Дассен.

Что может быть приятнее – никуда особенно не торопясь, ехать в открытой машине по пустой до горизонта степи совершенно дикого, доисторического или по крайней мере скифского облика. Ощущение это подтверждали и попадающиеся время от времени по сторонам торчащие из земли обглоданные ветром, кое-где покрытые пятнами лишайника

камни, издали похожие на грубо обтесанные древние памятники. Для того и поехал Сашка машиной, а не катером, чтобы насладиться покоем тихого ясного утра и кое-что обдумать, вынырнув из повседневной суеты.

Подумать же было о чем. Прежде всего Шульгина беспокоило затянувшееся отсутствие Новикова. Пошла уже вторая неделя, как Андрей со специальной миссией отправился в Лондон. Он намеревался изучить возможность с помощью приобретенного Сильвией третьеразрядного, никому не известного банка включиться в игру могущественных финансовых империй. И еще он хотел, если удастся, выйти на контакт с лидерами правящей партии и оппозиции. На предмет некоторой корректировки внешней политики туманного Альбиона.

Правда, Андрей сообщил, что успешно добрался до цели, а потом еще пришла телеграмма, что по некоторым обстоятельствам не сможет поддерживать регулярную радиосвязь, но что-то мешало Шульгину сохранять полное спокойствие. Наверное, пресловутая интуиция. Он вдобавок помнил, чем для него самого закончился предыдущий визит в лондонский особняк аггрианки.

В то же время Шульгин испытывал чувство некоей странной свободы. Зачем скрывать от самого себя – его тяготило ощущение «вечно второго». Так уж все время складывалось, что Андрей лидировал в их более чем двадцатилетней дружбе, иногда заслуженно, а подчас и в силу обстоятельств. Как

во всей этой истории с форзейлями и аграми. Только потому, что в свое время познакомился с Ириной, она открыла ему тайну своего происхождения и миссии на Земле, а потом и прибежала к нему за помощью... Ну да, прибежала к Андрею, но потом-то они все делали вместе, и неизвестно, чья роль в галактической войне была значительнее...

Сашка понимал, что он сейчас не совсем справедлив и не по одной только случайности Новикову пришлось взять на себя роль координатора и «первого среди равных», но ему просто нравилось сейчас так думать, а кроме того, он получил возможность хоть на время ощутить себя лидером.

В самом деле, Берестин полностью погружен в военные, а Воронцов в морские проблемы, Левашов сидит в Москве и изучает возможности построения на базе РСФСР «социализма с человеческим лицом». («Только это будет человеческое лицо Льва Давыдовича», – сострил при последней встрече с Олегом Новиков.) Никто из друзей не претендует на общее руководство, да и нет у них для того соответствующей подготовки, не то что у Шульгина, полжизни посвятившего изучению способов воздействия на человеческую психику, да и по складу личности склонного к придумыванию и разрешению всевозможных антиномий и парадоксов.

За очередным пологим холмом вдруг открылась глубокая балка, заросшая неожиданно густым для этих мест лесом. А в просвете между склонами серебристо блеснул краешек моря.

Повернув руль, Шульгин съехал на узкую просеку, уходящую с крутым уклоном вниз между толстыми, перекрученными какими-то древними катаклизмами стволами реликтовых гонуэзских сосен. Уже поднявшееся довольно высоко над гребнем гор солнце бросало дымные световые столбы сквозь разлапистые кроны, и окружающая картина выглядела сказочно нереальной, будто в мультфильмах Диснея.

Сашка остановил машину возле родника, кипящего у подножия двухсотлетнего, наверное, дерева, заглушил мотор. Словно раздумывая, посидел немного, не снимая рук с руля, потом спрыгнул на землю через овальный вырез в борту, бросил на сиденье лихо замятую по-корниловски фуражку, провел ладонью по потным волосам. Всю жизнь ходил с непокрытой головой, а здесь незаметно привык, местные обитатели считают, что без головного убора как без штанов. Потом снял потертую коричневую кожанку, свитер и рубашку, обмылся до пояса ледяной газированной водой. Ухватился за растущий горизонтально гладкий сук, сделал в быстром темпе несколько подъемов с переворотом. Вытерся полкой рубашки, сел на узловатый корень, закурил первую сегодня сигарету. Наслаждение тихим утром и игрой света в темной зелени хвои и багровой листве кустов боярышника вдоль дороги было настолько полным, что у него легонько заныло сердце.

Хорошо все-таки пожить здесь во времени, когда природа еще не испоганена «достижениями цивилизации».

Это стало у него последнее время почти ритуалом – остановиться у родника, покурить, просто послушать журчание переливающейся через край каменной чаши воды, шелест утреннего бриза в сосновой кроне, тихое потрескивание остывающего мотора, вспомнить что-нибудь приятное, не имеющее отношения к нынешним проблемам. Умные ребята самураи – когда еще постигли прелесть такого времяпрепровождения. В паузах между цунами, гейшами, сакэ и хакакири.

А вот вчера он общался с бароном Врангелем, решал вопросы большой политики. От имени занятого неотложными делами сэра Эндрю Ньюмена (Андрей Новиков тож). Внушение Сильвии оказалось по-настоящему эффективным, и генерал даже после блистательной победы в гражданской войне нисколько не усомнился в выдающейся роли «американского миллиардера» и его друзей в этом историческом событии, а главное – в том, что прислушиваться к их советам по-прежнему жизненно необходимо. А то ведь очень многие правители, укрепившись, имеют дурное обыкновение избавляться от тех, кто привел их к власти. Как тот же Хрущев поступил с Жуковым, и уж тем более Сталин со своей «старой гвардией».

Петр Николаевич посетовал на невозможность переговорить с Андреем Дмитриевичем, после чего предложил всем троим – Новикову, Берестину и самому Александру Ивановичу – войти в правительство Югороссии – так он решил на-

зывать свое государство до тех пор, пока оно не обретет вместе с остающейся пока под властью большевиков территорией подобающее имя. И предложил весьма весомые портфели.

С изъявлениями самой искренней благодарности Сашка предложение отклонил.

– Думаю, ваше высокопревосходительство, это будет не совсем удобно политически в данный момент. Мы недостаточно известны в обществе, такое назначение вызовет ненужные вопросы и даже определенное недовольство. Вам же сейчас важнее всего монолитное единство всех прогрессивных сил общества. Есть куда более достойные кандидатуры. – Шульгин навскидку назвал несколько имен. Не зря изучал загруженные Новиковым в память компьютера из собраний крупнейших центров западной советологии архивы белого движения и неопубликованные мемуары его видных деятелей.

– Кроме того, у нас есть и свои собственные дела, которые не позволяют полностью отдаться государственным заботам. Поэтому наилучшим решением будет сохранение статус-кво. Чтобы подтвердить неизменность и прочность наших отношений, я уполномочен передать вам очередной взнос – сто миллионов рублей...

Эта сумма давала Врангелю и его министру финансов профессору Трахтенбергу возможность довести до конца денежную реформу и уравнивать курс «колокольчика» (крым-

ская банкнота с изображением царь-колокола) с довоенным николаевским рублем, обеспечив его полную конвертируемость.

Поэтому отказ Шульгина он принял с пониманием и, как показалось Сашке, даже с некоторым облегчением.

«Нашел дураков, – в свою очередь, подумал Шульгин. – На кой нам твои чины? Чтобы с десяти до четырех торчать в канцелярии и хотя бы из вежливости выслушивать указания и распоряжения очередного предсовмина? Увольте. В „серых кардиналах“ как-то сподручнее...»

Он докурил, напился слегка напоминающей боржомом, ломающей зубы родниковой воды и начал одеваться. Как раз к подъему флага успеет на «Валгаллу».

...Для своей базы Воронцов выбрал узкую, похожую на норвежский фьорд бухту, в которой едва хватило места для двухсотметровой длины океанского парохода, напоминавшего своим видом знаменитый в начале века трансатлантик «Мавритания».

Пароход был пришвартован к высокому – чуть ли не вровень с фальшбортом – бетонному пирсу. Массивные, сейчас неподвижные грузовые стрелы нависали над замершим рядом с пароходом коротким поездом из трех платформ и дизельного мотовоза. Узкоколейная ветка тянулась к врезанному в обрывистый берег длинному двухэтажному зданию казенного облика. Не то гарнизонная гауптвахта, не то паро-

возное депо.

На самом деле здесь еще до турецкой войны 77 – 78 годов размещались артиллерийские пиротехнические мастерские, где снаряжались конические бомбы для первых нарезных пушек, а в глубоких сводчатых штольнях, пробитых в скале, – склад готовой продукции. С развитием артиллерийского дела нужда в многопудовых чугунных снарядах, начиненных дымным порохом, исчезла, но уничтожить их поначалу сочли расточительством, а потом по обычной русской рассеянности просто забыли. Один за другим сменялись бородатые вальжные начальники порта, уже и понятия не имевшие, что в прохладных темных подземельях медленно ржавеют некогда могучие средства массового уничтожения. Точно в соответствии с давно забытой поговоркой: «Да и что за беда, коли в огороде поросла лебеда? Вон церква горят, и то ничего не говорят». Наконец перед самым началом мировой войны кому-то пришло в голову использовать удобную бухту и подходящие помещения теперь уже для хранения мин заграждения образца 1908 года. Остро встала задача минной блокады Босфора, и круглых рогатых шаров требовалось много. Здание отремонтировали, проложили рельсовый путь к берегу, подвели электричество подводным кабелем. Но вскоре грянул семнадцатый год...

Одним словом, когда после торпедной атаки «Валгаллы» французским миноносцем Воронцов стал искать удобную и хорошо защищенную стоянку для парохода, ничего лучшего

нельзя было и придумать.

С моря вход в бухту прикрывал специально сюда прибуксированный и посаженный на отмель старый броненосец «Три святителя». Машины ветерана были взорваны еще в девятнадцатом году, однако четыре двенадцатидюймовые и четырнадцать шестидюймовых пушек оставались грозной силой, способной отразить любое нападение и с суши, и с моря. Осторожный капитан «Валгаллы» такого не исключал, несмотря на то, что фронт ушел на тысячу километров.

– Это на север он ушел, – говорил Воронцов, – а как насчет юга?

И друзья ничего не могли ему возразить, агрессия со стороны раздраженной вызывающим поведением Врангеля и его незваных покровителей Антанты отнюдь не исключалась. Оккупированная англичанами, итальянцами и греками Турция – наглядный пример.

Воронцов вообще, как бы отстранившись от большой политики, которую с увлечением вершили его друзья, нашел для себя удобную и приятную экологическую нишу.

Если Берестин, мечтая окончательно самореализоваться, возглавил негласно всю белую армию, то Дмитрий не стал претендовать на должность командующего белым флотом. Да и что это был за флот! После того как большевики утопили неизвестно зачем в Новороссийске «Екатерину Великую» (она же – «Свободная Россия») и восемь лучших эсминцев, а англичане взорвали в девятнадцатом году машины

всех броненосцев, в распоряжении врангелевцев оставался только линкор «Генерал Алексеев» (он же «Александр III», потом – «Воля»), крейсер «Кагул» («Генерал Корнилов») и несколько миноносцев.

Всю гражданскую войну «действующим отрядом» командовал адмирал Саблин, способный, но очень пожилой и тяжело больной человек. Сменил его энергичный контр-адмирал Бубнов, а Воронцов, не желая сеять раздоры в среде давно друг друга знающих и спаянных кланово-кастовыми принципами моряков, придумал нечто оригинальное. Он как бы взял на откуп никому не нужный и обреченный на слом отряд старых броненосцев: «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Ростислав» и «Три святителя».

Молодой и англизированный адмирал Бубнов счел это странной причудой богатого иностранца, но возражать не стал, поскольку Воронцов брал на себя все возможные расходы и в том числе комплектование экипажей вольнонаемными офицерами и матросами.

Перед выездом из леса Шульгину пришлось вновь остановиться – дорогу преграждали решетчатые стальные ворота, вправо и влево уходила ограда из колючей проволоки на высоких бетонных столбах. Снаружи вдобавок подходы к забору были завалены перепутанными клубками спиралей Бруно. Из приземистого каменного домика, похожего на сторожку лесника, появился часовой – плечистый малый в черной

флотской форменке с погончиками строевого унтер-офицера. Скользнул по машине глубоко посаженными недобрыми глазами, узнал пассажира и, не сказав ни слова, потянул управляющий створками ворот рычаг.

На куртке Шульгина не было погон, и формально честь ему отдавать караульный был не обязан. Устав подчиненные Воронцова знали хорошо, а естественные человеческие чувства, которые заставили бы обычного моряка поприветствовать знакомого офицера, а то и перекинуться с ним парой слов, Дмитрий вкладывать в них посчитал излишним. В данной роли. Потому что охранял базу не человек, а один из составляющих экипаж «Валгаллы» биороботов, изготовленных по заказу Воронцова форзейлем Антоном.

Сорок пять роботов, зрительно не отличимых от людей, исполняли функции матросов, штурманов, механиков и лакеев, причем, подключенные к главному бортовому компьютеру, они способны были программироваться на любую судовую роль, а также, согласно заданию, принимать какой угодно внешний облик, вплоть до стопроцентного портретного сходства с реально существующим субъектом. Набор программ у них был практически беспределен, и робот, только что таскавший мешки с углем, мог, переодевшись и помывшись, становиться к операционному столу в качестве нейрохирурга или исполнять обязанности дамского парикмахера.

Шульгин удивлялся только одному ограничению, неизвестно зачем введенному Антоном, – роботы не могли уда-

латься от парохода дальше чем на километр.

Очевидно, таковы были форзейлианские этические нормы, аналогичные азимовским законам робототехники. Убивать же, в случае необходимости, врагов программа роботам не запрещала.

Однако Левашов, демонстрируя превосходство человеческого гения над инопланетным, довольно легко нашел способ преодолеть запрет, и заведомо якобы привязанные к кораблю андройды обрели свободу. Но опять же в пределах, предусмотренных приказом и программой.

У верхней площадки трапа «Валгаллы» Шульгина встретил еще один робот, исполняющий обязанности вахтенного офицера. Шестифутовый красавец, светловолосый и сероглазый, с массивным подбородком, одетый в синий китель с лейтенантскими нашивками и говорящий по-русски с отчетливым американским акцентом. По легенде, пароход был приписан к порту Сан-Франциско.

– Капитан у себя? – спросил его Сашка.

– Так точно. В командирском салоне. Прикажете проводить?

– Сам дорогу найду.

Апартаменты Воронцова примыкали к штурманской рубке, а дверь из его салона выходила на капитанский мостик.

Шульгин не захотел воспользоваться лифтом и на высоту восьмизэтажного дома взбежал по узким почти отвесным тра-

пам надстройке. Дмитрий, без кителя, в белоснежной форменной рубашке с галстуком, уже ждал его на крыле мостика.

– С прибытием, господин начальник. – Широко улыбаясь, Воронцов протянул Сашке руку. – Давненько не виделись. Случилось что или так, на женское общество потянуло?

Пока Новиков, Шульгин и Берестин командовали фронтами, плели свои интриги в Москве и участвовали в конференции по заключению мира между двумя Россиями, Ирина, Наташа и Лариса большую часть времени проводили на пароходе. А когда Сашка познакомился в Москве с кузиной поручика Ястребова, он и ее переправил сюда же. Слишком много опасностей для слабых женщин предполагала жизнь в охваченной гражданской войной стране.

Особенно же опасно стало после того, как оставшиеся пока неизвестными злоумышленники напали на предоставленный им Врангелем в Севастополе особняк. Левашова едва удалось спасти, да и Ирина с Натальей получили легкие ранения. А на пароходе под присмотром Воронцова и защитой брони и тяжелых орудий за них можно было не беспокоиться. Тем более уровень жизни здесь, на трансатлантическом лайнере, оснащенном всеми техническими достижениями XX века, бесконечно превосходил тот, что мог предоставить берег. Это ведь только на первый взгляд, да и то лишь в Севастополе, Харькове, Одессе образ повседневной жизни напоминал нормальный, приемлемый для цивилизован-

ных людей. А если приглядеться внимательней, так условия существования в России были ужасны... Да еще следовало принять во внимание случившуюся за последние три года деградацию нравов. По всем указанным причинам первоначальная увлеченность, с которой женщины восприняли экзотику прошлого, быстро сменилась разочарованием.

– Да и потянуло, – не стал скромничать Шульгин. – Это ты здесь отсиживаешься в тепле и уюте, а загнать тебя в грязные окопы или в тифозную Москву, где и собачья колбаса за деликатес идет, а уж женский элемент... Совершенно поразительное дело – там, где возникла советская власть, мгновенно менялся облик населения. Мы с Андреем это сами заметили, а потом и у Бунина в «Окаянных днях» я то же прочитал: «Словно бы наиболее отталкивающие хитровские типы, стократно умножившись, выползали из неведомо каких щелей и господствующим выражением окружающих лиц становилась злобная тупость, угрюмо-холуйский вызов всему и всем». И так же быстро эта «массовка» исчезала при возвращении нормальной жизни. Парадокс, заслуживающий изучения...

– Это, братец, дело хозяйское, – усмехнулся Ворон цов. – В своих предыдущих жизнях я и не такое видел. Почему и не рвусь пока ни в Москву, ни в Питер. Каждый выбирает по настроению. На сегодняшний момент мне мое положение нравится. Я изображаю из себя янки при дворе известного короля. Получается неплохо. Но это разговор отдельный. А

сейчас как – в одиночку перекусишь или подождешь, пока народ пробудится?

– Вот именно. Я к тому времени тоже себя в должный порядок приведу. А сейчас достаточно крепкого чая без закуски.

Воронцов провел Шульгина в свою каюту, включил электросамовар, и, пока он закипал, Сашка рассказал Дмитрию почти все случившееся за последние дни в Москве и Харькове.

– А как у тебя?

– Работаем... Давай, если хочешь, сходим, сам посмотришь.

Воронцов чувствовал себя не зависимым ни от кого хозяином жизни потому, что его «Валгалла» всегда готова была предоставить в своих комфортабельных каютах надежное убежище более чем двум тысячам человек, обеспечить их всем необходимым на несколько месяцев совершенно автономной жизни, доставить с тридцатиузловой скоростью в любую точку на берегах пяти континентов. Самое же главное, что под защитой титановой, кевларовой и карбоновой брони в трюмах парохода размещалась установка пространственно-временного совмещения и репликатор – устройство, позволяющее извлекать из окружающей реальности молекулярную копию любого существующего в ней предмета.

За исключением живых существ. Антон специально

предостерег от таких попыток. Отчего так – непонятно. Но должны же оставаться у природы хоть какие-то тайны?

Количество и размеры дублируемых предметов ограничивались только размерами выходного контура репликатора. Поэтому его создатель Олег Левашов, оставив основные блоки аппарата на корабле, репликационные камеры, формой и размерами напоминающие каркасы железнодорожных вагонов, смонтировал на берегу, в подземных галереях минных складов. Теперь в них можно было воспроизводить даже тяжелые танки.

Потому, собственно, и удалось сравнительно легко разгромить красные дивизии, десятикратно превосходящие численностью вооруженные силы Юга России.

Высокая боевая подготовка и яростная отвага прижатых к морю белых полков, внезапно получивших автоматическое оружие с неограниченным количеством боеприпасов да еще возглавленных людьми, имеющими военно-исторический опыт всего XX века, позволили за два месяца отбросить советские армии от крымских перешейков до Смоленска, Тамбова и Самары.

– Мне действительно вся эта жизнь нравится, – говорил Воронцов, окутываясь дымом из своей коллекционной трубки. – Я все время чего-нибудь новенькое придумываю. И внедряю в нынешнюю жизнь. Это весьма забавно. Здесь сейчас вообще благоприятное время – темпы прогресса так высоки, что обыкновенный средний человек уже не сообра-

жает, что возможно, а что нет, и совершенно не удивляется очередным новинкам. Желательно только сохранять привычный людям дизайн...

Шульгин и сам успел в этом убедиться. По улицам южнорусских городов бегали уже сотни две джипов «Виллис» и «Додж 3/4», армейские грузовики вплоть до трехосных «Уралов», две дивизии 1-го (слащевского) корпуса перевооружились автоматическими винтовками «СВТ-40» и калашниковскими пулеметами, не говоря о гораздо менее заметных нововведениях. Даже дамы из наиболее свободомыслящих стали носить новомодные туалеты – юбки до колен, подчеркивающие формы узкие жакетики, открытые платья из легких тканей, остроносые туфли на высоких каблуках, элегантные плащи и сапожки.

Одним словом – «процесс пошел». За два-три года вполне можно было рассчитывать довести югороссийский уровень жизни хотя бы до того, что существовал в США и Европе перед второй мировой войной.

– Все это, безусловно, здорово, – говорил Шульгин, прихлебывая темно-вишневый чай без сахара, но с лимоном. – Однако что-то меня тревожит, без достаточных оснований, может быть, но тем не менее...

Воронцов, опустив глаза на дымящуюся в хрустальной пепельнице трубку, молча ждал продолжения.

Он всегда был симпатичен Шульгину именно своей постоянной невозмутимостью в любых ситуациях и умением ба-

лансировать на грани серьезности и едва заметной иронии. За год, прошедший с того дня, как Левашов познакомил их с Дмитрием, тот ухитрился даже ни разу не повысить голоса, в каких бы острых ситуациях им ни случилось оказываться, обходился игрой интонаций. А уж случилось за это время всякое. И еще что ценил разбирающийся в людях Сашка – Воронцов был очень умен, хотя постоянно носил маску бывалого, но не слишком далекого «морского волка». Он и был в прошлой жизни штурманом торгового флота, вечным старшим помощником, не имеющим шансов стать когда-нибудь капитаном.

Для серьезного разговора с Воронцовым Шульгин и приехал сегодня. Больше посоветоваться было не с кем. Берестин играл в войну, да ничем другим он в жизни (кроме живописи) и не интересовался. Дипломатия и психология были ему чужды изначально. Левашов – чистый технарь. Надежный, еще с третьего класса школы друг, изобретатель, можно сказать, практической хронофизики, но не более. Вдобавок не так давно между ними пробежало нечто вроде «тени черной кошки». Не без помощи Ларисы, которая взяла его в руки деликатно, но твердо.

– Получается у нас все хорошо, лучше даже, чем мы планировали. И в Москве удачно сложилось с Лениным и Троцким, а думали, что до зимы война затянется, если не на следующий год. Большевички словно специально нам подыграли...

– Интересная мысль, – кивнул Воронцов. – Как Антон с Сильвией прошлым августом...

– Вот-вот! Такое впечатление, будто и Агранов с чекистами, и товарищ Троцкий только нас и ждали, чтобы с военным коммунизмом разделаться...

– А почему бы и нет, кстати? В своей первой истории не так разве? Запутались в проблемах военного коммунизма настолько, что только Кронштадтский мятеж и позволил отряхнуться от высоких идеалов и нэп устроить. В тех же целях Сталин смерть Ленина использовал. Наплевал на мировую революцию и начал возрождать империю, а сомневающихся устранил...

– Выходит, ты тоже на эти темы размышлял? – удивился Сашка. – А молчал почему?

Воронцов пожал плечами.

– Идея должна созреть. Вот сейчас мы с тобой уже можем на равных разговаривать, а то я бы начал, а вы все еще во власти победной эйфории. И не готовы воспринять мои сухие, трезвые идеи. Зачем тогда и затрудняться?

– Хитер ты, капитан. А знаешь, как апостол Павел говорил?

– Ну?

– «Не будьте слишком мудрыми...»

– «Но будьте мудрыми в меру», – закончил цитату Дмитрий.

– Значит, по первому вопросу согласие достигнуто. Мож-

но принять за гипотезу, что исторический процесс по-прежнему течет не туда, куда мы его толкаем, а по каким-то другим законам...

– Не по собственным единственно возможным, а просто по другим? Тоже кем-то predeterminedным?

– Так точно. Проще выражаясь, имеет место наводка в козыри...

– И наши действия при таком раскладе?

– Смотреть и думать. Я, исходя из длительного опыта, попав в густой туман и не зная своего точного места, предпочитаю лечь в дрейф до прояснения обстановки.

– Принимается. Теперь второе...

– Новиков? – Задав вопрос, Воронцов впервые позволил себе широко улыбнуться. Мол, и мы тут не лыком шиты.

Шульгин только развел руками.

– Он самый. И еще мадам...

– Она же леди. Хитрая штучка. Я предупреждал.

– А кто спорил? Я так понимаю, что раз ты мне сразу ничего не сказал, то Андрей на связь до сих пор не выходил?

– И это начинает нас беспокоить. В каком случае такое возможно?

– Считаю, только в одном. Если означенная леди настолько его охмурила, что он решил устроить себе небольшой отпуск. – Шульгин сказал это без улыбки. Он по собственному опыту знал, сколь искусна и сильна аггрианка во всякого рода интригах. Чисто внешняя привлекательность, сама по

себе почти непреодолимая, если ей это требовалось, дополнялась колдовской силой внушения. Он испытал это на себе и видел, что она сумела сделать с Врангелем.

– Андрей на это способен? – с сомнением спросил Воронцов.

– Раньше бы я сказал: нет. На моих глазах он целый год сопротивлялся Иркиным чарам, а она... – Сашка закатил глаза и причмокнул. – Видел бы ты ее восемь лет назад! Правда, Андрей тогда... покрепче был.

– А что изменилось?

– Вот это самое. Боюсь, что он надорвался. Слишком много с тех пор случилось вредных для психики событий. А тут случай расслабиться подвернулся. Свобода, красивая баба, которая умеет на шею вешаться, интерьер, опять же. Видел бы ты ее хату... Да и собственная подруга, если с ней год не разлучаться, способна несколько поднадоесть. Ну и решил парень оттянуться, стрессы сбросить... Курортный синдром.

Воронцов вздохнул с сомнением.

– Ты его лучше знаешь, но... как-то не рядом получается. А банально грохнуть его не могли там? Если он нашел то, что искал, но не проявил осторожности? Или его раньше вычислили?

– Это совсем уж маловероятно. Его и самого без хрена не съешь, а под прикрытием Сильвии...

– Если она по-прежнему на нашей стороне...

– Вот это действительно... А на чьей стороне ей теперь

имеет смысл быть? К большевикам перекинуться?

– К большевикам не знаю, а разве у нее других старых друзей не имеется?

Шульгин прикусил губу, посмотрел на Воронцова с каким-то новым выражением. Взял из зеленой сафьяновой коробки сигару, долго ее раскуривал. Воронцов терпеливо ждал.

– Снова аггры? – спросил наконец Сашка. – Откуда им взяться? Антон же говорил...

– Вот уж к чьим словам я бы всерьез не относился, – ответил Воронцов. – Я его знаю несколько дольше, чем вы все. Он врать-то никогда впрямую не врет, но и правда его такая... – Капитан изобразил движением пальцев спиралеобразную фигуру. – Да и просто ошибиться мог наш инопланетный друг. Аггры там или не аггры, а то и покруче кто...

– Ну а в таком варианте что от нас зависит?

– Вот этого, Саша, я не знаю. – Впервые за время беседы голос Воронцова прозвучал без обычного оптимизма. – Тут уж так – делай, что должен, случится, что суждено. Давай прервемся, если больше чаю не хочешь, и пойдем прогуляемся.

Он повел Шульгина на пирс, а оттуда в мастерские. По его приказу очередной робот, выскочивший из караулки на высокое крыльцо, открыл высокие, достаточные, чтобы проехал товарный вагон, стальные ворота. Воздух в тоннеле

был сырой, пахнувший ржавым железом и мокрым бетоном. Вдоль стен до сводчатого потолка громоздились штабеля знакомых зеленых ящиков. Поблескивающие в солнечном свете рельсы упирались во вторые, теперь уже деревянные ворота. Грубо обтесанные, почти черные брусья наводили на мысль, что когда-то они служили шпангоутами и бимсами нахимовских или лазаревских фрегатов.

– Здесь просто винтовки и патроны. Готовы к отгрузке. Сегодня-завтра перекинем на армейские склады, чтобы места не занимали, – на ходу пояснил Воронцов. – Главное у меня дальше.

Левашов перед отъездом в Москву протянул с парохода к пакгаузу толстые бронированные кабели, а в подземных галереях, способных выдержать, наверное, и ядерный взрыв средней мощности, смонтировал три репликационные камеры, размерами и видом напоминающие клетки для содержания тиранозавров. Собственно, они и являлись клетками, вертикальные прутья которых были изготовлены из токопроводящей керамики, а горизонтальные – из медных, в две ладони шириной, особым образом изолированных и заземленных полос, подключенных к генераторам высокого напряжения и судовому компьютеру.

Первая камера была до половины заполнена светлокоричневыми кожаными мешками размером с полведра каждый. Их горловины были стянуты витыми шнурами, опечатанными свинцовыми пломбами. Знакомая тара. Так упаковыва-

лись золотые червонцы, которые царское министерство финансов отсылало в виде субсидий среднеазиатским ханам, бекам и эмирам еще во времена покорения Туркестана. По сто тысяч рублей в каждом.

– Тут тонн пятнадцать. Еще раз кнопку нажать – будет тридцать. Пора вывозить. Только куда? – Воронцов выглядел озабоченным. Похоже, они уже перестарались. Лучшего в мире русского золота наштамповали столько, что скоро могла встать проблема, которая довела в семнадцатом веке до краха испанское королевство. Для сокровищ, доставляемых из Америки, в тогдашней Европе просто не хватало товаров. Сейчас, конечно, так вопрос не стоял, скорее, наоборот, мир испытывал недостаток драгоценного металла, но нужно было найти способы грамотного, не ломающего мировую финансовую систему его использования.

– Андрей как раз и должен был в эту сторону подумать. Сильвия в Англии какой-то захолустный банчок приобрела. Малоизвестный и на грани разорения. С оборотом тысяч сто фунтов в год. Если сообразить, как твое золотишко в его сейфы перекинуть и происхождение замотивировать, проблемы не будет.

Шульгин с трудом приподнял мешок, который весил раз в десять тяжелее, чем выглядел, прочитал выдавленные на пломбе цифры и буквы.

– Номера вот на всех одинаковые. Но это не вопрос, люди, которым живые деньги нравятся, на такую ерунду внимания

обращать не станут.

– Я тем более не понимаю, в чем проблема. Перекинуть их можно внепространственно, оформить как вклад того же самого сэра Ньюмена...

– Так, да не совсем. Я уже думал. Факт ввоза ты как легализуешь? Я лично их правил не знаю, но ведь через таможенную оно должно пройти, какие-то пошлины заплатить надо, налоги, еще что? Не может же быть, чтобы вчера банк нищим был, а сегодня с Ротшильдами конкурирует, и никого этот парадокс не интересует?

– На то адвокаты есть. Найдем, заплатим, взятки рассуем, сколько спросят. Я другого боюсь – расшевелим мы еще одно осиное гнездо, напугаем империалистов финансовой экспансией... Я занятия по политэкономии исправно посещал, диплом университета марксизма-ленинизма с отличием имею...

Воронцов снова стал, как говорилось в их молодые годы, «прикидываться шлангом».

– Там у них на Западе всякие финансовые империи, Рокфеллеры, Куны-Леебы, де Бирсы, опять же, они что, позволят захолустному банку в их охотничьи угодья влезть? Не они ли нам намек дали, когда торпеду в борт воткнули? А если мы не поняли, второй намек может оказаться понагляднее.

Разговор Шульгину начинал нравиться. Воронцов мыслил точно в ту же сторону, что и он сам. Только по укоренив-

шейся привычке подходил к проблеме из-за угла. Предоставляя собеседнику инициативу вносить предложения и в случае чего за них отвечать.

– А ты «Записные книжки» Ильфа читал?

– Ну? – с некоторым недоумением ответил Воронцов.

– Так там Яшка Анисфельд что ответил римскому легату? «Это мы еще посмотрим, кто кого распнет». Показывай дальше свои закрома.

Следующая камера была под потолок заполнена картонными и деревянными ящиками всевозможных форм и размеров, с надписями на всех языках цивилизованного мира.

– Это у меня очередная партия ширпотреба. Якобы экспортный товар для насыщения потребительского рынка. Тут же нищета страшная. Шмотки всякие, швейные машинки, примусы, мясорубки, посуда, из электротехники кое-что. Внедряю в жизнь культурную модель ускоренной модернизации по образцу Арабских Эмиратов...

– Да я уж видел. К хорошему народ приспособливается легко... Жалко, с электричеством здесь плоховато, а то бы прогресс еще быстрее пошел.

Шульгина вдруг осенила мысль, над которой они бились довольно долго, но так и не нашли пока приемлемого решения.

– Стоп, Дим, а не дураки ли мы?

– Допускаю. А в чем именно?

– Да вот в том. Олег нам головы заморочил, а мы сами

подумать не собрались. Когда уходили из Замка, он убеждал, что нужно забить трюмы образцами чего угодно, от танков до батареек «Марс», ибо мы можем оказаться в таких местах и временах, где не будет ничего...

– Правильно. Вот сейчас у нас все и есть. Номенклатура более чем в тридцать тысяч единиц...

Шульгин кивнул и назидательно поднял палец.

– Но, попав под магию принципиально верной идеи, мы словно бы разучились мыслить. Мы же находимся в месте и времени, где кое-что все-таки есть. И не только вещи. Уловил?

Воронцов выглядел растерянным.

– В принципе да, а конкретнее?

– Здесь, мореходец ты наш, среди всяких интересных и приятных изделий, которые иногда лучше тех, что мы имели дома, есть такая универсальная вещь, как бумажные деньги. Мы бьемся над вопросом, как незаметно разменивать на них золото, банки вон даже приобретаем, а проблема-то решается...

– Номера. Забыл? Сотню-другую фунтов сдублировать можно, а если тоннами?

Сашка весь лучился самодовольством. Мол, вот вам – я сообразил то, что казалось неразрешимым в принципе. Он не спешил, он растягивал удовольствие. Размял сигарету подчеркнуто тщательно, сделал три затяжки с таким вкусом, будто неделю не курил.

– Отчего нас зациклило именно на дублировании? Потому что Антон нам это подсказал? Своими мозгами шевелить разучились... – Сделал еще одну паузу. – А делов-то только и всего – внедриться внепространственным каналом в сейфы хоть Ротшильда, хоть Вандербильда, хоть Федеральной резервной системы и выгрести оттуда столько, сколько нужно. И пусть ловят конский топот. Мы богатеем в меру потребностей, а наш враг, соответственно, беднеет вплоть до банкротства...

Больше объяснять не было нужды. Но Воронцов не был бы самим собой, если бы стал восхищаться, хлопать Сашку по плечу или иным любым способом изображать свое отношение к действительно гениальной по простоте идее.

– Угу, – сказал он задумчиво. – Выходит, от идейной классовой борьбы переходим к банальной уголовщине?

– Естественно. Но если ты докажешь, что гуманнее убить противника, чем отнять у него какую-то часть денег, я немедленно снимаю свое предложение...

– Ладно. Над нравственной стороной проблемы я на досуге еще поразмышляю, а вообще ничего. Наглядный пример творческого преодоления стереотипов мышления. – В устах Воронцова и эти слова прозвучали панегириком. – И если даже у банкиров переписаны номера каждого дензнака в их кладовых, нынешний уровень развития коммуникаций и связи не позволяет своевременно отследить каналы выхода в обращение таинственно исчезнувших бумажек... Ей-богу,

хорошо...

Третья камера удивила Шульгина тем, что в ней на полу, на грубых деревянных стеллажах, на площадке двухосной железнодорожной платформы громоздились явно электрические приспособления – электромоторы, распределительные щиты, мотки бронированного кабеля, всевозможные амперметры, вольтметры и иные подобные устройства.

– А это чего? План ГОЭЛРО решил в пределах Крыма воплотить?

– Не совсем. У меня планы куда грандиознее. Чуть позже расскажу. Это разговор особый и долгий. Все, что нужно, я тебе показал. О прочем поговорим за завтраком. – Воронцов поддернул обшлаг синего кителя, взглянул на часы. – До подъема флага пятнадцать минут. Пора на корабль.

ГЛАВА 4

По случаю приезда Шульгина капитан Воронцов дал праздничный завтрак. Вначале была мысль накрыть стол на шлюпочной палубе, но от нее пришлось отказаться. Хоть и солнце светило совсем не по-осеннему, и мужчинам в шерстяных кителях было даже жарковато, но ветерок с моря тянул свежий, знобящий, и девушкам, по случаю торжества надевшим приличествующие туалеты, трапеза под открытым небом удовольствия бы не доставила. Поэтому расположились в малом, «кипарисовом» зале ресторана первого класса, выходящем огромными зеркальными окнами на рейд и город. Вдали в прозрачном осеннем воздухе сверкали под солнцем купола севастопольских соборов и белые здания Городской стороны. У входа в Южную бухту приткнулись к берегу старые броненосцы и крейсера, правее слабо дымили трубами линкор «Генерал Алексеев» и несколько эсминцев-«новики» действующего отряда. Совсем рядом, в полукилометре от «Валгаллы», грузно распластался на штилевой воде навсегда отплававший свое броненосец «Три святителя», перегородивший таранным форштевнем почти половину ведущего к стоянке парохода фарватера. На броненосце текла своя какая-то неторопливая жизнь. По выскобленной палубе двигались фигурки матросов в «синем рабочем», на крыше штурманской рубки видны были черные кителя офи-

церов. Вдруг ни с того ни с сего начинала медленно воро- чаться кормовая, обращенная в открытое море двенадцати- дюймовая башня.

– У тебя и там службу несут? – спросил Шульгин Ворон- цова, пока они ждали подруг, которым, как обычно, не хва- тило нескольких минут для нанесения боевой раскраски.

– А как же? Вполне боевая единица, пусть и без хода. Главным калибром на восемьдесят кабельтовых достает. В сорок втором году две береговые батареи как раз с такими пушками три месяца немецкую штурмовую бригаду на ру- бежах действительного огня удерживали. Без всякого пехот- ного прикрытия. Пока снаряды не кончились. А у него еще четырнадцать стопятидесятидвухмиллиметровок, не считая скорострельных автоматов. За нашу безопасность можешь не беспокоиться.

– Я не об этом. Экипаж там из кого? Те же матросики, что офицеров в семнадцатом и восемнадцатом за борт бросали?

– Наверное, есть и такие. Бардак тогда был сам знаешь какой. Настроение каждый день менялось. Сегодня красные флаги поднимали, завтра желто-блакитные, послезавтра ан- дреевские. То в Новороссийск уходили к красным, то воз- вращались в Севастополь к немцам. Сейчас в тех делах раз- бираться – пустой номер. Я проще решил. Объявил набор добровольцев на флот и создал мандатную комиссию из уце- левших офицеров. Кого возьмут, тот и будет служить. Жало- ванье рядовым положил по сотне целковых, специалистам –

по полторы. От желающих отбоя не было. Поумнели за три года. На «Святителя», раз он не плавающий, ограниченно годных расписали. И сорокалетних, и даже старше. Офицеры такие же – командиром тут отставной лейтенант без ноги, безрукие тоже есть... Главное, службу знают, при деле, вместо пенсии жалованье получают, жильё хорошее, воздух свежий...

– Санаторий, одним словом, для увечных воинов.

– Зря смеешься, это тоже дело не последнее. Ну а воевать если придется... Чтобы целиться и стрелять, большого здоровья не требуется.

– Долго ты провоюешь, если действительно английский флот на нас пойдет...

– Думаю, что ровно столько, сколько надо, – серьезно ответил Воронцов. – Даже одна «Слава» в пятнадцатом и семнадцатом достаточно долго против немецкого линейного флота держалась. А я же не только на вот это рассчитываю. – Он показал на броненосец. – Линкор у нас почти новый есть, вполне конкурентоспособный с «Айрон Дьюками» и «Куин Элизабетами», хоть и броня чуть послабже. А теперь я ремонтом и модернизацией еще трех броненосцев занялся. «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», он же «Потемкин». Против «Гебена» вполне эффективны были, «Евстафий» одним залпом у мыса Сарыч его из боя вывел. Союзнички, когда первый раз из Севастополя уходили, на всех броненосцах цилиндры паровых машин взорвали.

Теперь мы их и восстанавливаем. Я тебе потом покажу. Это разговор отдельный и специальный. Я Антанте еще много разных сюрпризов готовлю... – Видно было, что Воронцов, оседлав любимого конька, увлекся до крайности. Как в дни, когда он проектировал и строил «Валгаллу». Теперь от иронии не осталось и следа.

– Короче, ты, братец, настроен очередной раз повоевать? Не с красными, так с Антантой?

– В гробу я все ваши войны видал. – В голосе Воронцова прорезалась даже некоторая злость. – До сих пор удивляюсь, чего я с вами связался? Исходя из нынешней теории пространства-времени у меня второй год отдых на сухумском берегу продолжался бы. «Где несть ни слез, ни вздыханий, а только жизнь вечная»...

– Кошунствуешь, старик, кошунствуешь, и вообще пора нам выдвигаться на исходные, потому что кажется мне, воздушные создания за стеклами мелькают... А хороши, чертовки, – восхитился Сашка и тут же процитировал подходящую к случаю частушку:

Тащи, девки, краски, сажу,
Ложь на рожу макияж,
Едет Рюрик из Европы,
Первый князь законный наш...

Воронцов хмыкнул, но все-таки закончил волнующую его тему:

– Ну пойдем, только напоследок скажу, что до большой войны нам нужно как минимум два месяца продержаться, а еще лучше – до весны...

Девушки к столу вышли во всей своей прелести, особенно заметной Шульгину, успевшему от них немного поотвыкнуть. Да и вообще человеку, вернувшемуся с фронта, красавицами кажутся почти любые женщины, а уж об этих нечего и говорить.

За длинным, торцом поставленным к полуоткрытому окну столом словно нарочно расселись так, что Воронцов с Натальей оказались слева по длинной стороне, Ирина, Анна и Лариса справа, а Шульгину досталось место во главе, словно бы виновнику торжества или свадебному генералу. Да так оно и было. Он только что вернулся с фронта, где смерть не слишком разбирается в чинах и должностях, а слабый пол к таким вещам небезразличен. Чисто генетически их влечет и возбуждает аура войны и риска, так же как мужчин – ароматы женских духов.

И Сашка, вдыхая эти ароматы, сплетающиеся в сложный эротический букет, блаженствовал. Его ведь окружали, безусловно, красивейшие девушки России, а скорее всего и вообще нынешней земной реальности. Они все ему нравились, пусть и по-разному, и каждую из них он мысленно не раз желал во время долгих месяцев заключения в Замке, когда, оставшись без подруги, ежевечерне наблюдал, как более

счастливые друзья расходятся по своим апартаментам.

Сейчас он, впрочем, смотрел на них спокойнее, скорее наслаждался чисто эстетически. И даже Анна, в которую он впервые за много лет по-настоящему влюбился, грешных чувств не вызывала. Слишком для него она была еще ребенок. Жениться он решил бесповоротно, только позже, позже... Пускай сначала повзрослеет. Пока что он настроился на чисто платонические чувства. Тем более что все-таки она еще «чужая». Пускай ей только двадцать, но родилась она ведь раньше шульгинской бабки, а это как-то... отстраняет. Он словно забыл, что по здешним меркам двадцатилетняя девушка – почти уже старая дева.

Вот и сегодня, появившись на «Валгалле», он первым делом постучался в дверь ее каюты. Увидев Шульгина, девушка тихонько вскрикнула от радости и от смущения, испуганно запахивая халатик. Она его не ждала и не успела еще одеться после сна. Но даже так была прелестна.

Анна уже оправилась от послереволюционной дистрофии и даже расцвела. Светло-серые глаза в пол-лица, без всякой помады ярко-розовые губы, соломенные, как у Лорелеи, волосы. Да и фигурка в меру пополнела.

Пожалуй, он не просчитался в выборе тогда, сумел рассмотреть будущую тропическую бабочку под серым коконом застиранного бесформенного платья...

Она готова была броситься Шульгину на шею, но сначала ее остановил громадный букет шипастых роз, который он

держал перед собой, а потом девушка прочла что-то в его чересчур спокойном взгляде. И будто бы потухла. Покорно приняла братский поцелуй в щечку. Но взгляд ее сверкнул опасно.

За завтраком Шульгин вел себя намеренно непринужденно, всячески демонстрировал галантность, много острил, подливал соседкам справа и слева легкое белое вино. В его изложении события последних дней в Москве и Харькове выглядели веселым приключением, сценами из костюмной мелодрамы XVII века. Игра ему в общем удавалась, женщины тоже были рады видеть свежего человека, тем более Сашку, всегда умевшего нравиться дамам. Впрочем, до тех пор, пока не переходил какой-то определенной грани. С ним любили флиртовать, принимать слегка даже утрированные знаки внимания, но стоило ему показать, что видит в очередной подруге нечто большее, чем партнершу для необременительной связи, как они чего-то пугались и отношения расстраивались. Что объясняет неудачный опыт его семейной жизни.

Но сегодня даже Лариса благожелательно воспринимала шутки, обращенные непосредственно к ней.

Только Воронцов, хотя тоже старался поддерживать общую легкую атмосферу, моментами как бы терял нить общей беседы и взгляд его становился отстраненным. В эти минуты Наташа тоже настораживалась, пытаясь понять, не произошло ли между мужчинами какой-то размолвки.

Завтрак затянулся часа на полтора, настолько всем не хотелось его прекращать.

Шульгин вообще предложил всем подняться на палубу, погулять и освежиться, а потом сразу перейти к обеду.

– Так и порешим, – сказал Воронцов. – У меня есть кое-какие неотложные дела по службе, ненадолго, заодно я прикажу накрывать стол в адмиральском салоне. На четырнадцать часов устроит? Там и встретимся...

Шульгин наметил себе переговорить с каждым из членов компании по отдельности. В отличие от Новикова, он считал, что общие обсуждения важных вопросов не только бесполезны, но и вредны. Истины не рождаются в спорах, и даже простой обмен мнениями в присутствии пусть даже друзей и единомышленников заставляет каждого заботиться не о максимально полном и точном изложении своей позиции, а о соответствии собственному имиджу. Причем даже не подлинному, а лишь представлению о том, каким он должен выглядеть в глазах собеседников.

Таково же, кстати, было сегодня желание каждой из девушек. Шульгин успел короткими замечаниями и намеками дать им понять, чего он хочет.

Погуляв с полчаса по палубе, дамы разошлись по каютам переодеться и подправить макияж.

Когда на близком броненосце ударили послеполуденную склянку, Сашка решил, что времени своим партнершам он

отпустил достаточно.

Через тамбур и короткий боковой коридор Шульгин вышел в большой салон первого класса. Огромным световым фонарем в центре высокого потолка и двумя маршами дубовой лестницы он напоминал вестибюль великокняжеского дворца, ставшего позже Русским музеем. По таким лестницам, широким и пологим, окруженным хрустальными фонарями и греческими скульптурами, приятно ходить даже без всякой цели. Тем более что они покрыты пушистыми ковровыми дорожками, прижатыми к ступенькам надраенными медными прутьями.

С лестничной площадки в три стороны расходились почти бесконечные коридоры, тихие, пустынные, внушающие одновременно умиротворение своей тишиной и безлюдьем и несколько иррациональную тревогу опять же именно пустотой, безмолвием, отстраненностью от той жизни, шумной и праздничной, для какой они были заведомо предназначены.

Одна из трех десятков одинаковых полированных дверей вела в каюту Ларисы. Он подошел к ней и позвонил.

Замок щелкнул через минуту. Или две. Лариса, хоть и ждала гостя, а может, именно поэтому, встретила его в коротеньком, едва до середины бедер, ярко-оранжевом банном халате. Махровым полотенцем она промокала мокрые распущенные волосы – явно только что, уже после звонка, вылезла из ванны.

– Заходи, мы сейчас.

– Мы?

– Ну, тут еще Анька, я ее продолжаю обучать основам цивилизации. Подожди немного, я оденусь, потом и поговорим.

Шульгин прошел по коридору влево, куда показала Лариса. Там, в просторной гостиной, под веерной пальмой в дубовой кадке, стояли журнальный столик и два кресла.

Лариса вернулась довольно скоро и поразила Сашку тем, что умеет столь быстро переодеваться и причесываться. Коротко ему кивнув, словно увидела впервые, сказала:

– Ладно, Аня там пока еще поплавает в бассейне, ей это страшно нравится, а мы пойдем туда...

На «Валгалле» в ходе ее постройки каждый имел возможность оформить свои апартаменты в соответствии с самыми экстравагантными желаниями. Воронцов не ограничивал друзей ни в чем, лишь бы уложились во внутренний объем надстройки. На прототипе парохода, «Мавритании», на трех ее люксовых палубах с комфортом размещались пять сотен пассажиров.

Лариса открыла неприметную на фоне вычурных панелей дверь, которая, судя по размерам, могла вести в какое-то подсобное помещение. Однако там Шульгин увидел стену яркой зелени и окунулся в теплый, влажный воздух, пахнувший сырой землей и чем-то странным, даже не понять, приятным или отвратительным.

Они оказались в огромной оранжерее с фонтаном посередине. Лариса увлекла его в глубь тропических дебрей, где

с причудливых деревьев свисали огромные жирные цветы. Возможно, это как раз и были пресловутые орхидеи, которые Сашка никогда не видел, и именно они так необычно пахли.

Девушка остановилась возле полукруглой бамбуковой скамейки. Шульгин сел и огляделся. Место было выбрано с умом – увидеть их здесь, тем более застать врасплох, если бы кому-нибудь это потребовалось, было невозможно. Как, впрочем, и в любом другом помещении корабля – рассчитанный на две тысячи пассажиров и две с половиной тысячи человек команды и обслуги, пароход даже просто обойти по всем его палубам, не заходя в каюты, вряд ли можно было и за сутки. А уж найти кого-то специально...

На обливающем фигуру девушки коротком алом платье из тугого эластика карманов, разумеется, не было, и перед началом разговора Лариса попросила у Сашки сигарету. Хотя курила, как он знал, чрезвычайно редко. Выпустила полукруглыми губами дым, откинувшись на выгнутую спинку скамейки, забросила ногу за ногу смелым движением, словно не заботясь о производимом впечатлении. Уж в этой черте ее натуры Шульгин убедился с первого дня знакомства – она никогда не кокетничала с мужчинами, делала всегда только то, что считала для себя нужным и удобным. Например, гуляя вечером с парнем, вполне была способна без стеснения прервать галантную беседу откровенным: «Извини, мне нужно в туалет», а за неимением поблизости такового и просто за ближайшим кустиком присесть. Причем смущаться,

отворачиваться и делать вид, что ничего особенного не происходит, предоставляла кавалеру.

Пожалуй, именно этой вызывающей непринужденностью она и покорила робкого в общении с женщинами Левашова.

Ну да он-то сам – не Левашов. Улыбаясь тонкой, в стиле Арамиса, нагловатой улыбкой, Шульгин в упор смотрел на ее демонстративно выставленные напоказ бедра в искрящихся черных колготках и молча ждал, что она скажет.

– Ты для чего приехал? – спросила наконец Лариса, позволив ему вдосталь налюбоваться, покачивая алой перламутровой туфелькой на десятисантиметровой шпильке.

– Вот пообщаться и приехал, – переводя взгляд сначала с ног на едва прикрытую грудь собеседницы, а уж потом и на лицо, ответил Шульгин. – Не представляешь, как надоедают модные в столице суконные юбки до пят и шнурованные ботинки со сбитыми каблуками. А уж рожи... Так что Олегу можно только посочувствовать.

– Об этом и поговорим. Как он тебе показался при последней встрече?

Последняя встреча у Шульгина с Левашовым была чуть больше недели назад, и нельзя сказать, что настроение Олега ему понравилось.

– Мне показалось, что лучше, если бы ты сейчас тоже была в Москве.

– Еще чего! – фыркнула Лариса. – Я его туда не гнала. Мне ваши дела вообще до... – Она чуть не показала, до какого

именно места ей дела Шульгина и товарищей, но отчего-то воздержалась. Хотя это место и так было хорошо видно. – А уж в особенности Олеговы коммунистические завихрения. Взбрело ему с иудушкой Троцким социализм строить – ради бога. Я вашего реального социализма вот так нажралась...

Прошлая жизнь Ларисы, единственной из всех, оставалась для Шульгина загадкой. Он знал, что на момент их знакомства, когда Наталья Андреевна взяла ее с собой на праздник открытия «Валгаллы», Лариса была аспиранткой историко-архивного института. Что в те времена значило жить одинокой двадцатипятилетней девушке на девяносто рублей да еще в Москве, Сашка представлял. Но было в ее биографии еще что-то такое, о чем ни Наташа, ни Лариса не распространялись.

– И в этом вы с господином Новиковым больше всех виноваты. Зачем было его подначивать?

– Знаешь, брось. Со мной-то зачем? Тебе Андрей когда еще предлагал Олега попридержать? Так нет, ты у нас натура загадочная и независимая. Вырву себе глаз, чтобы у тещи зять кривой был. Я сама по себе, я лучше вас всех все знаю! Ну и получай. Вполне могла ему тихонько объяснить, что не его забота мировую справедливость и пролетарский «новый порядок» устанавливать.

– Вам хорошо, – неожиданно жалобным голосом сказала Лариса и капризно надула губки, сразу напомнив Шульгину итальянскую актрису Стефанию Сандрелли. – Вам даже ми-

ровая война – только повод для очередных геройств и развлечений, а он все через душу пропускает. За что я вас и терпеть не могу, «звездных мальчиков». Он в вашем прайде один нормальный человек, и честный, и добрый, и талантливый, за это я его и полюбила, вот и решила, что если еще и я на вашу сторону против него встану...

– Ну, не встала, так и что? Я тебя заставляю? Хозяин – барин. Ко мне сейчас какие вопросы?

Темно-ореховые глаза Ларисы полыхнули свирепым пламенем, и она их торопливо прикрыла длинными ресницами.

– Какие уж теперь вопросы! Что мне делать, забирать его оттуда? И если да, что будет дальше?

– Забирать, может, и рановато. А вот тебе в Москву сбегать я бы посоветовал. – Шульгин как бы невзначай положил ей ладонь на гладкое колено. Этаким знак дружеской доверительности. Она неудовольствия не выразила, Сашка сам через полминуты убрал руку. Цель была достигнута.

– А что я там делать буду? Здесь хоть жизнь человеческая...

– Там намного хуже не станет. А то и лучше покажется. Троцкий Левашову особнячок подарил – закачаешься. Только женской руки и не хватает. А я тебя вдобавок наркомом сделаю. Или начальником Мосчека. Применишь на практике свои способности. Глядишь, так понравится, что и возвращаться не захочешь...

– В гробу я видела ваши забавы, – по инерции грубо от-

ветила Лариса, но тут же прикусила язык. Послышалось ей в словах Шульгина что-то интересное. Она подозрительно на него посмотрела. – Ты что-то новенькое придумал? Ну-ка, изложи.

– Ничего такого уж новенького. Обстановка ведь меняется, сама видишь. Андрей то ли появится в ближайшее время, то ли нет, да и надеяться, что вот он появится и снова будет все за нас решать, вряд ли разумно. Вот я и начинаю свои меры на всякий случай принимать. В Москве мне надежный человек нужен – за Олегом присматривать, от опрометчивых шагов его предостерегать, вообще ситуацию отслеживать. Он же парень импульсивный, сама знаешь. А на тебя стопроцентно можно положиться, ты глупостей не допустишь...

– Так-так. Льстить начинаешь, уже интересно. А в позитиве что?

– Если неожиданностей не возникнет – что сама выберешь и воплотить сумеешь... Перспективы там сейчас богатейшие.

Лариса промолчала, но слушала с видимым интересом.

– Если же возникнут осложнения, сворачиваем лавочку и уходим в любую приемлемую точку шарика. В любом качестве и с любыми документами. «Валгалла» всегда при нас, и денег на дворец в Провансе или на Гавайских островах всегда хватит. Спокойно заживешь, детей наконец нарожа-

ешь...

– Ну-ну, подумать надо. – В голосе ее звучало сомнение, но Шульгин уже понял, что своей цели он достиг и теперь Лариса какое-то время просто будет держать фасон, возможно, выторговывая для себя какие-то особые преимущества. Но тут уже проблем не было.

– А предводитель наш, – вдруг спросила Лариса, имея в виду Новикова, – действительно в ситуацию попал или просто загулял на стороне? – В ее голосе звучало откровенное ехидство.

– Чего бы вдруг – загулял?

– Почему и нет? Вы же с «генералом» не устояли, попробовали английскую красотку. А он чем вас хуже? Нормальная для мужика реакция на классную бабу...

– Ох ты ж и злая девка, Лариса Юрьевна!.. – Но прозвучали слова Шульгина скорее уважительно.

Когда они возвращались наверх, Лариса шла по трапу впереди, покачиваясь на высоких каблуках, Сашка с трудом подавлял в себе желание исполнить свою вековую мечту – взять вдруг и ущипнуть ее. Там, где тонкая ткань соблазнительно обтягивала *musculus gluteus maximus*¹. Интересно бы посмотреть, как она отреагирует. Он не был уверен, что однозначно отрицательно.

Сашка Шульгин был эстетом, то есть относился к тому ти-

¹ Большая ягодичная мышца (лат.).

пу мужчин, что не могут без деликатного вожделения смотреть на каждую более-менее привлекательную даму. Внешние же данные Ларисы к такому взгляду располагали особенно. Кроме сумрачно-загадочного лица, она обладала еще и фигурой, которая поначалу могла показаться тонковатой. Но если присмотреться... Тогда становилось понятно, что все в ней исключительно соразмерно. Более всего она походила на дам с рисунков Бердслея. Кто видел – поймет, о чем речь...

Уже перед ведущей на палубу дверь она приостановилась.

– А с Анной советую тебе быть пока посдержаннее. Она девочка хорошая, но до сих пор... неразбуженная. Лучше не гони лошадей.

– Да я... – словно бы растерялся Шульгин, но договорить фразу не успел.

– И я о том же – потерпи. А то, судя, как ты на меня сейчас смотрел, и на нее дуром полезть можешь... А с ней так нельзя, я за две недели убедилась. Ей созреть надо, тогда сама упадет...

– Ну уж если убедилась, не могу не последовать твоим рекомендациям. – Сашке оставалось только сохранять хорошую мину. – Тогда и ты мне посодействуй. Я сейчас с Ириной должен пообщаться, а ты Аню отвлеки и заодно подготовь ее, что нам с тобой сегодня вечером в Москву уехать надо. Ненадолго и по неотложному делу. Она станет с нами проситься, маму повидать – тактично сними вопрос. Дого-

ворились?

– Будь спокоен. – Лариса ободряюще кивнула и одновременно подмигнула особым образом.

«Нет, я в ней не ошибся, – подумал Шульгин. – Нормальная баба».

...С Ириной Шульгин уединился на правом крыле штурманского мостика. Под предлогом того, что им нужно посмотреть в дальномер на мачту дворца Верховного правителя, где должен быть поднят флажный сигнал с секретным сообщением. Предлог вполне дурацкий, но наивной Анне он показался вполне основательным. Подобно мадам Грицацуевой, она очень уважала Александра Ивановича – человека, чуть ли не в одиночку сокрушившего омерзительный большевизм, и не переставала удивляться, что такой человек обратил на нее внимание. Тут надо отдать должное Ларисе – за время, пока она просвещала и образовывала девушку в тонкостях современной жизни, никаких дискредитирующих слов в адрес Шульгина она себе не позволяла. Тут она, историк, специализировавшийся в дипломатических интригах XIX века, все понимала правильно. Преследуя, впрочем, скорее свои личные цели.

Можно было бы и не изобретать подобных доводов и поговорить с Ириной в менее экзотическом месте, но Сашка помнил дни начала борьбы с пришельцами и способы, которыми они пытались обеспечить конфиденциальность своих бе-

сед. Наиболее эффективной оказалась защита от следящей аппаратуры аггров в полях высокой частоты. Левашов, например, спасся, укрывшись в трансформаторной будке. Вот и сейчас интуиция подсказала ему, что данный разговор стоит заэкранировать. А на мостике можно было включить и гироскопас, и оба радиолокатора, и УКВ-передатчик на полную мощность. Может, и ерунда, но как-то спокойнее. Дня три уже он чувствовал себя подобно волку, еще не видящему флажков, но уже учуявшему их нехороший запах.

Они сели в вертящиеся кожаные кресла рядом с басовито гудящим распределительным щитом. С двадцатиметровой высоты мостика панорама бухты выглядела особенно впечатляюще. Тихая, искрящаяся солнечными бликами морская гладь, кильватерные струи курсирующих между Северной и Южной стороной катеров, треугольные паруса вельботов и баркасов. С такого расстояния проблемы и язвы нынешней жизни казались несуществующими.

– Выпить что-нибудь хочешь? – спросил Шульгин у Ирины. В стенном шкафчике Воронцов держал необходимый для укрепления сил во время ночных вахт запас кофе и соответствующих напитков.

– Спасибо, не хочу. У тебя плохие новости? – Ирина сохраняла удивительное хладнокровие, с самого утра не позволила себе задать этот вполне естественный вопрос.

– Слава богу, нет, – ответил Сашка. – Разговор предстоит чисто теоретический. Поскольку ты единственная, кто сей-

час разбирается в космических проблемах.

Ирина вздохнула облегченно. Шульгин познакомился с ней за четыре года до того, как выяснилось, что она не просто красивая девочка и хороший товарищ, а еще и инопланетная разведчица, и до сих пор эмоционально воспринимал ее в первоначальном качестве. С ней не нужно было кривить душой и плести изысканные кружева двойных и тройных логических связей.

– И что ты хочешь спросить?

– Насколько высока вероятность, что Сильвия сумеет восстановить связь с вашей резидентурой? На Земле или... там... – Он махнул рукой в сторону зенита.

– Не знаю. Не знаю, и все. Выражаясь доступным языком – она полковник разведки, а я в лучшем случае младший лейтенант. А то и сержант. Я проработала на Земле шесть лет, а она больше ста. Я совсем ничего не могу тебе сказать. Мне казалось, – как утверждал Антон и вы с Андреем, – что эта история закончилась, совсем закончилась. Мы в другой реальности, на другой мировой линии, и о прошлом можно забыть. А у тебя что, появились какие-то новые сведения?

– Нет, кажется, нет. Просто сомнения, догадки, предположения. Андрей не должен молчать так долго, в этом я уверен. А так – ничего.

Ирина, глядя невидящим взглядом в лобовое окно мостика, молчала. Шульгин успел достать из шкафчика бутылку коньяку и сделать прямо из горлышка длинный глоток. Ири-

ну он не стеснялся, хотя давно уже старался не проявлять на людях привычку взбадривать себя подобным образом.

– Вообще-то я отношусь к его молчанию спокойнее, – наконец сказала она. – Могут быть всякие обстоятельства. Не тот он человек, чтобы попасть под машину или позволить себя застрелить из-за угла. А уж игры, в которые мы взяли играть... Вспомни, что было с тобой. И с ним, когда его отправили в сталинское тело. Для меня это почти нормально. Такая у меня профессия... – Но улыбка у нее вышла не слишком естественная. – Вдобавок не нужно забывать о парадоксах времени. – И она снова замолчала.

Шульгин решил, что при всем ее мужестве подвергать женщину непосильным нагрузкам просто бесчеловечно. И решил разрядить ситуацию.

– Я с тобой согласен. Более того, из известных нам факторов – Великая сеть и прочее – следует вывод, что Андрей вообще не подвержен опасностям... общего, так сказать, порядка.

– Этого я и боюсь, – прошептала Ирина.

Шульгин, наблюдая за ней последние годы, замечал, как она меняется. В семьдесят шестом году это была (он не знал тогда о ее инопланетном происхождении) спортивная, одновременно элегантная, крайне умная и очень уверенная в себе девушка. С ней можно было целый вечер танцевать до упаду, рискованно острить, ездить на мотоциклах в дальние экспедиции по Золотому кольцу, вообще считать ее «своим пар-

нем в юбке», немного сожалея, что досталась она не ему, а Андрею.

Тремя годами спустя она была уже несколько барственной, «роскошной женщиной», которая, расставшись с Новиковым, в свои двадцать семь успела вкусить максимум от того, что давал своим номенклатурным и увенчанным официальными лаврами деятелям искусства советский режим. (Не ей лично, а как жене секретаря Союза писателей.)

Еще через два года Сашка увидел ее (после развода с сановным мужем), ставшую почти такой, как прежде, и еще сильнее влюбленную в Андрея. Прежнюю и неожиданно жесткую, даже агрессивную (когда им вчетвером пришлось сражаться против всей инопланетной мощи).

А вот сейчас она выглядела совершенно земной женщиной. Нельзя было и представить, что она способна драться на улице с бандитами, применяя редкостные приемы тэквондо, и когда надо, быть похожей на героиню американского боевика. Перед ним сидела совсем новая Ирина. Но все равно невероятно красивая, даже, может быть, более, чем когда-либо, и, безусловно, отнюдь не утратившая своих способностей.

– В любом случае, Ира, я хотел получить твое согласие – пока Андрей не вернется, ты дашь мне карт-бланш на роль координатора наших действий.

Ирина откровенно удивилась.

– Зачем, Саша, тебе мое согласие? Не понимаю. Я что,

вдовствующая императрица?

– Ты лишнего не болтай. А понять меня должна... – Он сделал паузу. – Ситуацию ты чувствуешь острее, чем мы, вместе взятые. По крайней мере я так тебя воспринимаю. И, кроме Андрея, только ты можешь все понять правильно. Я также считаю, что сейчас как-то координировать общие усилия могу лишь я. Я не сверхчеловек и не кандидат в Держатели Мира, но лучше других предчувствую близкое будущее и более свободен в действиях, чем Берестин и Воронцов. Согласна?

– Да, Саша, согласна. Действуй, как находишь нужным сейчас. А когда Андрей вернется, вы в своих ролях разберетесь. Рассчитывай на мою поддержку. Только... Я ведь уже почти ничего не могу. Русалочка, помнишь эту сказку?

С чувством жалости к ней и одновременно преклонения перед ее удивительной самоотверженностью Шульгин наклонился и поцеловал ей руку.

Теперь, чего никогда раньше не было, Сашка ощущал себя сильнее ее.

ГЛАВА 5

...Для отъезда в Москву Шульгин приготовил специальный поезд. Не такой угрожающе-роскошный, как знаменитые эшелоны Троцкого, но вполне подходящий, чтобы проехать из Севастополя в центр Советской республики через одну официальную и много стихийных границ по территориям Махно, батьки Ангела, атаманши Маруси, бело-зеленых и красно-зеленых...

Контрольная площадка, загруженная мешками с песком на случай невзначай подложенной мины, еще одна, с рельсами, шпалами, костылями и прочим инвентарем для ремонтно-восстановительных работ, бронепаровоз мощнейшей тогда серии «Эр», пассажирский вагон, в котором разместились отделение басмановских рейнджеров с оружием, боеприпасами и месячным (чтобы не зависеть от совдеповских пайков) запасом продовольствия, и бронированный салон-вагон Шульгина. Сашка вез в двух теплушках «Роллс-Ройс» «Серебряный призрак» в подарок Левашову, а для себя как полномочного представителя республики Югороссия – элегантнейшую «Испано-Суизу» с начинкой от джипа «Лендровер».

Салон-вагон, куда они вошли с Ларисой, был невелик, поскольку оборудован на базе стандартного «нормального пас-

сажирского вагона 1911 года», но вполне удобен и по-старинному уютен.

Два одноместных купе, столовая-гостиная, маленькая, как камбуз на подводной лодке, кухня и рабочий кабинет. Без вычурной ампириной роскоши, шелков и бархатов, как в вагоне у Троцкого, все строго, просто, рационально, но и с неуловимым шармом. Когда-то этот вагон принадлежал великому князю Михаилу Александровичу, формально – последнему русскому царю.

От севастопольского вокзала поезд отошел поздно вечером, без провожающих и даже без гудка. До Харькова дорога считалась почти безопасной, поезда ходили практически регулярно, но расслабляться не стоило. Шульгин, перед тем как приступить к неперемennomу застолью, без которого русский человек железнодорожное движение считает просто невозможным, решил обойти боевые посты.

Двенадцать офицеров, истомившихся нудной гарнизонной службой, почти невыносимой после ставшей образом жизни многолетней войны, были довольны неожиданно выпавшим развлечением. Что может быть лучше неторопливой поездки через половину России в вагоне первого класса для людей, которые уже и забыли, что такие бывают на свете, привыкнув считать удачей, если попадалась теплушка без щелей и дырок в стенах да еще имелось в достатке дров для буржуйки и охапка соломы, брошенная на нары.

Из раскрытых дверей купе густо валил папиросный дым,

звучали виртуозные переборы гитары, хорошо поставленный баритон (можно бы и в опере выступать) чувствительно выводил: «Ямщик, не гони лошадей...»

Увидев Шульгина, офицеры изобразили намерение вскочить с диванов, как требует устав, но он остановил их порыв.

– Вольно, господа, отдыхайте. Прошу вас, капитан, на минуточку, – пригласил он в коридор командира отделения.

Сашка не собирался устанавливать для своих телохранителей драконовские порядки, тем более что ничего предосудительного у них в вагоне не заметил. Не только бутылок на столах не было, но даже и запаха не чувствовалось.

– У вас как дежурства спланированы? – спросил он капитана, с которым виделся последний раз во время боев на Каховском плацдарме. Только он тогда, кажется, был поручиком. После победы Берестин щедро раздавал чины отличившимся офицерам.

– Два человека на тендере с пулеметом и прибором ночного видения. Еще два на тормозной площадке последнего вагона. Считаю достаточным. Смена караулов через каждый час.

– Не лучше ли через два? Погода нормальная, тепло, обстановка спокойная. Ничего особенного – два часа на площадке отсидеть. Зато потом целых четыре часа отдыхать можно...

– Как прикажете, я из устава исходил. Правда, пехотного. А если приравнять поезд к кораблю, можно под флотский

устав подравняться. У них вахты четыре часа через восемь.

– Смотрите сами, как вам удобнее. Вы отвечаете и за людей, и за безопасность эшелона. Учить вас не собираюсь. После смены с поста винную порцию разрешаю, но тоже строго в пределах устава.

– Прошу прощения, Александр Иванович, какого?

Шульгин рассмеялся. Стала понятна дипломатия капитана. Если по царским уставам на сухопутье винная порция полагалась в сто граммов, то на флоте – сто пятьдесят.

Они вышли в тамбур. Перед открытой переходной дверью покачивалась черная стенка тендера. Для привыкшего к совсем другим скоростям поездов Шульгина редкий перестук колес на стыках звучал странно. Казалось, что они все никак не отъедут от станции, а вот когда семафоры останутся позади, поезд прибавит ходу и в уши ворвется настоящий шум, лязг и грохот.

Узкая железная лестница вела наверх, на наблюдательную площадку, но Шульгин туда подниматься не стал. Все равно вокруг ничего не видно, глухая, беспросветная ночь поздней осени, только далеко позади и внизу еще виднелись редкие озябшие огни Севастополя и проблески маяка.

Шульгин велел капитану беспокоить себя только в самом крайнем случае. Как Черчилля, который, уезжая на уик-энд к себе на дачу, приказывал звонить, лишь если немцы форсируют Ла-Манш.

– А разве во время войны такая опасность вообще возни-

кала? – наивно спросил офицер. – Что-то не помню...

– Это он в аллегорическом смысле выражался, – выкрутился из очередного анахронизма Шульгин. – Через Симферополь езжайте без остановки, а там посмотрим...

Когда он вернулся в свой вагон, Лариса уже переделалась и накрывала к ужину стол. Можно было подумать, что она собралась ехать до Владивостока, столь тщательно наводила уют в своем временном пристанище. По-другому расставила стулья и кресла, кокетливыми фестонами закрепила занавески на окнах, разыскала в шкафу пакет толстых восковых свечей и расставила их по многочисленным шандалам и жирандолям. Стало гораздо романтичней. Шульгин не ожидал от вроде бы равнодушной к бытовым удобствам Ларисы такого усердия. На Валгалле она вела себя совсем иначе, все время демонстрируя отстраненность от хозяйственных забот колонистов. Впрочем, что он вообще до сих пор знал о ней? За все время знакомства они ни разу не провели наедине и часа. А вот поговорили тет-а-тет сегодня утром, и что-то между ними начало меняться.

Пока Шульгин отсутствовал, Лариса успела сбросить стеснявший ее дорожный костюм, надела зеленовато-песочное платье фасона «сафари», под которым, похоже, не было больше ничего, судя по тому, как соблазнительно вздрагивали при каждом движении девушки упругие полушария груди.

«Интересная у нас жизнь, – думал Шульгин, следя за ее

действиями. Ловко, как профессиональная официантка, Лариса расставляла тарелки с закусками на большом, покрытом жестяной твердостью накрахмаленной скатертью столе. С кухни доносился запах какого-то жаркого, обильно уснащенного пряностями. – Странная смесь монастыря и борделя. Привыкшие к долгому присутствию одних и тех же мужиков, девушки их уже и не стесняются, что особенно невыносимо от демографического дисбаланса...» Так научнообразно он обозначал ситуацию, когда на пять мужчин приходилось всего три женщины. Сколько раз Сашка проклинал собственную непредусмотрительность. Что, например, мешало ему уговорить остаться на Валгалле свою аспирантку Верочку, которую он привозил туда на торжественное открытие Форта? Лариса тоже оказалась там почти случайно, но вот осталась же, покоренная мгновенно влюбившимся в нее Олегом. Или не покоренная, а сделавшая мгновенный безошибочный расчет. И Альбу зря отпустили в ее XXIII век, она была наверняка согласна, стоило Андрею намекнуть. Впрочем, тогда коллизия еще бы больше обострилась. Альбе нравился лишь Новиков, отнюдь не Сашка, Андрея же устраивала только Ирина, а к ней терзался неразделенной любовью Берестин. Тот еще расклад. Однако, если бы Шульгин начал ухаживать за обаятельной космонавткой настойчиво и агрессивно, устояла бы она или нет – большой вопрос.

Был и еще момент, когда ему показалось, что все наладилось – после лондонской истории у них с Сильвией случи-

лось два месяца вполне нормальной личной жизни, но потом... К Алексею он претензий не имел, Шульгин знал, как аггрианка умеет охмурять мужиков, тем более измученных длительной абстиненцией. Но его личное самолюбие было серьезно уязвлено.

И пусть теперь все вроде бы образовалось, его ждет в Севастополе Анна. Но сейчас-то что делать? Нет сил уже спокойно смотреть на эту ведьму Лариску. И ехать им в замкнутом пространстве вагона целых два дня, если не больше. Или ты этого не знал? Да все ты знал, не надо лицемерить... А она сама? Что делает и думает сейчас Лариса?

Расчетливо соблазняет, сама соскучившись по мужской ласке, или просто провоцирует, чтобы потом устроить безобразную сцену и пожаловаться Олегу? С нее станется – рассорить друзей и далее владеть Левашовым безраздельно...

Все это он успел продумать, пока мыл руки в вагонном туалете с умывальником и душем, встроенном между двумя купе. В круглом зеркале с кое-где облупившейся амальгамой внимательно изучил свое отражение. Поправил и так безупречный гвардейский пробор, маникюрными ножничками подровнял усы, расчесал их специальной щеточкой, пшикнул несколько раз на волосы и за воротник кителя одеколоном «Черный принц».

Вдруг ему показалось, что точно такая ситуация уже была с ним в прошлой жизни. Или нет, на «дежа вю» это не похоже, он, как психиатр, в таких вещах разбирался, скорее на-

поминает мгновенный пробой в будущее, картинка ближайших тридцати-сорока минут.

И старорежимный мундир в это близкое будущее не вписывался, оно было какое-то совсем другое, скорее в стиле романтических шестидесятых.

Сашка бросил на вагонную полку чемодан, порылся в нем, извлек белые фланелевые брюки, рубашку-апаш, повязал на шею шелковый платок. Нет, ерунда какая! Словно он действительно на свидание с собственной девушкой собрался! Ему даже стало на секунду стыдно. Он ведь просто хочет приятно провести время в непринужденной обстановке, и не более. Скомкал платок и бросил его обратно. Надел плетеные бежевые мокасины, подмигнул собственному отражению.

Перед тем как сесть к столу, по сложившейся уже привычке предпринимать возможные меры даже против гипотетических опасностей, Шульгин проверил, заперты ли двери тамбуров, боковые и переходные, а также опустил, переброшив тумблер на распределительном щите, внешние броневые заслонки на окнах. В вагоне сразу стало по-особенному тихо, темно и уютно от сознания, что никто теперь не потревожит их уединения.

Спешить было некуда, они неторопливо закусывали под шампанское, Шульгин пил брют, а Лариса – полусладкое, разговаривали мирно и спокойно. Как-то так пошла беседа (и свою роль в этом сыграли их наряды), что от сегодняшних

проблем они сразу уклонились, начали вспоминать навсегда исчезнувшую московскую жизнь. Лариса была на девять лет младше, и опыт от этого у них был разный, да и учились они в слишком разных институтах. Но многое все же совпадало, так что вечер начинал удаваться. Лариса мельком высказала удивление, отчего раньше Шульгин испытывал к ней неприязнь?

– С чего ты взяла? – приподнял бровь Сашка. – Вроде все нормально было. Ни словами, ни помыслами...

– Ладно-ладно, чего уж теперь... Вы все меня недолюбливали. Не нравилось вам, что Олег так мной увлекся. И Ирина на меня, как царь на еврея, всегда смотрела.

Шульгину ее откровения были странны. Он считал, что, наоборот, Лариса сама все время поддерживала незримый барьер между собой и остальной компанией. Только с Натальей отводила душу. Как психоаналитик, он предполагал, что дело здесь не только в характере девушки, но и в тайных подробностях ее биографии. Вплоть до связей с преступным миром. Случайно ли она так решительно порвала с прошлой жизнью, бросила все и кинулась в водоворот абсурдных для нормального человека космических приключений? При чем в компании абсолютно незнакомых ей, впервые, кроме Натальи, увиденных людей. И даже если допустить беззаветную любовь с первого взгляда, не маловато ли двух дней знакомства, чтобы навсегда забыть о родителях, доме, работе? О том, что это навсегда, она тогда не подозревала.

– А хочешь, я тебе правду скажу? – Лариса наклонилась через стол, и ее слегка уже хмельная улыбка выглядела вызывающе-загадочной. – Дело в том, что ты первый в меня влюбился, в тот же вечер, а сказать боялся или Олегу не хотел мешать, вот и изображал пренебрежение... Спорить будешь? Все равно не поверю...

Шульгин отодвинул бокал, взял толстую турецкую папиросу. После снятия блокады их каждый день везли из Стамбула и Трапезунда фелюгами и парусными шхунами нищие турецкие контрабандисты. Лариса тоже протянула руку к коробке через столик, наклонилась, мелькнуло на секунду в вырезе платья аккуратное смуглое полушарие с ярко-розовой вишенкой соска. Наверняка нарочно две лишние кнопки расстегнула, зараза...

Некоторый резон в словах Ларисы был. Только зря она преувеличивала силу своих чар. В тех условиях любая более-менее симпатичная девушка не могла не вызвать соответствующих эмоций. А Лариса... Конечно, до Ирины ей далеко, но в глаза она бросалась. И по-кошачьи гибкая фигура, и неуловимый флер тайной порочности...

Но почему бы сейчас не польстить девушке? Он вздохнул и развел руками: мол, что уж теперь.

– Вот видишь, от меня не спрячешься. Я вас всех насквозь видела. И почти возненавидела в первый же вечер. Такие все богатые, благополучные, утонченные и рафинированные якобы. Огромная дача, напитки самые заграничные, заку-

ки – из подсобок Елисеевского, японская аппаратура, даже и книги как напоказ – Джойс, Аврелий, Набоков... Стихи – не Асадов с Евтушенко, а Гумилев, Ходасевич, Гиппиус. И женщины ваши штучные... Если бы не Наталья, часа в вашей компании не осталась бы...

– За что уж так? Будто сама не из таких. Аспирантка, а джинсы «Левис» на тебе были, ценой в три твоих стипендии, кроссовки «Адидас» в ту же цену и подружка Наталья тоже из разряда штучных, отнюдь не продавщица овощного магазина...

– В том-то и дело, Саша, в том и дело. Хорошо, что Левашов сразу показался мне другим, простым и честным. Благодарным, я бы даже сказала. А про вас подумала... – Она вздрагивающей рукой поднесла папиросу к свече, прикурила. – Подумала, что тоже какие-нибудь «шестерки» партийные, на фарцовщиков и цеховиков вы не походили, а у кого еще тогда такие дачи бывали?

– Ну а чем тебе партийные так уж насолили?

– Да потому, что я была девочкой по вызовам аж в самом горькоме. И брата вашего научилась оценивать профессионально. Объяснять нужно?

– Чего уж тут объяснять...

Видимо, что-то в голосе Шульгина Ларисе не понравилось.

– Не надо так со мной разговаривать! – перешла она почти на крик. – Подумаешь, чистоплюи! Знаю, что ты сказать хо-

чешь: «А кто тебя заставлял?» Хорошо со стороны рассуждать! Я ведь очень приличной девушкой была. Как все до поры до времени. Даже в комитет комсомола института меня выбрали. На четвертом курсе. Как-то послали нас, меня и еще троих таких же, на районной партконференции помогать. Регистрация там и все такое... Приглянулась я кому-то из руководства. После конференции пригласили на «шестой вопрос» – так у них пьянка по случаю избрания на новый срок называлась, – под Москву, на спецдачу. Похожую, кстати, на вашу валгалльскую. Сначала все было как положено – ужин, тосты, речи. А мы с девчонками в качестве гейш и одновременно официанток. А потом... – Лариса махнула рукой, жадно затянулась. – Драться постеснялась, а на слова мои и слезы внимания никто не обращал...

Утром уже, когда нас домой развозили, завоорг сказал, что, если болтать станем, и из института вылетим, и родителям неприятностей хватит. А правильно все пойдем – не пожалеем. У меня поначалу настроение было повеситься или таблеток наглотаться. Я ведь считай что девочкой была... Пробовала, конечно, пару раз, но так... почти теоретически. А тут сразу... Но ничего, вовремя одумалась. А дальше пошло... Правда, не обманули. – Она криво улыбнулась. – Отметки всегда были в порядке, каждый месяц в «сотую секцию» ГУ-Ма пускали, все бесплатно, в турпоездки заграничные по «Спутнику» тоже бесплатно ездила... Распределили сразу в аспирантуру... – Она снова махнула рукой. – Да зачем я тебе

все рассказываю? Дело прошлое, и ничего в нем особенного нет. Не на Казанском вокзале за пятерку... Считай, что выполняла свой партийный долг.

– Ты и в партии состояла? – непонятно зачем спросил Шульгин.

– А как же! После третьего спецобслуживания приняли. Михаил Николаевич сказал, что не имеет морального права трахать беспартийную...

– А это кто такой? – Разговор казался Сашке глупым и никчемным, но странное любопытство не позволяло его прервать. Да и девушке лучше дать выговориться. Слишком долго она это в себе держала. Может быть, и Наталье не рассказывала.

– Секретарь горкома по торговле и еще по чему-то... Не вникала. Я ему приглянулась и постоянной у него стала. Ночь с субботы на воскресенье – его. Но зато больше никто не посягал... Он меня даже инструкторшей в свой отдел взять решил, но тут уж я на дыбы. Мне наукой заниматься хотелось. Что ты опять усмехаешься? Думаешь, если блядь партийная, так еще и дура? У меня, к твоему сведению, диссертация почти готова. Еще неизвестно, что хуже – с секретарем горкома четыре раза в месяц на дачку съездить или за каким-нибудь придурком замужем тем же самым каждый день заниматься, тошноту подавляя. Вон как Наталья – назло Воронцову замуж выскочила, а потом не знала, куда деваться... Нет, он вообще-то мужик ничего был, даже симпатич-

ный, если бы не такой толстый, только как напьется, подавай ему всякие изощренности... Какую-нибудь «Эммануэль» на видик поставит и требует, чтобы я то же самое изображала...

Лариса раздавила папиросу в пепельнице, с отвращением посмотрела на бутылку, из которой Шульгин хотел налить ей еще шампанского.

– Да убери ты это! У меня уже под горлом плещется. Лучше коньяку рюмку...

– Не развезет?

– Ну и слава богу, если развезет. Зато выплюсь как следует. И все забудем, договорились? – Могла бы и не спрашивать...

Лариса залпом выпила серебряную царскую чарку грамм на сто, подышала открытым ртом, не закусив.

– Все. Хватит. Засиделись. Пойду к себе. А ты прибери здесь. Терпеть не могу, когда до утра на столе обеды остаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.